Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ПИЛЯК Сергей Александрович

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АКТУАЛИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Специальность 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант –
Астафьева Ольга Николаевна
доктор философских наук, профессор

Москва – 2024

Содержание

Введение 4

Глава 1. Интерпретация культурного наследия как теоретико-методологическая стратегия в гуманитарном знании 66

1.1.Исследование культурного наследия в системе гуманитарного знания: понятия и смыслы 66

1.2.Понимание «интерпретации» как категории философии культуры 84

1.3.Герменевтический подход к изучению феноменов культурного наследия 93

1.4.Расширение трактовки понятия интерпретации культурного наследия на современном этапе развития философии 133

Глава 2. Специфика культурного наследия как объекта интерпретации: теоретические и прикладные ракурсы фокусирования 157

2.1. Базовые принципы интерпретации и трансляции культурного наследия 157

2.2. Материальное культурное наследие как объект интерпретации 187

2.3. Музей как пространство культурно-исторической интерпретации и актуализации материального культурного наследия 199

2.4. Культурфилософское осмысление интерпретации культурного наследия как инструмента манипуляции 223

Глава 3. Познавательные культурфилософские инструменты интерпретации культурного наследия 244

3.1. Иллюзорность определения понятий субъекта и объекта в интерпретации материального культурного наследия 244
3.2. Факторы влияния на интерпретативную процедуру познания культурного наследия 253
3.3. Механизмы интерпретации культурного наследия в культурфилософском дискурсе 263

Глава 4. Эвристичность интерпретации материального культурного наследия 275

4.1. Проблемные контуры методов сохранения и актуализации материального культурного наследия в философском осмыслении 275
4.2. Интерпретация как метод сохранения культурного наследия 290
4.3. Потенциал интерпретативной стратегии в контексте сохранения культурного наследия 299
4.4. Эвристичность интерпретации материального культурного наследия в научном пространстве России 311

Заключение 329

Список литературы 332

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Состояние объектов наследия зачастую формирует негативное отношение к вопросам его сохранения и восприятию прошлого в принципе. Для сферы наследия остаётся свойственным осознание драматизма сложившейся ситуации. Следовательно, актуализация наследия как реализация его потенциала в социокультурной среде, представляет комплексную задачу теоретической и практической направленности. Прежде всего, связанную с потребностями в разрешении ряда актуальных вопросов, в том числе обеспечения культурной преемственности и востребованности традиционных духовных ценностей, как обеспечивающих устойчивость культуры в условиях динамических цивилизационных изменений. Наследие в общемировой культуре выступает своего рода камертоном, по которому настраивают свой жизненный путь разные народы. Разрешение противоречий, связанных с культурным наследием, является важной задачей современности.

Несмотря на многочисленные научные работы и разнонаправленную исследовательскую работу, наследие остаётся за пределами однозначных оценок и точных теоретических определений. Исходя из этого, представляется целесообразным проведение комплексного философского осмысления феномена наследия.

Интерпретация культурных ценностей и культурного наследия является одним из наиболее распространённых методологических процедур и форматов их восприятия. Объект наследия попадает в зависимость от того, как он будет «прочитан» и истолкован. Исследование инструментов актуализации культурного наследия должно заключаться, в том числе, в упорядочивании существующих методов и практик, их философском осмыслении и

формировании единой платформы, позволяющей продолжить разработку результативных приёмов.

Оценка современного сохранения наследия зачастую трактуется как проблемное поле. Существующий конфликт желаемого и действительного в сфере, сопряжённый с дефицитом интеллектуальных и материальных ресурсов, требует избирательного подхода и эффективных методик. Это также определяет высокую актуальность диссертации. Настоящее исследование посвящено вопросу расширения использования понятия «интерпретация» в контексте сохранения культурного наследия, в том числе использованию её механизмов в сохранении. Интерпретация одновременно является условием не столько для защиты прошлого, сколько для конструирования будущего, воплощаемого в тесной взаимосвязи с историческим фундаментом человечества.

Культурфилософский анализ источников и исследований позволяет сделать предварительный вывод, что культурное наследие по-прежнему требует осмысления в философском ракурсе и рассмотрения как целостной системы. Понятие «культурные ценности» является важной философской и культурологической категорией. В общем смысле культурными ценностями является весь результат творческой деятельности развития человечества, что позволяет рассмотреть их как одну из ключевых категорий философии и культурологии.

Однако интерпретация культурного наследия как предмет самостоятельного научного исследования ещё не подвергалась глубокому анализу, тем более с точки зрения практической применимости полученных выводов и формирования результативной методики. Свойственной для диссертационного исследования остаётся привязка преимущественно к российскому опыту актуализации и интерпретации наследия. Это, во-первых, объясняется согласованием теоретической и практикоориентированной направленностью исследования; во-вторых, во многом очевидным

превосходством отечественного опыта в сохранении и интерпретации наследия.

Представляется необходимым проведение междисциплинарных, комплексных исследований творчества на основе выработки философских принципов этого феномена, обобщения и систематизации, как отечественного и зарубежного опыта, так и междисциплинарного опыта, включающего философские и психологические подходы к анализу наследия, а также естественнонаучных и гуманитарных представлений о нем. На наш взгляд, реализация комплексного теоретического подхода даёт возможность глубокого анализа механизмов генезиса, сохранения и использования объектов наследия в современности, исходя из чего в диссертационной работе нами сделан акцент на практическое применение результатов исследования.

Не последнее место в обосновании актуальности диссертационного исследования имеет потребность в создании единого понятийного пространства (категорий) на основе принципов философской антропологии и философии культуры, оценки механизмов и практических инструментов интерпретации.

Степень научной разработанности проблемы

Изучение различных аспектов, связанных с интерпретацией и актуализацией материального культурного наследия, нашло отражение в трудах значительного количества исследователей. Сложная междисциплинарная проблематика заставляет обращаться к смежным исследованиям. Ожидаемо близкими являются культурологические и отчасти – искусствоведческие работы. Предлагается условно разделить материалы исследователей на несколько групп, в зависимости от превалирующего предмета исследования.

1. Вопросы познания и восприятия

В числе российских учёных, разрабатывавших проблематику восприятия и во многом сформировавших теорию познания и восприятия М. М. Бахтин, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк. Исследователи А. В. Штофф и Г. Г. Шпет заложили основы современного толкования данных понятий. Расширяя данную проблематику, П. А. Флоренский обратил особое внимание на понятие и проблему среды, окружающей объект и формирующей оказывающий существенное влияние на результат познания контекст. В дальнейшем В. Г. Кузнецов сыграл ключевую роль в развитии герменевтики и понимания, сформировав целостную концепцию, опирающуюся на тезисы Г. Г. Шпета. Вопросам эпистемологии посвящены работы таких учёных, как: У. Эко, Р. Якобсон, Ж. Пиаже, К. Леви-Строс, Ж. Лакан, М. Бензе и др. Философ Юрген Хабермас разработал теорию коммуникативного действия, особое внимание обратив на политику, право, культуру, ориентированные на передачу традиционных культурных ценностей.

В настоящее время указанный круг вопросов продолжает получать развитие благодаря исследовательской работе современного поколения учёных. Так, значительный вклад в развитие современной эволюционно-информационной эпистемологии внёс И. П. Меркулов. При этом в философии В. В. Миронова особое место занимают вопросы интерпретации. В поле зрения выдающегося учёного интерпретация предстала в качестве творческой деятельности, приумножающей смыслы на фоне трансформации контекста. В продолжение темы Д. П. Козолупенко рассматривает вопросы мировосприятия и интерпретации через генерацию мифа как антропологической установки. В рамках отечественной культурфилософской традиции Ф. И. Гиренок исследует вопросы философской антропологии, русской философской идентичности, важнейших цивилизационных задач, воплощение которых зачастую зависит от культурного наследия. Н. В. Волохова рассматривает через призму философии культуры широкий спектр мировоззренческих вопросов.

Феномену метафоры особое внимание уделяли П. Рикёр, Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет, Д. Дэвидсон, Н. Гудмен, Дж. Сёрль, Дж. Лакофф и др. Вопросы формирования культурного кода были рассмотрены в исследованиях Р. Барта, Ю. М. Лотмана, У. Эко и др.

2. Вопросы культуры и культурного наследия

В целом культурное наследие как категорию философии культуры рассматривали О. Шпенглер, М. Хайдеггер, Г. В. Ф. Гегель. Исследователи заложили основы специфики восприятия культурного наследия в качестве особой философской и культурологической категории.

Важной философской задачей на протяжении последних десятилетий остаётся осмысление и определение направлений развития современной культуры в контексте расширяющихся постмодернистских тенденций. Назовём в этом связи работы А. В. Павлова и А. В. Маркова, посвятивших теме культуры постмодернизма специальные исследования. При этом, рассматривая постмодернизм, Н. Б. Маньковская останавливается на вопросах философии искусства и эстетики, неразрывно связанных с темой культурного наследия. Тем самым исследователь вносит значительный вклад в изучение феноменов культуры. Также большое внимание анализу природы феноменов культуры уделяют О. А. Жукова, В. Н. Порус, Р. З. Хестанов и др. Важный практический вектор – вопросы конструирования региональной идентичности, которые раскрыты в работах В. А. Шахова[1], Д. Б. Сундуевой[2], М. Н. Сергеевой[3]. М. А. Тяглова ведёт дискуссию о ценности культуры в

[1] Шахов, В. А. Генезис и специфика культуры Калининградской области: диссертация ... доктора культурологии: 24.00.01 / Шахов Вячеслав Александрович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»], 2019.- 334 с.

[2] Сундуева, Д. Б. Культурная идентичность малых этнических групп трансграничья : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Сундуева Дина Борисовна; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т]. - Чита, 2017. - 42 с.

[3] Сергеева, М. Н. Молодежь Тувы и ее информационная культура в период глобализации: аспекты адаптации : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Сергеева Мария Николаевна; [Место защиты: Сиб. федер. ун-т]. - Красноярск, 2017. - 23 с.

современном мире[4]. Помимо обращения к смежным вопросам культурфилософии на примере конкретных регионов, авторы, что важно, уточняют системные понятия данной отрасли научного знания. Крупнейший современный исследователь проблем инклюзии Н. Е. Судакова рассматривает обращение к артефактам культурного наследия как возможность формирования единого ментального «языка», понятного и доступного каждому.

Вопросы трансформации культуры в процессе глобализации отражены в работах О. Шпенглера, А. Тойнби, А. Н. Чумакова, И. В. Ильина и др. Общеизвестно, что Р. Робертсон предложил собственную теорию глокализации, поскольку как в прошлом, так и сегодня глобализация происходит наряду с «глокализацией», то есть приспособлением заимствованных культурных элементов к различным локальным условиям на основе местной традиции. В глокализации находят своё выражение тенденции сопротивления локальных культур процессам унификации и стремление сохранить свою культурную идентичность. Согласно исследованиям А. Тойнби, культурная экспансия вместе с возникающими контрвлияниями приводит к синтезу мощных объединяющих культурных феноменов. Подобными примерами могут служить все мировые религии, сформировавшиеся на границах цивилизаций. Более детально данные процессы рассматривает Я. Питерс, сформировавший собственную концепцию гибридизации. Исследователь трактует культурную гибридизацию как смешение, взаимопроникновение и переработку элементов различных культур в определённом социокультурном пространстве. Среди крупнейших отечественных исследователей О. В. Каширина, осуществляющая социально-философский анализ ключевых культурных изменений общественных

[4] Тяглова, М. А. Игра как способ конституирования сакрального начала в современных молодёжных субкультурах : на примерах ролевого и реконструкторского движения : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Тяглова Мария Александровна; [Место защиты: Крым. федер. ун-т им. В.И. Вернадского]. - Симферополь, 2017. - 26 с.

отношений в контексте глобализации. Разрабатывает проблематику культурной идентичности в контексте ускоряющейся глобализации И. В. Малыгина.

Научный поиск постепенно привёл к выделению особого исследовательского направления. Американский культурантрополог Л. А. Уайт считается создателем культурологии как науки. В соответствии с идеей Л. Уайта, культура является целостной самонастраивающейся системой, включающей символическую, технологическую, идеологическую стороны[5].

Понятие объекта культурного наследия и различные аспекты его трактовки разрабатывают представители плеяды выдающихся исследователей: Ю. А. Годованец, А. В. Работкевич, К. Е. Рыбак, И. Е. Кознова. В. К. Егоров уделяет особое внимание вопросам практической реализации изменений социокультурной сферы. Л.Б. Зубанова разрабатывает тему социологии культуры, одновременно исследуя понятие мемориального пространства как хранителя идентичности. Вкладом отечественного философа и культуролога М. С. Кагана является развитие системного метода в культурологических исследованиях. Вопросы философии архитектуры и архитектурного наследия отражены в работах И. О. Бембель, И. А. Бондаренко, Д. О. Швидковского и других исследователей. Выдающимиеся учёные рассматривают вопросы преемственности культурной идентичности, транслируемой в архитектурном наследии, уточняют критерии подлинности объекта материального наследия, рассматривают и анализируют вопросы восприятия объектов культурного наследия.

В трудах К. Е. Рыбака уточняется понятие культурного наследия с точки зрения современной музейной практики. Исследователь вносит значительный вклад в расширение и обобщение научного знания в

[5] Уайт, Л. Наука о культуре // Онтология исследований культуры / Под ред. Л.А. Мостова. Т. 1. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 141-156.

междисциплинарном поле на границах музеологии, культурологии и права. Для научного исследования наследия наиболее результативным остаётся использование междисциплинарных методов. Системный подход в исследовании культурного наследия применяют отечественные учёные Ю. С. Путрик, И. А. Селезнева и др. Особенностью приёма и методики является использование методов точных наук, формирование единой матрицы объектов наследия, результаты анализа которой возможно применять в сферах туризма и культуры.

В сфере историко-культурного наследия и его актуализации особый вклад является достижением научных работ А. В. Бунина, В. Л. Глазычева, А. Э. Гутнова, Н. Ф. Гуляницкого, М. В. Нащокиной, Ю. В. Ранинского, Т. Ф. Саваренской, А. С. Щенкова и др. Учёные разрабатывают тематику формирования индивидуального контекста объекта наследия для обеспечения восприятия комплекса уникальных характеристик.

Общие принципы формирования и развития исторической среды рассмотрены в трудах следующих учёных: А. В. Иконникова, Г. З. Каганова, Т. А. Славиной, О. А. Швидковского, Д. О. Швидковского. Л. Беневоло, А. Э. Бринкман, Э. А. Гаткинд, Ф. Гибберд, З. Гидион и ряд других исследователей рассматривают формирование объёмно-планировочной среды через призму общественных отношений и актуализации региональных и национальных традиций.

Вопросы сохранения архитектурного наследия, актуализации памятников искусства рассмотрены в трудах следующих исследователей: Г. В. Есаулов, Б. М. Кириков, Е. И. Кириченко, В. А. Лавров, А. В. Махровская, М. Б. Михайлова, К. Зитте, П. Лаведан, Г. Ланчестер, Ф. Йорнс, В. Рауда, Э. Панофский, Э. Эгли и др. В развитие темы И. А. Бондаренко, посвятивший свои труды вопросам философии архитектурного наследия, во многом разработал проблематику понимания

актуализации архитектурных памятников и возможностей их использования на современном этапе развития техники и общества.

Свой вклад в вопросы сохранения и актуализации культурного наследия вносит академик В. А. Тишков. Исследователь разрабатывает тему двойной культурной идентичности на примере русской и российской культуры. Одновременно некоторые из указанных в разделе исследователей рассматривают тему двойной идентичности на примере региональной и национальной культуры. Данными исследователями и их последователями заложены основы понимания особенностей развития российской культуры.

Философская рефлексия культурного наследия в заметной степени обладает контекстным характером. Данная тема вплоть до сравнительно недавнего времени не была самостоятельной отраслью знаний и находилась на периферии осмысления государства и общества, человека и его действий.

3. Социокультурное развитие и реализация государственной культурной политики

Как в отечественной, так и общемировой практике крупнейшим субъектом сохранения и актуализации культурного наследия является государство. Следовательно, тема социокультурного развития и реализации государственной культурной политики, ориентированной на практическую деятельность, является важным полем для анализа. Культурная политика и различные аспекты актуализации историко-культурного и социокультурного потенциала объектов наследия являются темой исследования Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой, Ю. П. Шульгина, Р. Ф. Туровского, В. Л. Каганского и др. Также Ю. А. Ведениным проведена значительная работа по уточнению понятия культурного ландшафта.

Ключевые вопросы значения и практического использования артефакта культуры в развитии социокультурной сферы отражены в трудах

О. Н. Астафьевой, Г. А. Аванесовой и ряда других учёных. А. А. Чивилев[6] ведёт исследование межличностного диалога путём культурной коммуникации. Диссертационные исследования последних лет доказывают значительный интерес к различным проблемам актуализации наследия. Наследие «кодирует» прошлое, его успехи и достижения. Е. А. Сайко в продолжение темы делает в исследовательской работе акцент на социогуманитарном развитии и современном культурном диалоге.

Особое значение в исследовании актуализации наследия приобрёл метод концептуализации образа прошлого как феномена культуры, разработанный М. Л. Шуб. В развитие темы М. А. Тяглова затрагивает вопросы наследия в рамках дискуссии о ценности культуры в современном мире.

В продолжение практической реализации выводов очерченного круга исследований Т. В. Беспалова внесла вклад в рассмотрение ценностно-нормативных основ российской культурной политики в контексте развития патриотизма. Исследователем рассмотрены принципы и современное состояние патриотического воспитания с привлечением произведений культуры и искусства. Рассматривая данное понятийное поле, А. В. Дахин анализирует историческую память и культурное наследие в качестве важнейших государствообразующих концептов. Выдающийся философ вносит значительный вклад в теоретическое осмысление генезиса государства и развития социальных отношений.

С. А. Семедов рассматривает вопросы культуры через призму профилактики экстремизма. Культурное и историческое наследие занимают особое место в работах исследователя в качестве практического стабилизирующего общественного начала и инструмента «мягкой силы» в

[6] Чивилев, А. А. Межличностная коммуникация как феномен современной культуры : опыт культурологического анализа : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Чивилев Александр Андреевич; [Место защиты: Челяб. гос. ин-т культуры]. - Челябинск, 2017. - 25 с.

реализации международных отношений. Также указанную проблематику разрабатывает А. В. Римский, рассматривающий вопросы философии экстремизма, в том числе основанного на культурных и национальных противоречиях, а также профилактики экстремистских проявлений, в том числе с учетом обращения к объектам культурного наследия.

Разрабатывая актуальную тему преодоления дефицита материальных ресурсов в сфере культуры и сохранения культурного наследия выдающийся современный учёный А. Я. Рубинштейн, выступая продолжателем исследователя общественных финансов Р. Масгрейва, разработал теорию товаров и услуг, опекаемых государством ввиду их высокой социальной значимости.

А. В. Ситников уделяет особое внимание идентичности, рассматривая данный феномен на примере национальной и религиозной принадлежности[7]. Учёный рассматривает различные компоненты и маркеры идентичности, уделяя внимание, в том числе, объектам наследия. В поле исследовательской деятельности учёного важное место занимает конструирование национальной и религиозной идентичности с опорой на артефакты материального и нематериального наследия. В. М. Сторчак рассматривает вопросы выстраивания религиозной идентичности, в том числе с обращением к культурным и историческим артефактам.

Вопросы межкультурной коммуникации занимают особое место в трудах современных учёных. Исследования Н. М. Мамедова значительно расширяют дискурс философии. Учёный рассматривает процесс формирования мировоззрения через призму комплекса экологических проблем и принципов межкультурной коммуникации. И. Г. Белякова рассматривает вопросы межкультурной коммуникации. Исследователь изучает возможности разрешения современных социальных противоречий

[7] Ситников, А. В. Нация и религия: к определению понятия «религиозный национализм» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 579–589. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-579-589.

инструментами социокультурного проектирования, с привлечением артефактов культурного наследия. Выдающийся учёный М. В. Силантьева рассматривает культурное наследие как проявление идентичности и средство культурной дипломатии. Практикоориентированный вектор исследований имеет особое значение в контексте осмысления условий для сохранения артефактов.

Особое внимание в работах О. Н. Астафьевой, Т. В. Беловой, В. М. Межуева, В. М. Петрова и др., уделено методам осуществления, прогнозированию культурной политики и инструментам её реализации. При этом Л. Е. Вострякова, Г. А. Голицына, Ю. А. Лукина рассматривают ценность артефактов культуры через призму практической осуществимости социокультурных проектов. Рассматривая социокультурное проектирование как инструмент гармонизации общественных отношений, Т. Н. Суминова ведёт последовательное исследование арт-менеджмента в культурфилософском дискурсе.

Исследователи круга К. Э. Разлогова, А. Я. Флиера, О. В. Хлопиной и др. рассматривают культурное наследие в качестве инструмента решения существующих социокультурных противоречий. Учёные осуществляют глубокий анализ культурной среды как феномена культурноисторического пространства и ключевого фактора развития социума.

4. Вопросы трансформации восприятия в контексте развития цифровых технологий

Вопросам развития информации, информационных революций, медиафилософии и медиалогии в целом значительное внимание уделяли Жильбер Симондон, И. Е. Барненбаум, К. Н. Костюк, В. С. Люблинский, Ю. Н. Столяров, Д. А. Эльяшевич и др. Основоположником медиалогии можно назвать Маршалла Маклюэна, охарактеризовавшего эффекты медиа через расширение человеческой чувственности.

И. Ю. Алексеева сформулировала ряд ключевых положений по результатам исследования проблем искусственного интеллекта, сферы цифровых технологий и осмысления роли и места компьютера в существовании и функционировании знания.

В изучение различных аспектов культуры в контексте развития информационного общества внесли весомый вклад: О. Н. Астафьева, Ю. М. Лотман, А. С. Мыльников и др. В продолжение темы исследователь А. И. Арнольдов раскрывает жизнеустроительную роль культуры и наследия в целом, их социальный потенциал. Учёный понимает культуру как созидательную деятельность по преобразованию природы и общества.

5. Вопросы практической актуализации материального культурного наследия

Данный цикл вопросов чаще рассматривался в рамках музеологии и смежных ей дисциплин. В работах Г. В. Ф. Гегеля уже подчёркивается перформативная природа произведения искусства как культурного жеста, способного прервать исторические связи и служить проводником в искусственном музейном контексте.

Важный шаг был сделан благодаря исследованиям Джона Коттона Дана, создавшего концепцию «полезного музея». Согласно концепции, музеи в своей деятельности должны уделять важнейшее внимание не приобретению, а экспонированию и интерпретации предметов. Важнейшим условием музейного развития определяется служба местному сообществу или общине. Работы Д. К. Даны, а также Д. Б. Гуда и Б. И. Гиллмана позволяют рассмотреть трансформацию музейной модернизации и формировании основ современного музейного менеджмента и маркетинга.

Новым шагом в музейном деле становится музеефикация среды. Артур Газелиус, создавший первый музей под открытым небом в Стокгольме в 1891 году, может быть назван основоположником скансеологии – науки о музеях под открытым небом как естественных или искусственных пространствах,

выполняющих задачу сохранения и трансляции локальной культурной и природной идентичности.

Понятие «музейная коммуникация» как процесс общения посетителя с музейными экспонатами, ввёл в научный оборот в 1968 году канадский музеолог Дункан Ф. Камерон. Развитие данной позиции привело к формированию коммуникационного подхода, представляющего посетителя полноправным участником процесса восприятия. По мнению автора, подобный подход возможно распространить на актуализацию культурного наследия в целом.

В формировании современной музеологии неоспоримо влияние Лестерской школы, в первую очередь, представленное трудами таких учёных, как С. Пирс, Э. Хупер-Гринхилл и Р. Сандэлл. Сьюзен Пирс анализирует полисемантизм музейного предмета в качестве символа, особо отмечая его потенциал для аффективного восприятия. Эйлен Хупер-Гринхилл рассматривает механизм коммуникации на примере музейной экспозиции, в которой знание посредством музейного предмета конструируется совместно с интерпретатором на основе общегуманитарного знания, а не транслируется в готовом виде. Ричард Сандэлл вносит вклад в понимание музея как участника социального развития. Обращаясь к современным философским концепциям, исследователи Лестерской школы смогли обосновать стратегические приоритеты музейной деятельности, актуальные и по сей день.

Весомый вклад в развитие современной музеологии внесли исследователи Восточной и Центральной Европы, разработавшие теорию музеальности. Важные выводы сформулированы в материалах И. Неуступного, Й. Бенеша, З. Странского, Л. Грегоровой, И. Ян, К. Шрайнера, И. Мароевича.

Важным этапом в развитии музеологии становится концепция экомузея Ж. А. Ривьера. В отечественной практике подобный формат, нацеленный на фиксацию, сохранение и трансляцию локальной идентичности путём

сохранения природного и культурного наследия на ограниченной территории, получил название средового музея. В дальнейшем получают распространение концепции рассредоточенного или текучего музея, сформулированные в работах английских историков К. Госдена и Ф. Ларсен, К. Хилл, а также австралийской исследовательницы Ф. Камерон.

Отечественный учёный Н. И. Романов разработал понятие духовного хранения. Исследователь обратил особое внимание на формирование особого музейного пространства, раскрывающего духовный смысл артефактов. Также исследователь приблизился к пониманию амбивалентной природы наследия, органичному сосуществованию духовной и физической составляющих.

Различные аспекты актуализации культурного наследия путём их музейной репрезентации рассматривали отечественные исследователи Б. В. Гнедовский, М. Б. Гнедовский, Т. Г. Богатырева, О. И. Генисаретский, С. Н. Горушкин, Т. П. Поляков, А. М. Разгон, М. Е. Каулен, А. А. Сундиева, И. В. Чувилова, Э. А. Шулепова и др. Методы работы с культурным наследием рассмотрены в работах В. И. Плужникова. Культурологические методы отличают работы И. К. Кучмаевой. М. Е. Каулен, напротив, особое внимание уделяет подходам в музеефикации культурного наследия, что позволяет определить специфику процесса в российских реалиях. Анализ музеологии как самостоятельной дисциплины проведён в работах В. Г. Ананьева и Ю. П. Пищулина. К настоящему времени музейная экспозиция рассматривается как специфическая форма публикации научной работы, осуществлённой в процессе комплектования музейных предметов, их изучения и описания. Одним из ведущих музеологов нового поколения следует назвать Д. А. Прокудину. Исследователь продолжает разработку сформировавшихся к рубежу XX-XXI веков теорий и рассматривает музейное пространство как зону активной коммуникации, а наследие видит важнейшим ресурсом развития территорий.

Несмотря на разнообразие и противоречивость всех существующих концепций, исследующих проблемы творчества, можно отметить, что исследователями накоплена определённая информация об этом феномене, прежде всего связанная с отдельными проявлениями его специфики. В то же время этот анализ показывает свойственную ему определённую односторонность, что затрудняет целостное понимание культурного наследия, его природы и сущности. Обращение к актуальному на настоящий день целостному философскому анализу потенциала культурного наследия в человеческом и социальном измерении не даёт конкретного результата. Аспекты, связанные с интерпретацией наследия, не получили должной философской категоризации. За пределами проблематизации наследия остаётся человек. Ключевое внимание философской мысли чаще смещается в сторону более общих мировоззренческих вопросов. Восполнению данной научной лакуны и посвящено данное диссертационное исследование.

В целом, к настоящему моменту сформировано понимание культурного наследия как особой философской и культурологической категории, обладающей очевидной спецификой в развитии, сохранении и использовании. В данной отрасли создан научный аппарат, в том числе специальная терминология. Следует отметить, что проблемы интерпретации наследия определяются как междисциплинарные, что требует детального философского осмысления и определяет объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объект исследования

Культурное наследие на современном этапе развития общества.

Предмет исследования

Предметом исследования является потенциал интерпретации в актуализации и сохранении культурного наследия.

Целью исследования является осмысление и обоснование целостной философско-культурологической методологии интерпретации в качестве инструмента актуализации и сохранения материального культурного наследия.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи** исследования:

1. Раскрыть генезис понятия «наследие» и особенности осмысления культурного наследия как философской категории на современном этапе.

2. Разработать категориальный аппарат культурфилософского исследования интерпретации культурного наследия и раскрыть эволюцию понятия «культурного наследия» в отечественной нормативно-законодательной базе, определяющей инструментарий культурной политики.

3. Рассмотреть теоретико-методологические основания исследования восприятия культурного наследия, сложившиеся в гуманитарном знании, и выявить особенности понимания восприятия, интерпретации и познания в контексте темы исследования.

4. Раскрыть специфику методологической процедуры интерпретации культурного наследия в структуре эволюции герменевтических подходов и современных общемировых тенденций.

5. Сформулировать и обосновать общие принципы интерпретации и трансляции культурного наследия с учётом осмысления своеобразия природы культурного наследия как результата и платформы развития человеческой цивилизации и, исходя из этого, рассмотреть специфику артефакта материального культурного наследия в качестве объекта интерпретации.

6. Обосновать концептуальные положения об особенностях интерпретации наследия в музейной среде, определив место интерпретации культурного наследия в качестве инструмента управления социокультурной деятельности и культурной политики.

7. С культурфилософской позиции раскрыть базовые принципы взаимодействия субъекта и объекта в процессе интерпретации, исходя из

необходимости определения возможностей актуализации культурного наследия в сфере его сохранения.

8. В рамках анализа интерпретации, как инструмента познания наследия, выявить факторы влияния не только на процесс восприятия, но и на результат, направив культурфилософский дискурс на осмысление интерпретации культурного наследия во взаимодействии и дополнении с принятыми прикладными методиками сохранения артефактов материального культурного наследия.

9. Концептуализировать идею перехода к принципиально новым сценариям сохранения наследия, исходя из проработки прогноза дальнейшего расширения интерпретации в качестве полноценного инструмента актуализации и сохранения материального культурного наследия в контексте общемировых тенденций актуализации наследия в качестве особого способа реализации его потенциала.

10. Обосновать экспективные возможности наследия и новые потенциальные векторы его внедрения в современность, обосновав современные технологии внедрения наследия в повседневность, с учётом сложившихся механизмов интерпретации в современной научно-теоретической среде.

Гипотеза

Сохранение артефактов материального культурного наследия представляет комплексный процесс, обязательно включающий интерпретацию и актуализацию потенциала артефакта путём внедрения в духовный и экономический оборот. Разработка методологического инструментария для культурфилософского обоснования интерпретации как инструмента актуализации и сохранения объектов материального культурного наследия позволяет вывести процесс его теоретического познания и практического внедрения на новый научный уровень.

Выбор **теоретико-методологической базы исследования** обусловлен сложным характером предмета исследования. Потенциал интерпретации может быть полноценно рассмотрен в рамках интегрированного культурфилософского подхода, в контекстах философии, эпистемологии, герменевтики, а также культурологии, антропологии, искусствоведения, истории, ряда иных гуманитарных наук. Глубокому рассмотрению проблематики способствует последовательное применение методик, свойственных для обширного спектра гуманитарных наук, совокупно раскрывающие феномен культурного наследия. Следовательно, условием проведения исследования является его междисциплинарность.

Системный подход позволяет рассмотреть объекта познания в качестве системы, имеющей взаимосвязанные элементы и определённую специфику действия и существования. Опора на понятие целого и части позволяет зримо видеть целостность процесса, проанализировать в качестве обособленной сферы жизни общества, сделать выводы об институциональном строении наследия, разработать понятийно-категориальный аппарат репрезентации познаваемого объекта, раскрыть генеральные процессы в момент установления закономерностей, своеобразия и основополагающих свойств. Структурно-функциональный метод позволяет рассмотреть различные составляющие культурного наследия с учётом их специфики и соучастия в формировании общей картины. Применение метода обеспечит выделение отдельных проблем, свойств, особых феноменов наследия.

Исторический метод используется при исследовании возникновения и трансформации явлений и феноменов наследия, в том числе и его генезиса. Метод позволит полноценно проанализировать их сущность и тенденции изменения в историческом развитии. Метод исторической аналогии позволяет поставить различные предметы в схожие условия, чтобы проанализировать результат их взаимодействия.

Сравнительный метод позволяет выделить общее, установить повторяемость, регулярность явлений, выделить особенное, индивидуальное. В основе метода лежит сравнение форм и установление закономерностей.

Метод концептуализации позволяет теоретически организовать представления о трендах, обосновать концепт, сформировать понимание узловых моментов стратегии.

Кроме этого, получить результат исследования позволит применение общенаучных методов и приёмов теоретического познания – таких, как: наблюдение, описание, сравнение, измерение, эксперимент, моделирование, анализ, синтез, систематизация, абстрагирование, формализация, моделирование, метод количественных оценок, а также комплекс прогностических методик.

В целом методы, применённые в исследовании, представляют совокупность общенаучных методов, характерных для гуманитарных и общественных наук. Исследование проведено с использованием методов анализа и синтеза, систематизации и классификации. В исследовании был также применен общий историко-философский подход, сочетающий анализ материалов по теме исследования и изучение процессов формирования и трансформации ключевых понятий в историческом развитии.

Научная новизна исследования:

До настоящего момента, несмотря на существующий в гуманитарной сфере запрос, исследуемое междисциплинарное поле ещё не нашло себе места и не определило внутреннюю структуру. Данная ситуация предопределяет широкую новизну исследования, излагаемую в следующих тезисах:

1. Представлено авторское рассмотрение проблем культурного наследия как философской категории; сформулированы проблемы, определены свойства культурного наследия. В данном диссертационном исследовании впервые осуществляется философское осмысление процесса интерпретации в качестве инструмента устойчивого развития человеческой

цивилизации, в том числе особо актуального на современном этапе. В рамках исследования рассмотрен и концептуально описан феномен и генезис культурного наследия.

2. В рамках раскрытия эволюции понятия культурного наследия впервые определено, что положения действующей нормативной базы в сфере сохранения культурного наследия рассматривают и регламентируют сохранение исключительно физического воплощения объектов культурного наследия. Одновременно сделан и обоснован вывод о высокой значимости практической работы по актуализации духовной ценности артефактов культуры, требующей научного осмысления. Исследование направлено на решение методических задач и теоретической проработки в данной отрасли научного знания.

3. Предложена, разработана и апробирована авторская методика исследования, направленная на последовательное раскрытие путём поэтапного анализа стадий осознания ценности наследия, рассмотрение и анализ сохранения, актуализации и переосмысления наследия на примере ограниченной группы культурных артефактов. Решение интеллектуальных задач в данной последовательности, как доказано в исследовании, позволяет обеспечить наиболее полную и положительную интерпретацию объекта наследия.

4. Уточнено, расширено и содержательно определено понимание феномена амбивалентной природы культурного наследия, введён комплекс понятий духовного и материального воплощений объекта наследия, требующих в рамках актуализации артефакта соответственно введения в культурный и экономический оборот путём специфичной индивидуальной интерпретации.

5. По итогам анализа специфики культурного наследия в целом и артефакта как объекта интерпретации в частности впервые сформулирован и введён в категориальный ряд философской антропологии комплекс

уточняющих специфику процесса принципов интерпретации и трансляции культурного наследия, а именно выделены и аргументированы принципы осовременивания, идентичности, цифрового воплощения, актуализации и деконструкции. Обосновано значение и применимость характеристик указанных принципов в практической работе, направленной на позитивное позиционирование артефактов культуры как результата и платформы развития человеческой цивилизации.

6. Обоснована специфика музейного пространства в качестве особой среды, служащей целям интерпретации культурного наследия. Реализация актуальной темы сохранения исторической памяти, выявление и предъявление историко-культурной значимости артефакта в музейной среде аргументированно представлен как эффективный и полноценный процесс. Методика музейной работы в качестве объекта междисциплинарного дискурса впервые описана и проанализирована с точки зрения механизма и последовательности интерпретации. Определено и обосновано ключевое место и значение интерпретации культурного наследия в качестве инструмента управления социокультурной деятельности и культурной политики.

7. Дана оценка структуре многослойности современного этапа развития сферы, впервые предложены некоторые направления развития и практические решения по снятию дезадаптационных факторов. Сделан вывод о том, что управление пониманием и восприятием – важный инструмент направления вектора развития человека и общества. Рассмотрен и теоретически осмыслен потенциал интерпретации в целях моделирования мировоззрения человека. В рамках исследования впервые было проанализировано и теоретически проработано использование этого инструмента в контексте культурного наследия.

8. Представлено обоснование интерпретации культурного наследия в качестве вида деятельности, выступающего в результативном

взаимодействии и дополнении с принятыми прикладными методиками сохранения артефактов материального культурного наследия. Адаптация информации об объекте наследия и его интенсивное продвижение, спланированные на основе выводов, полученных в рамках настоящего исследования и учитывающих специфику механизмов интерпретации и актуализации культурного наследия, обладают высоким потенциальным практическим результатом в укреплении значения и высокого статуса артефакта в современной социокультурной среде. Указанный набор данных даёт возможность сконструировать восприятие артефакта и поэтапно выстроить социальную мотивацию его сохранения.

9. Впервые с учётом амбивалентной природы культурного наследия предложена концепция актуализации артефакта в качестве особого способа реализации его потенциала путём разновекторной работы с физическим и духовным воплощениями. Автором лично в рамках проработанной концепции разработан и апробирован ряд методик по продвижению наследия (на примере конкретного объекта) и укреплению его роли в современной коммуникационной культуре. В рамках исследования сформулированы следующие базовые методы: формирование контекстного поля для презентации объекта, стратификация целевой аудитории и определение оптимальных инструментов для привлечения отдельных групп субъектов, полиформатность продвижения.

10. Предложена комплексная методика практического применения интерпретации как инструмента актуализации и сохранения материального культурного наследия, заключающаяся в многовекторной адаптации информации об объекте наследия в целях формирования образов, насыщающих коммуникативное поле и выстраивающих индивидуальные социокультурные связи между сознанием человека и памятником. Расширение форматов представления информации приводит к увеличению

воспринимающей артефакт аудитории до абсолютного большинства, что обеспечивает высокую результативность работы по актуализации наследия.

Положения, выносимые на защиту:

1. На основании анализа авторской трактовки основополагающих понятий и особенностей осмысления культурного наследия как философской категории в рамках выполненного исследования сформулированы следующие проблемы культурного наследия как философской категории: проблемы генерации и существования, уникальности, актуализации, адаптации, коммодификации, сохранения культурного наследия, а также проблема гармонизации отношений, в том числе межнациональных и межконфессиональных.

2. В рамках разработки категориального аппарата культурфилософского исследования интерпретации культурного наследия и раскрытия эволюции понятия «культурного наследия» в отечественной нормативно-законодательной базе сделан вывод о том, что целесообразным развитием действующей отечественной нормативной базы в сфере поддержки, сбережения и применения возможностей объектов культурного наследия может быть отражение понятий интерпретации и актуализации наследия. Логичным на современном этапе усовершенствованием культурной политики призвано стать формирование осознания ценности артефактов культуры, являющееся особым форматом деятельности по сохранению объектов культурного наследия, что требует соответствующей институциализации, ресурсного и нормативного обеспечения.

3. Несомненным остаётся значительный потенциал практического использования механизмов коррекции результата интерпретации, возникающего в человеческом сознании. При этом информация, получаемая в результате процесса познания артефакта наследия и оформляемая в виде понятий, суждений и умозаключений, может быть

скорректирована и адаптирована с целью наиболее дальнейшего сохранения объекта наследия.

4. Герменевтика, как методология толкования, заложила ряд положений, составляющих основу вознавательных процедур в сфере интерпретации артефактов культуры. К настоящему моменту сформулированы инструментарий, методология, проблемное и понятийное поле данной отрасли научного знания. Процессы познания и восприятия получили структурное оформление, что сформировало теоретическую платформу для практической интерпретации, обеспечивающей результативную актуализацию объектов культурного наследия.

5. Обосновано и аргументировано, что интерпретация культурного наследия с учётом осмысления своеобразия природы культурного наследия как результата и платформы развития человеческой цивилизации характеризуется рядом принципов, в том числе осовременивания предмета интерпретации, идентичности, цифрового воплощения материального культурного наследия, актуализации культурного наследия, деконструкции. Также в рамках исследования выделен, аргументирован и систематизирован следующий перечень основных особенностей материального культурного наследия как предмета интерпретации: темпоральность культурного наследия, личностно-образующая роль объектов наследия, допустимость создания объекта культурного наследия в рамках интерпретации.

6. Обосновано положение о том, что музейная среда является примером последовательного применения принципов сохранения культурного наследия путём интерпретации и актуализации. Расширение использования в социокультурной деятельности и реализации культурной политики подходов, свойственных музейной сфере, а именно особой последовательности стадий работы с предметом-артефактом-экспонатом, формирования расширяющего возможности восприятия объекта специфичного индивидуального контекста,

методик адаптации информации и адресации к исторической памяти, обладает значительным практическим потенциалом.

7. В процессе интерпретации отношения субъекта и объекта имеют сложный характер и отличаются иллюзорностью. Отмечено, что субъект-интерпретатор в связи с действием законов восприятия изначально ограничен в своем понимании объекта наследия. Человек, имея отношение к наследию как один и её акторов, воспринимает артефакт, фактически находясь внутри системы фактов исторической памяти. Таким образом, результат восприятия формируется в результате фактического диалога.

8. Установлено и продекларировано приоритетное значение актуализации материального культурного значения как важнейшего формата деятельности по его сохранению в физическом и духовном пространстве. Сформулирована и философски обоснована методология актуализации культурного наследия, заключающаяся в адаптации информации об артефакте и многовекторном продвижении на основе сегментации целевой аудитории.

9. Осмысление интерпретации культурного наследия в культурфилософском дискурсе позволяет аргументировать необходимость её принятия в качестве приёма, дополняющего существующие практические виды деятельности по сохранению объектов материального культурного наследия. Отмечено, что существующая методология в сфере сохранения культурного наследия, ограниченная заботой о физическом сохранении отдельных выдающихся объектов, нуждается в серьезной адаптации к запросам современного общества путём расширения форматов деятельности. Самоисключение артефактов прошлого из социокультурной среды вместе с дефицитом информации об объекте, в том числе по идеологическим или религиозным основаниям, неминуемо ведут к ликвидации диалога между человеком и наследием. Деятельность по актуализации культурного наследия в качестве вида работ по сохранению культурного наследия снимает указанные риски.

10. Концептуализирована идея использования колоссального потенциала культурного наследия для развития человеческой культуры и человечества в целом. Обосновано и аргументировано предложение применения наследия в качестве достоверного символа актуальных на настоящий момент преобразований, способного обеспечить устойчивое поступательное развитие регионов, государств, корпораций и сообществ. Уточнено значение практической работы по актуализации культурного наследия, являющейся одним из наиболее действенных способов трансформации культурного ландшафта.

11. Комплекс мероприятий, обеспечивающий интерпретацию культурного наследия, его адаптацию и многовекторное поэтапное внедрение в современный духовный мир и повседневность человека, является наиболее продуктивным способом сохранения наследия.

Основное содержание диссертации

Во введении диссертации обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень её научной разработанности, формулируется цель и основные задачи, раскрывается научная новизна, теоретическая и методологическая основа исследования, теоретическая и практическая значимость исследования. Выдвигаются основные положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации результатов исследования.

В главе I «Интерпретация культурного наследия как философская категория» рассмотрено понятийное поле исследования, проанализированы особенности оформления базовых понятий и выделения проблематики генезиса и сохранения материального культурного наследия.

В параграфе 1.1. особое внимание уделено отечественной практике использования данных понятий, в том числе закреплению различных толкований в нормативных актах и современному отсутствию единых определений в нормативно-правовом поле.

В данном исследовании осуществляется философское осмысление процесса интерпретации культурного наследия как ресурса развития общечеловеческой цивилизации. Сделан вывод о том, что культурное наследие, составляющее продукт совместной творческой деятельности конкретного человека и человечества в целом, обладает сложной амбивалентной природой, что создаёт условия для появления ряда противоречий, или проблем. На основании анализа трактовки основополагающих понятий автором сформулированы следующие проблемы культурного наследия как философской категории: проблемы генерации и существования, уникальности, актуализации, адаптации, коммодификации, сохранения культурного наследия, а также проблема гармонизации отношений. Указанные проблемы рассмотрены в контексте современной проблематики сохранения и интерпретации нематериального и материального культурного наследия. Также отмечено, что объект материального культурного наследия одновременно обладает духовным и физическим воплощениями, что вместе с присущими ему свойствами невозобновимости, уникальности и подлинности определяет специфику, возможности и перспективы его актуализации.

В параграфе 1.2. рассмотрены теоретико-методологические основания исследования восприятия в гуманитарном знании. В разделе приведено обоснование философско-культурного и антропологического контекстов предмета исследования. Проанализированы понятия восприятия, интерпретации и познания. Использование механизмов процесса интерпретации требует её предварительного глубокого изучения. Одновременно управление интерпретацией на её различных этапах имеет значительные практические смысл и ценность. Трансформация образа отражения действительности в индивидуальном человеческом сознании, влияющая на конкретные практические действия человека, представляет мощный инструмент, способный быть направленным на сохранение

материального культурного наследия. Рассмотрено разделение науки о познании на теорию познания (гносеологию) и учение о научном познании (эпистемологию). В параграфе обоснована актуальность темы исследования.

В параграфе 1.3. представлена структура эволюционной трансформации герменевтических подходов, применимых к трактовке феноменов культурного наследия. В рамках герменевтики, зародившейся как платформа восприятия культурных и религиозных смыслов, были сформированы инструментарий и основные методы толкования. Неоспоримо то, что многие из её положений отражают своеобразие интерпретации культурных ценностей. В параграфе рассмотрены исторические предпосылки формирования герменевтических подходов, возникновение экзегетики (теологической герменевтики) как обособленной области научного знания, распространение области применения герменевтических подходов. Особо рассмотрен вклад отечественных исследователей в развитие герменевтики.

В параграфе 1.4. проанализированы особенности интерпретации на современном этапе, заключающиеся, в том числе, в развитии цифровой культуры и множественном отражении и фиксации культурного наследия в цифровом виде, что способствует нарушению традиционной схемы интерпретации. Одновременно развитие цифровых технологий отражается на расширении вторичной интерпретации и фактической подмене предмета интерпретации на авторское мнение одного из интерпретаторов. Рассмотрена взаимосвязь интерпретации и актуализации, имеющих в отношении культурного наследия синонимичный характер. Проанализирована возможность использования интерпретации в качестве инструмента актуализации культурного наследия.

Рассмотрено влияние глобализационных процессов на характер и результат интерпретации. Региональное культурное своеобразие, укрепление которого препятствует расширению глобализационных процессов, во многом, вместе с языком, обычаями и историей, позволяет сформулировать основы

культурного суверенитета, базирующегося на платформе национальной и региональной идентичности. Одновременно объекты наследия выступают в качестве уникальных, подлинных и невозобновимых символов своеобразия территории, закономерно предъявляемых при необходимости демонстрации идентичности.

В главе II «Специфика культурного наследия как объекта интерпретации» рассмотрена и проанализирована специфика материального культурного наследия как объекта интерпретации.

В параграфе 2.1. отражены общие принципы интерпретации и трансляции культурного наследия. В рамках настоящего исследования специфические особенности интерпретации обозначены в качестве принципов. Рассмотрение каждого принципа, его четкой формулировки, осуществлено автором, по возможности, на конкретных примерах объектов материального культурного наследия. Формулировка принципов составляет новизну исследования. Автором выделены принципы осовременивания предмета интерпретации, идентичности, цифрового воплощения материального культурного наследия, актуализации культурного наследия, деконструкции.

В параграфе 2.2. в качестве объекта интерпретации проанализировано материальное культурное наследие. На примере народных художественных промыслов, служащих заметным проявлением национальной культурной идентичности и коллективного творческого начала, проанализирован процесс индивидуальной художественной интерпретации. В рамках анализа материального культурного наследия как объекта интерпретации рассмотрены категория времени в интерпретации культурного наследия и семиотическая природа культурного наследия.

По итогам анализа в качестве основных особенностей материального культурного наследия как предмета интерпретации определены:

- Темпоральность культурного наследия (наличие «патины» времени);
- Личностно-образующая роль объектов культурного наследия как части мировоззрения человека;
- Возможности создания культурного наследия в процессе интерпретации.

Результат интерпретации неотделим от повседневности и вычленить культурное наследие из материального и нематериального мира невозможно.

В параграфе 2.3. с точки зрения механизма интерпретации культурного наследия проанализирован музей. Методики музейной работы ориентированы на формирование интерпретации музейного предмета в сознании посетителя. Следовательно, анализ подходов, применяемый в музейной сфере, с точки зрения исследования интерпретации, является необходимым условием в понимании механизмов формирования. Музей, ключевыми задачами которого являются сохранение, публикация и популяризация наследия, в данном контексте выступает в качестве особого института, предлагающего наиболее разработанную методику интерпретации культурных ценностей. Анализ музейной деятельности позволяет детально рассмотреть механизм интерпретации культурного наследия.

Механизмы музейной работы проанализированы с целью систематизации интерпретации как метода человеческого мышления; в том числе выделены этапы отбора, изучения, презентации предмета интерпретации. Особо рассмотрены различные виды и форматы презентации, ориентированной на специалистов и сотрудников музея (внутренняя), и на гостей музея (внешняя). В качестве особого условия музейной интерпретации заявлен контекст. Под этим смысловым окружением предмета в музейных условиях могут быть поняты характер коллекции или тематика выставки, кураторский манифест экспозиции или исторический опыт конкретной музейной институции, формат культурного мероприятия и даже время

посещения музея. Именно в соответствии контекстом предмет обретает определённое значение, влияющее на его смысл. Так же, как и предмет музейной коллекции, любой воспринимаемый предмет зависит от контекста и условий восприятия. Сделан вывод о признании музея в качестве примера одного из наиболее последовательно выстроенных пространств и инструментов интерпретации культурного наследия.

В параграфе 2.4. интерпретация культурного наследия рассмотрена в качестве инструмента манипуляции. Формирование необходимого информационного поля зависит от восприятия и интерпретации как отдельных событий, так и культурных ценностей и культурного наследия. Следовательно, культурное наследие, во многом формирующее национальную и региональную идентичность, нередко в таком случае становится ресурсом в достижении желаемого.

Формирование культурного пространства невозможно без зримых символов и их осмысления. Выбор символов и предлагаемого догматического осмысления являются исключительно идеологическими мероприятиями. Использование в данном случае объектов культурного наследия имеет несомненный потенциал, в некоторых случаях такой характер использования положительно отражается на сохранности объектов.

В данном контексте также рассмотрено понятие культурной политики, основные механизмы её разработки и реализации, связанные с интерпретацией материального культурного наследия. Проанализированы актуальные акты стратегического планирования в сфере охраны и популяризации культурного наследия и степень привлечения наследия в осуществлении государственной культурной политики в Российской Федерации на современном этапе.

В главе III «Теоретико-методологические подходы к интерпретации культурного наследия» проанализированы подходы и методы в интерпретации культурного наследия.

В параграфе 3.1. рассмотрены и проанализированы отношения субъекта и объекта в процессе интерпретации материального культурного наследия. По итогам анализа сделан вывод о сложном характере отношений, что предопределяет иллюзорность определения субъекта и объекта в процессе интерпретации. Проанализирована первоначальная информационная ограниченность интерпретатора в восприятии объекта.

Особое значение на современном этапе приобретает не столько само существование законов восприятия, сколько возможность их использования с целью достижения полной восприимчивости информации. В контексте сохранения объектов культурного наследия данная проблема приобретает особую актуальность. Возможность выявления и формулирования духовной ценности зачастую является редким умением, что, способствует сохранению незначительного количества фактических объектов культурного наследия от общего числа потенциальных объектов, не имеющих особого охранного статуса или утраченных до его получения. В данном контексте особо возможно выделить искусство актуализации культурного наследия. В случае оперирования абстрактными понятиями, от объекта культурного наследия зависит не так много в его успешной судьбе. Именно в человеческих руках находятся все инструменты создания положительного имиджа памятника.

В параграфе 3.2. рассмотрены факторы, оказывающие влияние на интерпретацию культурного наследия, а также ключевые понятия в сфере художественной культуры и искусства, связанные с интерпретацией.

Рассмотрено и проанализировано понятие стиля как неисчерпаемого набора данных, обладающего высоким потенциалом вторичной интерпретации и ретрансляции. Определение стиля как образного языка, определенной семиотической системы, позволяет в определенной степени проанализировать и процесс интерпретации культурного наследия. Любая история народов и времен как совокупность опыта человечества, является кладезем идей, апробированных в минувшие эпохи и доказавших свою

состоятельность, или напротив – несостоятельность на определённом этапе развития общества. Культурное наследие при этом закономерно воспринимается в качестве связующих звеньев, способных служить «порталами» для мысленного проникновения в иное время. Объекты культурного наследия как универсальные образцы художественного опыта человека, художественные эталоны, относительно которых развивается культура и искусство, формируют правила и нормы создания и восприятия культурных ценностей, составляют классику искусства. Проанализированы понятия эталона и канона как образцов, служащих готовыми моделями в интерпретации наследия. Рассмотрено значение канона в образовании и в формировании эстетических воззрений.

В параграфе 3.3. отражены механизмы интерпретации культурного наследия в культурфилософском дискурсе. Как отмечено в исследовании, первоначальный смысл создания, позднее становящегося артефактом, зачастую теряет заметное звучание, уступая обилию субъективных оценок, синтезируемых интерпретаторами. По итогам анализа данного процесса сформулирован ряд особенностей интерпретации наследия.

В параграфе проанализировано усложнение комплекса научных понятий, связанных с интерпретацией культурного наследия. Проанализированы понятие и роль метафоры в интерпретации. На примере распространённых кейсов в сфере культуры и искусства и на основании ранее сформулированных принципов и схем интерпретации рассмотрены принципиальные сценарии интерпретации. По итогам систематизации предложена типология сценариев интерпретации.

В главе IV «Эвристичность интерпретации материального культурного наследия» на основании анализа комплекса существующих методологических проблем проработан прогноз осуществления интерпретации как инструмента актуализации материального культурного

наследия. В главе утверждается, что интерпретация культурного наследия способна стать залогом его сохранения для последующих поколений.

В параграфе 4.1. проведен анализ и систематизация проблемных контуров существующих методов сохранения и актуализации материального культурного наследия в философском осмыслении. Рассмотрены практические кейсы сохранения и актуализации объектов культурного наследия. На примере реальных объектов культурного наследия, сохраняемых на основе действующих норм, а также принятых и получающих одобрение профессионального сообщества методов, в рамках исследования формулируется и анализируется комплекс философских проблем. Особое внимание уделено двум важнейшим трендам в сохранении материального наследия. С одной стороны, внимание уделяется сохранению физического облика объектов. С другой стороны, внимание уделяется сохранению подлинности материала. Однако при этом сохранение духовной сущности объектов, их нематериальной ценности зачастую игнорируется в принципе.

Таким образом, сохраняются лишь поверхностные «тексты» культурного наследия, возможные к представлению в одной из известных семиотических систем. Причём, как показывает практика, это возможно для простейших и доступных для массового понимания вариантов представления, в том числе возможных к отражению в нормативных правовых актах. При условии сохранения формы не уделяется достаточное значение сохранению содержания культурного наследия, важнейшего смысла, имеющего сложную природу и отражённого одновременно в нескольких семиотических системах.

В параграфе 4.2. процесс интерпретации рассматривается в качестве метода сохранения культурного наследия. Отмечено, что интерпретация, равно как и понятия репрезентации и трансляции, до текущего момента не была определена в статусе особой деятельности по сохранению культурного наследия. Характерная для существующего состояния отрасли палитра методов работы с объектами культурного наследия создаёт акцент на

внимательное отношение к подлиннику и, напротив, игнорирует копии и новоделы всех видов. Одновременно с развитием методов сохранения объектов культурного наследия путём их воссоздания, формирования полномасштабных копий, записей, чертежей, и т.д., следует признать отсутствие глубокого философского осмысления данного процесса.

В параграфе в качестве метода сохранения культурного наследия рассмотрен процесс интерпретации, отражающийся на актуализации наследия.

В параграфе 4.3. рассматривается потенциал интерпретации в контексте сохранения культурного наследия. Проанализировано понятие потенциала культурного наследия, традиционно представляемого в качестве комплекса нереализованных или реализованных не в полной мере возможностей, связанных с наследием. Артефакты наследия, являющиеся подлинными, уникальными и невозобновимыми, обладают особыми возможностями в транслировании генерируемых смыслов.

В параграфе отмечено, что разрешение философских противоречий является актуальной задачей в сфере практической деятельности по сохранению материального культурного наследия. При этом наиболее значимым вектором в данной отрасли остаётся введение объекта наследия в пространство современной духовной культуры и экономической деятельности. В указанных ситуациях интерпретация культурного наследия, направленная на актуализацию духовного воплощения наследия, имеет особое значение.

В параграфе 4.4. формируется культурфилософский прогноз сферы сохранения артефактов культурного наследия. Обозначены перспективы сферы, различные индивидуальные и модельные сценарии продвижения объектов наследия, позволяющие внедрить конкретный памятник в духовный и экономический оборот. В параграфе предложены практические кейсы по продвижению объектов наследия.

В **Заключении** диссертации автор формулирует основные выводы проведенного исследования, обосновывающие вынесенные на защиту положения.

Структура диссертационной работы обусловлена логикой исследования и последовательностью решаемых задач. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, объединяющих пятнадцать параграфов, заключения, списка литературы, состоящего из 699 источников, в том числе 30 источников иностранных авторов.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности 5.7.8 – «Философская антропология, философия культуры». Основными областями диссертационного исследования в соответствии с Паспортом специальности являются следующие: 37. Философия культуры в системе знания. Философия культуры и культурология. Методы философии культуры и культурологии. Соотношения и формы взаимодействия философии культуры и культурологии с другими научными дисциплинами; 43. Культура и цивилизация; 47. Проблемы культурантропологии; 67. Культура и индивидуум; 69. Основные механизмы трансляции культуры; 72. Герменевтические проблемы исследования культуры, герменевтические проблемы исследования инокультурных традиций; 74. Исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры; 81. Культурные конфликты и способы их преодоления.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена проведенной в нём разработкой нового подхода к сохранению материального культурного наследия как сложного процесса, охватывающего комплекс материального и духовного воплощения наследия. Результаты работы вносят вклад в философское осмысление обсуждаемой проблемы и намечают новые перспективные направления в модернизации методики актуализации и сохранения наследия. Исследование механизмов

интерпретации и актуализации культурного наследия позволяет лучше оценить потенциал современных практик в области сохранения культурного наследия, оценить их сильные и слабые стороны и рассмотреть возможности развития сферы. Результаты, полученные в ходе работы над диссертацией, могут быть использованы для развития и обогащения фундаментальных разделов философского знания – онтологии, гносеологии, аксиологии, для расширения теоретического поля антропологии, философии культуры и культурологии. Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и результаты диссертационного исследования могут быть учтены и использованы при разработке нормативных актов в сфере сохранения культурного наследия, гуманитарной и культурной деятельности, реализации культурной политики, а также в процессе преподавания широкого спектра социогуманитарных дисциплин. Результаты могут быть рекомендованы для внедрения в образовательный процесс при разработке курсов по культурологии, теории и истории культуры, теоретической, исторической и прикладной музеологии, истории и философии науки, реализации социокультурных и научно-просветительских проектов, в исследовательской работе. Практическая значимость диссертации, благодаря структурированным теориям исследования образов и намеченным системам их типологий, заключается в формировании на её основе систематизированного знания. Результаты исследования могут быть применены при решении практических задач различных ведомств и государственных организаций.

Достоверность результатов исследования подтверждается аргументированностью основных положений, непротиворечивостью и логичностью изложения концепции, обширной источниковой базой исследования (699 источников), обеспечивается фундаментальным характером поставленной проблемы, опорой на современную историю и теорию культуры, комплексностью методологии обобщением обширного

эмпирического материала, полученного в ходе анализа значительного корпуса научной литературы, принадлежащей различным научно-культурным контекстам, а также в ходе собственной научной и образовательной деятельности автора исследования. В диссертации представлен значительный рефлексивный блок и анализ обширного объёма приёмов работы с наследием, что доказывает достоверность полученных результатов.

Апробация результатов исследования:

Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Результаты исследования отражены в 112 публикациях общим объёмом более 60 п.л., в том числе в 2 монографиях. Опубликовано 16 статей в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ (Перечне рецензируемых изданий, рекомендованных для публикации результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук), из которых 16 в журналах из списка РАНХиГС; 4 статьи на английском языке в материалах международных конференций. Под редакцией автора изданы несколько сборников тезисов и материалов международных научных конференций. Материалы, выявленные автором, использованы при подготовке Большой Российской энциклопедии (лицензионный договор № 346 ПБ/Ф-ЛА). Автор удостоен премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) (2021 год), диплома лауреата Девятого Всероссийского конкурса молодых учёных в области искусств и культуры (2022 год), диплома в номинации «Лучшее справочное и краеведческое издание» XVI открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» (2021 год), диплома Конкурса на лучшие научные и творческие работы в области архитектуры, градостроительства и строительных наук 2020 года Российской академии архитектуры и

строительных наук, серебряного диплома Национального независимого архитектурного рейтинга «Золотая капитель» в номинации «Научная деятельность/АРХНАУКА» (2021 год) за научные труды, раскрывающие различные аспекты сохранения и актуализации культурного наследия. В 2023 году автору за цикл работ по интерпретации и актуализации культурного наследия была присуждена медаль Российской академии наук для молодых учёных России в области философии, социологии, психологии и права.

Основные результаты представлены более чем на 40 Всероссийских и международных конференциях, а также апробированы в виде курсов лекций, читаемых автором.

Выводы:

1. Культурное наследие, составляющее результат совместной творческой деятельности конкретного человека и человечества в целом, обладает сложной амбивалентной природой, специфика которой сформулирована в рамках исследования в комплексе проблем. В рамках исследования раскрыт генезиз наследия как феномена культуры и философской категории.

2. Разработан категориальный аппарат культурфилософского исследования интерпретации культурного наследия. В рамках исследования проанализирована эволюция понятия наследия, в том числе варианты его трактовки в нормативно-законодательной базе. Аргументирована позиция, заключающаяся в существовании заметных противоречий в практической работе по причине отражения в актуальной нормативной базе в сфере сохранения культурного наследия подходов и ограничений, касающихся исключительно физического воплощения объектов культурного наследия.

3. В рамках исследования рассмотрены теоретико-методологические основания исследования восприятия культурного наследия, сложившиеся в гуманитарном знании. Отмечено, что процессы и понятия

восприятия, интерпретации и познания в контексте темы исследования имеют ряд структурных особенностей.

4. Отмечено, что герменевтика, послужившая созданию методики толкования, заложила ряд положений, находящих отражение и в сфере интерпретации артефактов культуры. К настоящему моменту сформулированы инструментарий, методология, проблемное и понятийное поле данной отрасли научного знания, сформирована методологическая процедура интерпретации культурного наследия в структуре эволюции герменевтических подходов и современных общемировых тенденций.

5. Культурное наследие, определяемое как результат и платформа развития человеческой цивилизации, обладает сложной амбивалентной природой. Соответственно специфика артефакта материального культурного наследия в качестве объекта интерпретации и актуализации состоит в комплексной последовательной работе как с физическим, так и духовным воплощениями артефакта.

6. Обоснованы концептуальные особенности интерпретации артефакта в музейной среде. Определено, что музей представляет наиболее совершенное пространство интерпретации культурного наследия, а методология музейной работы соответственно составляет основу современной актуализации культурного наследия. С учётом особой роли наследия в формировании культурного ландшафта, оформления и презентации региональной и национальной идентичности определено ключевое место интерпретации культурного наследия в качестве инструмента управления социокультурной деятельности и культурной политики.

7. По результатам культурфилософского анализа отмечено, что в процессе интерпретации отношения субъекта и объекта, пребывающих в состоянии диалога, выстраиваются в формате взаимной зависимости. Актуализация объекта наследия становится возможной при условии

первоначальной заинтересованности интерпретатора, связанной с постижимой в конкретном случае уникальностью артефакта.

8. Интерпретация культурного наследия обладает весомым манипулятивным потенциалом, реализуемым в рамках культурной политики. Обращение к образам и артефактам прошлого позволяет выстраивать картину мира настоящего с целью достижения необходимого результата в будущем.

9. Осмысление интерпретации культурного наследия в культурфилософском дискурсе во взаимодействии и дополнении с принятыми прикладными методиками сохранения артефактов материального культурного наследия позволило аргументировать ценность комплексного применения как уже сформировавшихся, так и предлагаемых в исследовании новационных методик для обеспечения достижения практического результата.

10. Интерпретация в контексте общемировых тенденций актуализации наследия обоснована в качестве особого способа реализации его потенциала. Исследование на основании прогноза дальнейшего расширения интерпретации в качестве полноценного инструмента актуализации и сохранения материального культурного наследия аргументирует идею перехода к принципиально новым сценариям сохранения наследия, включающим фазы формирования осознания ценности и продвижения наследия.

11. Интерпретация как процесс освоения в равной степени духовного и физического воплощения культурного наследия является неотъемлемым этапом его актуализации, внедрения наследия в повседневность и дальнейшего сохранения. Диссертация представляет комплексное культурфилософское исследование, создающее условия для расширения актуального направления в круге философских и культурологических наук – heritage-философии, рассматривающего вопросы наследия как феномена человеческой культуры и платформы для социокультурной деятельности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. Пиляк, С. А. Культурное наследие: интерпретация, актуализация, сохранение. Взгляд на костромские деревянные храмы [Текст] / С.А. Пиляк. – Кострома : ООО «Костромской печатный дом», 2020. – 264 с. (21,45 п.л.).

2. Пиляк, С. А. Культурное наследие: генезис, актуализация, реваloризация. Смоленская крепость [Текст] / С.А. Пиляк. – Смоленск : ООО «Свиток», 2022. – 176 с. (11,00 п.л.).

Статьи в российских рецензируемых научных журналах, рекомендуемых РАНХиГС:

1. Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32. (0,76 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

2. Пиляк, С. А. Региональный опыт актуализации культурных ценностей в контексте реализации государственной национальной политики // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 265-270. (0,28 п.л.). **ВАК (2-я категория).**

3. Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743. (0,6 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

4. Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351. (0,59 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

5. Пиляк, С. А. Трансформация понятия идентичности в контексте интерпретации культурного наследия // Философская мысль. – 2021. – № 4. С. 77-85. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.4.34078 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34078 (0,66 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

6. Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202. (0,53 п.л.). **ВАК (2-я категория).**

7. Пиляк, С. А. Проблемные контуры методов актуализации наследия в философском осмыслении // Ценности и смыслы. 2022. № 2 (78). С. 18–27. https://doi.org/ 10.24412/2071-6427-2022-2-18-27 (0,65 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

8. Пиляк, С. А. Государственно-конфессиональные отношения в сохранении храмового наследия // Миссия конфессий. 2022. Том 11. Часть 1. С. 19-22. (0,27 п.л.). **ВАК (2-я категория).**

9. Пиляк, С. А. Этапы актуализации культурного наследия // Ценности и смыслы. 2022. № 3 (79). С. 51–59. Values and Meanings/Tsennosti I Smysly. 2022. No.3 (79). P. 51–59 (In Rus). (0,5 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

10. Пиляк, С. А. Наследие деревянного храмового зодчества в развитии государственно-конфессиональных отношений // Миссия конфессий. 2022. Том 11. Часть 7. С. 25-31. (0,78 п.л.). **ВАК (2-я категория).**

11. Пиляк, С. А. Междисциплинарный характер исследования интерпретации культурного наследия // Социально-гуманитарные знания № 4 – 2022. С. 227-231. (9991 печатный знак, 0,25 п.л.). **ВАК (2-я категория).**

12. Пиляк, С. А. Понятие культурного суверенитета в структуре Основ государственной культурной политики // Философия и культура - № 4, 2023. № 4. С. 217-226. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.4.40391 URL: https://e-notabene.ru/pfk/article_40391.html (0,45 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

13. Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183. (0,6 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

14. Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. — 2023. - № 9. С.78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html (0,5 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

15. Пиляк, С. А. Культурное наследие как антропологический феномен // Миссия конфессий. 2023. Том 12. Часть 6. С. 22-26. (0,38 п.л.). **ВАК (2-я категория).**

16. Пиляк, С. А. Интерпретация культурного наследия в философском осмыслении // Знание. Понимание. Умение - № 4, 2023. С. 78-85. (0,6 п.л.). **ВАК (1-я категория).**

Статьи в научных журналах и сборниках материалов международных конференций на английском языке:

1. Pilyak S. A. Analysis of the concept of identity in the context of cultural heritage interpretation // "Actual issues of social sciences and humanities in innovative development": Materials of the international scientific-practical conference (Jizzakh, November 20, 2020, Uzbekistan). – Jizzakh, 2020. 67-70 p. (0,35 п.л.).

2. Pilyak S. A. Event tourism as a method of commodification cultural heritage // Информационные технологии в экономике: материалы V Республиканской научно-практической Интернет-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, 24-25 марта 2021 года [Электронное издание]. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2021. С. 657-660. (0,215 п.л.).

3. Pilyak S. A. Analysis of the transformation of the interpretation of cultural heritage under the influence of digital technologies // Международный

научный журнал «Психология человека и общества». – 2021. – № 3 (32). Р 27-36. (0,83 п.л.).

4. Pilyak S. A. Presentation of cultural identity in the digital transformation of heritage // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей V Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 22–23 апреля 2021 г. : в 2 т. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. – Москва : РУДН, 2021. С. 186-191. (0,26 п.л.).

Иные избранные публикации:

1. Пиляк, С. А. Музеефикация памятников деревянного культового зодчества Костромской губернии / Пиляк С.А. // Сакральное пространство в культуре народов Урало-Поволжья // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]: научно-практический журнал. - 2016. - № 2 (31). С. 136-146. (0,42 п.л.).

2. Пиляк, С. А. История музейных концепций / С. А. Пиляк // «Костромская слобода». Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник. Страницы истории в воспоминаниях, документах, фотоочерках и материалах научных экспедиций. – Сборник материалов. – Кострома : Издательский проект Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода», 2016. С. 94-99. (0,22 п.л.).

3. Пиляк, С. А. Музей-заповедник «Костромская слобода» / С. А. Пиляк // Народное творчество. Личность. Искусство. Время. – М., 2016. № 2. С. 11-12. (0,23 п.л.).

4. Пиляк, С. А. Современная деревянная культовая архитектура Костромской области. Трансформация региональных традиций / Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в

культуре и языке Костромского края / Отв. ред. и сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 259-279 (1,02 п.л.).

5. Пиляк, С. А. Полевые исследования деревянного зодчества Костромского края // Современные исследования по истории, культуре и языку Костромского края: материалы научно-практической конференции. - Кострома : Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник “Костромская слобода”, 2017. С. 14. (0,048 п.л.).

6. Пиляк, С. А. Исследования деревянного зодчества Костромского края (по материалам экспедиционных выездов 2017 года) // Современные исследования по истории, культуре и языку Костромского края: материалы научно-практической конференции. - Кострома : Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник “Костромская слобода”, 2018. С. 30. (0,049 п.л.).

7. Пиляк, С. А. Композиционные особенности памятников костромского деревянного храмового зодчества // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. - Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – 1450 Мб. – 11000 экз. ISBN 978-5-317-05800-5. (0,2 п.л.).

8. Пиляк, С. А. Перспективы сохранения и музеефикации памятников деревянного зодчества в Костромской области / Рябининские чтения – 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Музей-заповедник «Кижи». – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. С. 249-251 (0,24 п.л.).

9. Пиляк, С. А. Опыт музеефикации памятников деревянного зодчества // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего : сборник статей международной научной

конференции (Тюмень – Тобольск, 20-21 сентября 2019 г.) / отв. ред. Л.Л. Мехришвили. – Тюмень : ТИУ, 2019. С. 431-435. (0,28 п.л.).

10. Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (к постановке вопроса) // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции, 25 октября 2019 г. – Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2019. С. 1575-1580. (0,28 п.л.).

11. Пиляк, С. А. Народные художественные промыслы как проявление культурной самобытности региона (на примере авторской интерпретации промысла Петровской свистульки) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике: материалы I Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Александрова (1919-2010) и 85-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Суханова (1934-1989); Ижевск, 7-8 ноября 2019 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников, 2019. С. 498-503. (0,32 п.л.).

12. Пиляк, С. А. Актуализация культурного наследия в контексте развития цифрового общества // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 6-7 декабря 2019 г.) – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2019. С. 321-324. (0,21 п.л.).

13. Пиляк, С. А. Региональный опыт актуализации культурных ценностей в контексте реализации государственной культурной политики// Социокультурные, этнические и языковые процессы на евразийском пространстве : сборник статей по материалам Международной научно-практич. конф./ под общ. ред. Р.Х. Лукмановой. – Уфа: Инеш, 2019. С. 173-176. (0,28 п.л.).

14. Пиляк, С. А. Творческие способности костромского художника и драматурга Ефима Васильевича Честнякова (1874-1961) в контексте

современной интерпретации его наследия // Психология способностей и одаренности : материалы всероссийской научно-практической конференции, 21-22 ноября 2019 г. / под ред. проф. В.А. Мазилова. − Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 458-460 (0,24 п.л.).

15. Пиляк, С. А. Принцип актуализации культурного наследия // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Грозный, 29–30 мая 2020 г.). Материалы Круглого стола «Аксиологический кризис человеческого бытия: гуманизм – трансгуманизм – посттрансгуманизм». – Грозный: издательство Чеченского государственного университета. 2020. С. 402-405 (0,29 п.л.)

16. Пиляк, С. А. Актуализация культурных ценностей как инструмент государственной политики в сфере противодействия идеологии терроризма (по материалам Костромской области) // Научные труды Кубанского государственного технологического университета, № 3, 2020. С. 349-355 (0,344 п.л.).

17. Пиляк, С. А. Научная экспедиция как инструмент актуализации архитектурного наследия / С. А. Пиляк // Историко-краеведческий и литературный журнал «Губернский дом». – Кострома: АУ КО «Издательский центр «Губернский дом», 2020. № 2 (119). С. 16-19. (0,25 п.л.).

18. Пиляк, С. А. Принцип цифрового воплощения в интерпретации культурного наследия // IX Садыковские чтения «Философия и творчество в информационном обществе»: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора философских наук, академика Академии наук Республики Башкортостан Садыкова Фагима Бениаминовича (г. Уфа, 24 апреля 2020 г.). Т. 2 / отв. ред. А.М. Багаутдинов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 11-17. (0,315 п.л.).

19. Пиляк, С. А. Народное декоративно-прикладное искусство как креативный потенциал России (на примере художественной интерпретации

промысла Петровской свистульки) // Современный мир: стратегии развития, технологии и образы будущего (Пятые Арефьевские чтения. Москва, 24-25 октября 2019 года). М.: Издательство ФГБОУ ВПО «НИУ «МЭИ», 2020. С. 538-543. (0,32 п.л.).

20. Пиляк, С. А. Национальная и региональная идентичность в интерпретации культурного наследия // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе. Сборник статей / Под общей редакцией Н.А. Саркаровой. – Махачкала: АЛЕФ, 2020. С. 171-178 (0,39 п.л.).

21. Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264. (0,57 п.л.).

22. Пиляк, С. А. Проблемные контуры методов сохранения архитектурного культурного наследия // Материалы Международной научно-исследовательской конференции преподавателей и обучающихся «Ломоносовские чтения – 2020» под редакцией А.В. Боевой, г. Старый Оскол: СТИ НИТУ «МИСиС», 2020 – II том, С. 125-128. (0,25 п.л.).

23. Пиляк, С. А., Астафьева, О. Н. Год театра в России как стимул в актуализации регионального культурного наследия // Молодежь и наука: от исследовательского поиска к продуктивным решениям: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Апрель 2020 г. – Иркутск: ГБПОУ ИО «ИКАТ и ДС», 2020. С. 197-200. (0,29 п.л.).

24. Пиляк, С. А., Пиляк, О. В. Актуализация культурных ценностей в контексте реализации государственной политики в сфере гражданского и патриотического воспитания молодежи // "Actual issues of social sciences and

humanities in innovative development": Materials of the international scientific-practical conference (Jizzakh, November 20, 2020, Uzbekistan). – Jizzakh, 2020. С. 400-402. (0,18 п.л.).

25. Пиляк, С. А. Цивилизационные особенности российской культурной идентичности // Восьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы. – СПб.: ГУАП, 2020. С. 340-342 (0,26 п.л.).

34. Пиляк, С. А., Ковалёва, О. О. Цифровой потенциал интерпретации культурного наследия // Управление в условиях цифровизации социально-экономических процессов. Чебоксары, 20 октября 2020 г. - Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. С. 274-279 (0,353 п.л.).

35. Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия как философской категории // Мировоззренческая парадигма в философии: неустойчивость современного мира: [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам XV Международной научной конференции (Н. Новгород, ННГАСУ, 20 марта 2020 г.) / Нижегор. гос. архитектур. – строит. ун-т; редкол. М. М. Прохоров, А. Ф. Кудряшев, А. Н. Фатенков, В. С. Лапшина – Н. Новгород: ННГАСУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-R). ISBN 978-5-528-00414-3. С. 130-133 (0,2 п.л.).

36. Пиляк, С. А. Особенности интерпретации наследия фортификационной архитектуры // Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 1 октября 2020 г.) [Электронное издание] / отв. ред. Ю. Р. Горелова, О. В. Петренко. - Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. - DOI 10.34685/HI.2020.11.72.010. - ISBN 978-5-86443-334-8. С. 221-226. (0,23 п.л.).

37. Пиляк, С. А. Двойная культурная идентичность как особенность российского культурного ландшафта // Язык. Общество. Образование :

сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» / под ред. Ю.В. Кобенко ; Томский политехнический университет. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2020. С. 183-188. (0,28 п.л.).

38. Пиляк, С. А. Актуализация наследия. Концепция музея и её реализация на примере Смоленской крепостной стены // Актуальные проблемы теории и истории искусства – 2020: Тезисы докладов IX Международной конференции, Санкт-Петербург, 26-31 октября 2020 г. / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб., 2020. (0,08 п.л.) Режим доступа: https://actual-art.spbu.ru/publikatsii/theses/theses-2020.html.

39. Пиляк, С. А. Цифровые технологии и интерпретация культурного наследия // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 10-11 декабря, 2020 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2020. С. 297-302. (0,344 п.л.).

41. Пиляк, С. А. Цифровизация культурного наследия как инструмент актуализации народного деревянного зодчества // Информационные технологии в экономике и управлении: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Махачкала, 11-12 ноября 2020 г.: Дагестанский государственный технический университет. – Махачкала, 2020. С. 190-192 (0,21 п.л.).

42. Пиляк, С. А. Общество, государство и культурное наследие: проблема гармонизации отношений // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Четвёртой Международной научной конференции / Под общ. ред. Г.В. Бариновой, Л.В. Блонского, С.Н. Климова [Электронный ресурс]. – Москва: РУТ (МИИТ). РОАТ, 2020. –1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – Систем. требования:

ПК, дисковод CD-ROM; Windows XP SP3/Vista/7/8/10 или аналог; Adobe Acrobat Reader или аналог. – Загл. с титул. экрана. С. 304- 308 (0,26 п.л.).

43. Пиляк, С. А., Ковалева, О. О. Культурное своеобразие региона (на примере авторской интерпретации промысла Петровской игрушки) // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования [Электронный ресурс]: Материалы I Национальной научно-практической конференции (30 ноября 2020 г.); ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (1,29 Мб). – Магнитогорск: ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBMPC, любой, более lGHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; AdobeReader 8.0 и выше; CD/DVD-ROM дисковод; мышь. – Загл. с титул. экрана. Издается полностью в авторской редакции ISBN 978-5-9967-2058-3. С. 1143-1146. (0,25 п.л.).

44. Пиляк, С. А., Крикус, А. С. Проблемные контуры методов сохранения архитектурного культурного наследия в философском осмыслении // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования [Электронный ресурс]: Материалы I Национальной научно-практической конференции (30 ноября 2020 г.); ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (1,29 Мб). – Магнитогорск: ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBMPC, любой, более lGHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; AdobeReader 8.0 и выше; CD/DVD-ROM дисковод; мышь. – Загл. с титул. экрана. Издается полностью в авторской редакции ISBN 978-5-9967-2058-3. С. 1167-1170 (0,27 п.л.).

45. Пиляк, С. А. Художественная интерпретация Петровской свистульки как инструмент формирования региональной идентичности // Психолого-педагогическая деятельность: сферы сотрудничества и

взаимодействия : материалы VI Межрегиональной заочной научно-практической интернет-конференции с международным участием (Кострома, 12–16 октября 2020 г.) / сост. Т. Е. Коровкина ; науч. ред. Ж. А. Захарова. – Электронные текстовые, граф. дан. (3,5 Мб). – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный. ISBN 978-5-8285-1120-4. С. 360-365 (0,34 п.л.).

46. Пиляк, С. А. Архитектурное наследие пограничных территорий как маркер освоения территории // ІНСТРУМЕНТИ РЕГУЛЮВАННЯ НАЦІОНАЛЬНОЇ ЕКОНОМІКИ ТА НАЦІОНАЛЬНОЇ БЕЗПЕКИ В УМОВАХ СУЧАСНИХ ГЛОБАЛЬНИХ ВИКЛИКІВ. Матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції 6–7 листопада 2020 р. (м. Хмельницький). С. 129-130 (0,08 п.л.).

47. Пиляк, С. А. Событийный туризм и коммодификация культурного наследия // Туризм в современном мире. Проблемы и перспективы: сборник работ по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Тула, 7 декабря 2020 г.). – Тула, 2020. С. 86-90. (0,23 п.л.).

48. Пиляк, С. А. Проблема коммодификации культурного наследия // Теория и практика финансово-хозяйственной деятельности предприятий различных отраслей [Электронный ресурс]: Сборник трудов II Национальной научно-практической конференции (Керчь, 27 октября 2020 г.) / под общ. ред. Е.П. Масюткина. – Керчь: ФГБОУ ВО «КГМТУ», 2020. Режим доступа: http://kgmtu.ru/documents/nauka/2economix2020.pdf, свободный. – Загл. с экрана. С. 334-337 (0,19 п.л.).

49. Пиляк, С. А. Смоленская крепостная стена. Дизайн-репрезентация российской культурной идентичности // КОНЦЕПЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ДИЗАЙНЕ: Сборник материалов II Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием. Выпуск 2. – М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2020. С. 224-226 (0,16 п.л.).

50. Пиляк, С. А. Двойная культурная идентичность и опыт мирной российской колонизации // Роль государства в колонизационных процессах: от древности к современности. Modern History: партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 160-летию историка, академика АН СССР Матвея Кузьмича Любавского. (г. Уфа, 19.11.2020 г.) Вып. XIX / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 113-117. (0,31 п.л.).

51. Пиляк, С. А. Интерпретация регионального культурного наследия и влияние цифровых технологий // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сборник статей III Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Брянского государственного инженерно-технологического университета (г. Брянск, 26-27 ноября 2020 г.) [Электронный ресурс]. – Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т., 2020. С. 688-693 (0,305 п.л.).

52. Пиляк, С. А., Крикус, А. С. Сохранение архитектурного наследия в философском осмыслении // Наука. Образование. Культура. Актуальные проблемы и практика решения (федеральный и региональный аспекты) [Электронный ресурс]: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – Прокопьевск: филиал КузГТУ в г. Прокопьевске, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R) – Загл. с этикетки диска. – 10 экз. С. 365-368 (0,28 п.л.).

55. Пиляк, С. А. Российская культурная идентичность в контексте глобальных вызовов мировой цивилизации // Проблемы гуманитарного

образования в аспекте новых научных парадигм // Сборник материалов III Всероссийской дистанционной научно-практической конференции (21 декабря 2020 г.). – Махачкала: АЛЕФ, 2020. С. 60-64 (0,23 п.л.).

56. Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41. (0,53 п.л.).

57. Пиляк, С. А. Интерпретация фортификационного наследия и сохранения исторической памяти // Сборник материалов VI Международной заочной научной конференции «Форум молодых ученых: мир без границ», приуроченной ко Дню народного единства, в 8 ч. Ч.8. Секции 12,13,14. – Донецк: «ДОНМАН», 2020. С. 38-40 (0,22 п.л.).

58. Пиляк, С. А. Региональное архитектурное культурное наследие как ресурс развития туризма // Сборник материалов VI Международной заочной научной конференции «Форум молодых ученых: мир без границ», приуроченной ко Дню народного единства, в 8 ч. Ч.8. Секции 12,13,14. – Донецк: «ДОНМАН», 2020. С. 40-43 (0,23 п.л.).

59. Пиляк, С. А., Епихина, Е. А. Художественная интерпретация Смоленской крепостной стены в произведениях Н.К.Рериха. Пленэр как форма воспитания // Сборник материалов VI Международной заочной научной конференции «Форум молодых ученых: мир без границ», приуроченной ко Дню народного единства, в 8 ч. Ч.8. Секции 12,13,14. – Донецк: «ДОНМАН», 2020. С. 75-76 (0,16 п.л.).

60. Пиляк, С. А. Культурное наследие как символ консолидации российского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 15 февраля 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред.

О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска. https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1900-8.2021.1-556 ISBN 978-5-9624-1900-8. С. 21-26 (0,42 п.л.).

61. Пиляк, С. А. Перспективы коммодификации культурного наследия // Проблемы развития национальной экономики в условиях глобальных инновационных преобразований. Материалы Всероссийской научно–практической конференции. Сборник научных трудов / Под ред. д.э.н., профессора Казиевой Ж.Н. – Махачкала: ФГБОУ ВО «ДГТУ», 2021. С. 221-223. (0,19 п.л.).

62. Пиляк, С. А. Актуализация традиций храмового деревянного зодчества как инструмент сохранения исторической памяти// Архонт, 2020. № 5 (20). С. 88-92. (0,37 п.л.).

63. Пиляк, С. А. Художественная интерпретация Петровской свистульки как ресурс формирования регионального сувенира // Образ, знак и символ сувенира: материалы VI Всероссийской национальной научно-практической конф., 12 ноября 2020 г. : сб. науч. ст. / ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица» ; науч. ред. Ю. В. Гусарова. – Санкт-Петербург: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2020. ISBN 978-5-6045458-8-1. С. 304-311. (0,34 п.л.).

64. Пиляк, С. А. Место и роль культурного наследия в системе философского знания и права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 15 марта 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска. https://doi.org/10.26516/ 978-5-9624-1905-3.2021.1-502. ISBN 978-5-9624-1905-3. С. 287-294 (0,54 п.л.).

65. Пиляк, С. А. Российское культурное наследие в правовом измерении // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 15 марта 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска. https://doi.org/10.26516/ 978-5-9624-1905-3.2021.1-502. ISBN 978-5-9624-1905-3. С. 295-300. (0,33 п.л.).

66. Пиляк, С. А. Интерпретация культурного наследия в музейном пространстве // Труды института бизнес-коммуникаций. Т. 9. / Минобрнауки РФ ; ФГБУ ВО «С.- Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна» ; под общ. ред. М. Э. Вильчинской-Бутенко. – СПб.: СПбГУПТД, 2021. С. 123-129. (0,6 п.л.).

67. Пиляк, С. А. Культурное наследие как инструмент устойчивого развитие территории // Устойчивое развитие: состояние, проблемы, перспективы: материалы Международного симпозиума, г. Смоленск, 25-26 сентября 2020 года. – Смоленск: Издательство ООО «Идея», 2020. С. 147-150 (0,27 п.л.).

68. Пиляк, С. А. Интерпретация фортификационного наследия как инструмент сохранения исторической памяти // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственное развитие и воспитание детей и молодежи: опыт, проблемы, перспективы развития», Владивосток, 26-27 ноября 2020 г. [Электронный ресурс] / Отв. ред. П.П. Хороших. – Электрон. дан. – Владивосток: ГАУ ДПО ПК ИРО, 2020. – Режим доступа: https://pkiro.ru/event/vserossijskaya-nauchno-prakticheskaya-konferencziya-duhovno-nravstvennoe-razvitie-i-vospitanie-detej-i-molodezhi-opyt-problemy-perspektivy-razvitiya/ – Загл. с экрана. С. 138-143. (0,22 п.л.).

70. Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. №

1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo. (1,001 п.л.).

71. Пиляк, С. А. Российская культурная идентичность в контексте глобальных вызовов // Наука и инновации XXI века: сб. ст. по материалам VII Всерос. конф. молодых ученых (г. Сургут) : в 2 т. – Сургут. гос. ун-т. – Сургут : ИЦ СурГУ, 2021. – Т. 2. С. 223-225. (0,22 п.л.).

73. Пиляк, С. А. Понятие идентичности в актуализации культурного наследия // «Диалоги о культуре и искусстве»: материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 15–17 окт. 2020 г.). В 3 ч. : ч. 2 / отв. ред. Е. В. Баталина-Корнева; ред. кол.: А. А. Лисенкова, М. М. Чудинова; Перм. гос. ин-т культуры. – Пермь, 2020. С. 106-110. (0,3 п.л.).

74. Пиляк, С. А. Потенциал интерпретации в сфере сохранения объектов мирового культурного наследия // Сборник материалов VII Международной очно-заочной научной конференции «Форум молодых ученых: мир без границ» в рамках Международного научного форума Донецкой Народной Республики «Инновационные перспективы Донбасса», в 4 ч. Ч.3. Секции 7,8,9. – Донецк: «ДОНМАН», 2021. С. 327-329. (0,22 п.л.).

75. Пиляк, С. А. Трансформация художественного промысла как следствие авторской интерпретации // Художественное образование в Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 23 апреля 2021 г.) / под общей редакцией О. В. Капустиной, Н. А. Урсеговой ; Министерство просвещения Российской Федерации, Новосибирский государственный педагогический университет. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2021. С. 256-261 (0,35 п.л.).

77. Пиляк, С. А. Интерпретация фортификационного наследия // Science and culture on the vision of young scientists and leaders: The Second

International Scientific Online Conference Proceedings, Kokand c., December 23, 2020. – Kokand: Kokand university, 2020. P. 20-22. (0,23 п.л.).

78. Пиляк, С. А. Интерпретация творчества костромского писателя и художника Ефима Васильевича Честнякова (1874–1961) в контексте сохранения регионального культурного своеобразия // Реальность этноса. Родной язык, фольклор, культура и литература коренных народов россии в системе образования: проблемы и перспективы сохранения и развития: сборник статей по материалам XIX Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2019 г. / под науч. редакцией И. Л. Набока. – Санкт-Петербург : Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 214-217. (0,21 п.л.).

79. Пиляк, С. А. Двойная культурная идентичность как традиция российского общества // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. (26-28 мая 2021 г., г. Челябинск): в 2 ч. Ч. 1. / редколегия: П.Б. Уваров (гл. ред.), Д.В. Чарыков, Н.И. Тахиров. – Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2021. С. 74-79. (0,34 п.л.).

80. Пиляк, С. А. Понятие идентичности в актуализации культурного наследия // «Диалоги о культуре и искусстве»: материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 15–17 окт. 2020 г.). В 3 ч. : ч. 2 / отв. ред. Е. В. Баталина-Корнева; ред. кол.: А. А. Лисенкова, М. М. Чудинова; Перм. гос. ин-т культуры. – Пермь, 2020. С. 106 - 110. (0,3 п.л.).

81. Пиляк, С. А. Цифровая трансформация наследия и презентация культурной идентичности // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред.: А.В. Соколова, А. А. Фролова. – Ярославль: Изд-во ООО «Цифровая типография», 2021. (Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», Ярославль, 15 апреля 2021 г.). С. 214-217. (0,27 п.л.).

82. Пиляк, С. А. Событийный туризм как инструмент коммодификации культурного наследия // Колпинские чтения по краеведению и туризму. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции 25 марта 2021 года / Отв. ред. Н. Е. Самсонова, С. И. Махов, Д. А. Субетто, В. Д. Сухоруков. Научный редактор: А. А. Соколова. В 3 частях. Часть III. – СПб.: ЛОИРО, 2021. ISBN 978-5-9500946-9-9. С. 249-253 (0,21 п.л.).

83. Пиляк, С. А. Восприятие культурного наследия в системе философского знания // IN MEMORIAM: ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА БРЫСИНА: сборник памяти Брысиной Т.Н. – Ульяновск: УлГТУ, 2021. С. 107-114. (0,48 п.л.).

84. Пиляк, С. А. Актуализация фортификационного наследия и сохранение исторической памяти // Вузовское образование и наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Магас: ИнгГУ; Махачкала: АЛЕФ, 2020. С. 131-134. (0,23 п.л.).

85. Пиляк, С. А. Коммодификационный потенциал культурного наследяи в контексте туристического развития региона // Материалы XIV Международной научно-практической конференции Омские социально-гуманитарные чтения – 2021. – Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 178-182. (0,2 п.л.).

86. Пиляк, С. А. Цифровая трансформация наследия и презентация культурной идентичности // Современный город: власть, управление, экономика. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления. Выпуск XI. Сборник научных статей. – Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2021. С. 219-224. (0,25 п.л.).

87. Пиляк, С. А. Особенности музеефикации фортификационных комплексов на примере Смоленской крепости // Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики: проблемы

брендирования территорий : сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием [Электронное сетевое издание] / Науч. ред. А. В. Окороков, ред.-сост. Т. А. Зотова. – М. : Институт Наследия, 2022. DOI 10.34685/HI.2022.18.44.001 – ISBN 978-5-86443-399-7. С. 80-87 (0,34 п.л.).

88. Пиляк, С. А. Генезис архитектурной уникальности Смоленской крепостной стены // Девятый Всероссийский конкурс молодых ученых в области искусств и культуры : сборник работ лауреатов [Электронное сетевое издание] – М. : Институт Наследия, 2022. DOI 10.34685/HI.2022.44.23.001. – ISBN 978-5-86443-401-7. С. 330-376 (2,68 п.л.).

89. Пиляк, С.А. Наследие эпохи генезиса понятия национального проекта в России // Научный сборник Государственного музея «Смоленская крепость». Материалы III Международной научно-практической конференции «Музеефикация фортификационных сооружений. Проблемы и пути их решения». Материалы I Международной научной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре»/ науч. ред. Валуев Д.В., ред. Климкина Е.В. — Смоленск: ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость»; Свиток, 2023. С. 172-177. (0,39 п.л.).

90. Пиляк, С.А. Очерченность границ будущего Смоленской крепости // Научный сборник Государственного музея «Смоленская крепость». Материалы III Международной научно-практической конференции «Музеефикация фортификационных сооружений. Проблемы и пути их решения». Материалы I Международной научной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре»/ науч. ред. Валуев Д.В., ред. Климкина Е.В. — Смоленск: ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость»; Свиток, 2023. С. 268-270. (0,18 п.л.).

ГЛАВА 1. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

1.1. Исследование культурного наследия в системе гуманитарного знания: понятия и смыслы

Концепт культурного наследия в современной науке, как правило, изучается как философская либо культурологическая категория. Важнейшей задачей является определение культурного наследия в системе философского знания. Отметим, что точечно и буквально это тема не разрабатывалась. Наследие обычно рассматривается в структуре человеческого сознания и культуры, а также как неотъемлемая часть духовной культуры человека. Однако сложная природа культурного наследия определяет высокую целесообразность особого узкотематического анализа.

Музеология, искусствоведение и архитектура как отрасли научного знания предлагают собственные толкования этого понятия, чего в определённой степени до сих пор лишена философия. «Памятники наследия способны рассказать о цивилизациях и историко-культурных образах прошлого»[8]. Ключевая характеристика наследия кодируется следующим образом: «объекты культурного наследия являются символами и свидетельствами минувших эпох»[9]. Приобщение к наследию означает для

[8] Закунов, Ю. А. Подлинные антитезы и мнимые синтезы: опыт российской культурно-цивилизационной альтернативы // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 210.

[9] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.

человека ощущение самого себя в единой непрерывной цепочке исторических событий, сопричастие масштабу минувших эпох.

С каждым днём всё более весомым смыслом наполняется фраза академика Д. С. Лихачёва о том, что «ощущать себя в истории крайне важно. Этому ощущению помогают памятники культуры и истории»[10]. Наследие не может считаться некоей дополнительной опцией, это – обязательное условие существования человека в рамках общечеловеческой цивилизации, выстраивающее место каждого человека в общей системе координат – национальных, социальных, культурных. Смыслы, воплощаемые культурным наследием, составляют человеческую культуру на всех этапах его развития. В повседневной жизни общечеловеческие ценности демонстрируются социуму посредством явлений, процессов. Однако наилучшим образом эта демонстрация использует визуализированные отражения, в том числе в культурном наследии.

Поскольку «понятие культурного наследия в философском осмыслении ещё не получило единой трактовки, в рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть различные взгляды на истолкование этого понятия»[11]. Необходимо проработать комплекс принципов, которые позволят определить, уточнить и систематизировать существо и особенности данной философской категории.

В профессиональной оптике музеолога[12] культурное наследие выглядит совокупностью объектов культуры, «ценностями, подлежащими сохранению и актуализации, в том числе в музейной среде. Для культуролога

[10] Лихачёв, Д. С. Заметки и наброски // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. С. 451.
[11] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.
[12] Словарь актуальных музейных терминов (авт.-сост. М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова, О.Е. Черкаева, М.В, Борисова, Л.П. Хаханова, Л.И. Скрипкина)// Музей. 2009. № 5. С. 49-68.

это – часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями и выдержавшая испытание временем, по этой причине передающаяся поколениям как нечто ценное и почитаемое»[13]. Указанные варианты трактовок не исчерпывают все богатство вариантов понимания термина. Обратим особое внимание на следующий: «Наследство – то, что нам оставляет прошлое; наследие – то, что мы берем из прошлого и используем как собственность, а ценность культурного наследия – то, что мы сами выбираем из культурного наследия для использования и хранения на будущее»[14]. Понятие культурного наследия некоторые исследователи трактуют либо как основную форму сохранения культуры[15], либо как субстрат национальной идентичности[16]. Результатом столь широкой деятельности по формулированию содержания, как кажется, широко понятного термина стало то, что каждая область научной работы «получила набор собственных авторских определений, приобретающих конкретное значение лишь в контексте отдельной отрасли научного знания»[17]. Наследие как философская категория имеет большое количество различных трактовок.

Смежное понятие ценности получает особое внимание современных исследователей[18]. Коллективное признание особого характера ценности по

---

[13] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.

[14] Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире. - Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2010. - 296 с.

[15] Силичев, Д. А. Культурное наследие и культурная политика постсоветской России // Культура в условиях глобализации взгляд из России : монография /коллектив авторов ; под ред. А.Н. Чумакова. – М. : КНОРУС, 2017. С. 135.

[16] Уваров, П. История, истории и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 207-209; Франция-память [Текст] / Санкт-Петербургский гос. ун-т; [Пьер Нора и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 325 с.

[17] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.

[18] Севостьянов, Д. А., Гайнанова, А. Р. Символическая природа ценностей // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 2. С. 132–139.

итогам анализа выражается в следующем обобщающем тезисе: «ценности признаются (или отвергаются) обществом и тем самым являют собой общественное явление»[19]. Важным значением понятие обладает и в системе действующего международного и российского права. Обратившись к процессу его формирования и уточнения, мы можем заключить, что понятие «культурная ценность» выкристаллизовывалось на полях сражений в ходе крупнейших международных конфликтов. Понятие объединило объекты наследия различных национальных культур как универсальное фундаментальное определение. Значительные «вооруженные конфликты, мировые войны требовали от общества и государства совершенствования законодательства в сфере сохранения культурных ценностей и культурного наследия»[20]. Постепенно сохранение культурного наследяи становится зоной ответственности государства. «Памятники культуры гибнут не только в пылу военных действий, от пожаров и бомбежки, но и от того, что между людьми происходит борьба знания с невежеством, уважения к разуму с неуважением, и в разгаре борьбы утрачивается мера, что нужно свято хранить и чем можно пожертвовать»[21]. Культурная ценность, признанная таковой социумом, является его символом и способом идентификации. Это свойство «предопределяет важность популяризации культурного наследия, в том числе транснациональной: чем более значительное количество людей признают ценность того или иного объекта, тем весомей вероятность его сохранения для последующих поколений»[22]. При этом важным условием остаётся адаптация

[19] Севостьянов, Д. А., Гайнанова, А. Р. Символическая природа ценностей // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 2. С. 135.
[20] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.
[21] Алпатов, В. М. Сохранить ценности человечества // Памятники Отечества. Книга вторая. - М.: Современник, 1975. С. 39.
[22] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.

информации, связанной с артефактом, и выстраивающей субъективные связи между сознанием человека и объектом наследия.

К культурному наследию, как правило, вначале относили отдельные необычные или ценные для современности объекты. Затем понятие расширяется до комплексов, ансамблей, коллекций, групп предметов или нематериальных артефактов. Физическая разобщённость со временем перестала быть помехой в системном восприятии объектов наследия. Приобщение предметов к наследию стало способом ценностной маркировки явлений окружающего мира, способом организации культурного знания в целом и отражения человеческого мировоззрения, а также способом поддержания существующего порядка, гармонизации общества в публичном признании ценности явления.

Совершим краткий исторический экскурс. С XVIII века во Франции начинает формирование система законов и органов государственной власти, обладающих полномочиями по сохранению объектов наследия. На данном этапе внимание уделялось сохранению объектов материального наследия: уникальных зданий, монументов, произведений изобразительного искусства. «24 апреля 1863 года в Соединенных Штатах Америки был опубликован приказ № 100, более известный как кодекс Либера. Этот нормативный акт впоследствии заложил основу для многих международных договоров. В документе были закреплены обязанности противников в ходе военного конфликта по защите произведений искусства и необходимость урегулирования вопроса реституции культурных ценностей в случае их перемещения за пределы государств. Позднее, к концу 1880-х годов, в нормативных документах были также сформулированы два тезиса в сфере защиты культурных ценностей. Уже в конце XIX века сложилась норма, предписывающая защищающейся стороне воздерживаться от использования культурных ценностей в военных целях, а командованию сторон при планировании и проведении военных операций – знать и учитывать места

сосредоточения культурных ценностей»[23]. Риск утраты наследия в военный период обратил внимание на его ценность в мирной жизни. Особое значение традиционно имеет умышленная утрата наследия по идеологическим соображениям.

Развитие системы нормативного регулирования сферы затронуло и регламентацию сохранения наследия и в мирный период. В 1882 году в Великобритании появляется закон об исторических памятниках, ставший первым государственным нормативным актом, направленным на сохранение наследия в мирное время[24]. На примере конкретных памятников происходит уточнение понятия наследия. В 1882 году был сформирован реестр национального наследия Англии (National Heritage List for England), первоначально включивший 50 зданий. Близкие, по сути, процессы проходят во многих государствах. В отечественной практике вопрос о создании закона об охране памятников был впервые поставлен в России ещё в 1869 году на Первом археологическом съезде. Однако это начинание увенчалось успехом много лет спустя. Московское археологическое общество, основанное в 1864 году по инициативе выдающегося общественного деятеля графа А. С. Уварова, также стало одним из методических центров по сохранению материального культурного наследия. Значительное внимание члены общества уделяли отечественным музеям, хранимому ими наследию и развитию музейного дела в целом.

«Правовые основы защиты культурных ценностей были усовершенствованы в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 годов. Международные акты впервые включили положения об осознании

[23] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.

[24] Горячева, А. В. О формировании законодательной системы охраны архитектурного наследия в Великобритании в XX веке // Современная архитектура мира. Вып .13 (2/2019) / Гл. ред, сост. Н.А. Коновалова. – М.; СПб. : Нестор-История, 2019. С. 257-258.

договаривающимися сторонами запрета на преднамеренный захват, истребление и повреждение культурных объектов, памятников, произведений искусства и науки. В дальнейшем создание системы мер по защите объектов культурного наследия в период между двумя мировыми войнами отразилось в подписании в 1935 году некоторыми государствами Договора о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а также исторических памятников. Документ стал известен под названием Пакта Рериха. Документ содержит положения, связанные с защитой памятников как в военное, так и в мирное время. Культурное наследие согласно положениям акта ограничено историческими памятниками, музеями, научными, художественными, образовательными и культурными учреждениями»[25]. В последующее время указанный спектр будет расширен.

В середине XX века охрана культурного наследия выходит на новый уровень. Трансформация данной деятельности была вызвана, в том числе, принятием в 1945 году Устава Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Вопросы культурного наследия закономерно заняли особое место в международной повестке.

Современное законодательство Российской Федерации, ратифицировавшей международный нормативный акт, трактует базовый термин по аналогии с определением, содержащимся в Конвенции 1972 года[26] и относящим к понятию культурного наследия памятники (произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки

[25] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.

[26] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия принятая Генеральной конференцией на семнадцатой сессии (Париж, 16 ноября 1972 г.) Цит. по: С. 72. Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). – М.: НП “Издательская фирма “ЮниПринт”, 2002. - 223 с.

зрения истории, искусства или науки), ансамбли (группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки), достопримечательные места (дело рук человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии и антропологии).

Многосложный характер отрасли научного знания делает закономерным существование череды авторских трактовок базовых терминов, в том числе: «Ценности – это феномены, сущность которых состоит в значимости, а не в фактичности; они явлены в культуре, её благах, где осела, окристаллизовалась множественность ценностей. Соответственно, философия как теория ценностей исходным пунктом должна иметь не оценивающего индивидуального субъекта, но действительный объект – многообразие ценностей в благах культуры»[27]. Использование культурных ценностей в современной социокультурной сфере является актуальной задачей.

Базовый закон – «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»[28] – гласит: «Культурные ценности - нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурное значение здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты». При этом, статья 3 Федерального закона «О Музейном фонде

[27] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 381.

[28] Закон от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»[29], трактует термин иначе: «Культурные ценности – предметы религиозного или светского характера, имеющие значение для истории и культуры и относящиеся к категориям, определённым в Статье 7 Закона РФ “О вывозе и ввозе культурных ценностей”». В конечном счёте, как заключает исследователь Ю. А. Годованец, «…действующее законодательство РФ парадоксальным образом содержит два, по существу, взаимоисключающих подхода к определению культурных ценностей»[30]. В то же время доктор культурологии К. Е. Рыбак[31] разрабатывает и приводит обобщающие толкования ключевых понятий:

«Культурные ценности – количественно ограниченные и неповторимые материальные предметы (светские и конфессиональные, движимые и недвижимые, в единственном числе и комплексе), а также места их сосредоточения (сохранения и экспонирования) и нематериальные ценности (императивы, идеалы, эталоны, регулятивы, принципы и нормы), представляющие интерес для культуры (искусства, науки) и вследствие этого подлежащие освоению (приобретению), сохранению, изучению (восстановлению), популяризации (экспонированию).

Культурное наследие – совокупность объектов материальной культуры и совместных творений человека и природы, вне зависимости от места их нахождения, а также объектов духовной культуры, значимых для сохранения и развития локальных культур, имеющих универсальную ценность для

[29] Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ.

[30]Годованец, Ю. А. Сохранение культурных ценностей: теория и практика применения международных стандартов (культурологический анализ): автореферат диссертации … кандидата культурологии: 24.00.01; [Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации] – М., 2004. С. 3.

[31] Рыбак, К. Е. Музей в нормативной системе (историко-культурологический анализ): автореферат диссертации … доктора культурологии: 24.00.03; [Место защиты: Санкт-петербургский государственный университет] - СПб., 2006. - 36 с.

культуры (искусства, науки) и содействующих толерантности культурного разнообразия и творчества человека».

Особое значение имеет исследование международного опыта[32]. Соответственно, разность понимания базовых понятий предопределяет национальную специфику отрасли. К примеру, деятельность по сохранению культурного наследия в российских реалиях в большинстве своём замыкается на обеспечении сохранности облика и внутреннего вида объектов материального культурного наследия. Материальные культурные ценности и процессы их учёта и сохранения отражены в большом количестве нормативных и методических актов. Сложностные процессы, охватывающие вопросы культурного наследия в принципе, всё ещё являются перспективной темой научных и практических изысканий.

Понятие культурного процесса определяется как «суть процедура открытия новых фактов, относящихся к качеству духовной среды человечества, к долгосрочным перспективам выживания цивилизации как таковой»[33]. Обзор эволюции понятия культурного наследия детально доказывает рост ценности артефакта на протяжении нескольких столетий. Наследие – как субстрат реального взаимодействия человека с миром и природой, является наиболее очевидным свидетельством духовного развития человеческой цивилизации.

На наш взгляд, культурное наследие, составляющее продукт творческой деятельности человека, обладает сложной природой, что создаёт условия для появления ряда противоречий, или проблем. Анализ данных

---

[32] Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции) / М.Д. Воропаева, Н.И. Горлова, А.В. Губина, А.Г. Демидов, И.В. Климова, А.Ю. Милакова, Д.С. Юдин. – М.: ВООПиК, 2020. С. 17.

[33] Муза, Д. Е. Глобальное варварство как катализатор роста постцивилизационной онтологии (к логике тотального «вызова» и цивилизационных «ответов») // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт Наследия, 2019. С. 103.

проблем позволит рассмотреть и осмыслить культурное наследие как философскую категорию.

1.Проблема генерации и существования культурного наследия. «Культурное наследие формирует особую группу не вступающих в прямую связь с настоящим временем культурных ценностей. Буквальная трактовка понятия наследия определяет своеобразие этой категории, ценность которой вызывает высокую целесообразность сохранения его для наследников – последующих поколений»[34]. «Сбережение и накопление культурного и природного наследия – это долг ныне живущих перед теми поколениями, которые ещё не пришли в этот мир, хотя именно они должны по логике истории вступить в права наследования»[35]. Возможность оценить уникальность наследия, вычленить его из совокупности предметов материального мира позволяет в конечном счёте сохранить артефакты прошлого.

Памятник исполняет роль символа, закрепляя определенные смыслы в материальной и нематериальной форме. Уничтожение артефакта, как может показаться, по определению должно означать однозначную ликвидацию смысла. Однако, как мы последовательно убеждаемся в ходе нашего исследования, это не так. Смыслы, связанные с объектом наследия, меняют свое «агрегатное» состояние, обретая устойчивость в формате нематериального наследия. Следовательно, угроза абсолютной утраты связанного с наследием смысла представляется несущественной. В это же

[34] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.

[35] Челышев, Е. П. Защита цивилизационного наследия России и роль культурной политики в выборе курса // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт наследия. 2016. С. 13-25.

время возможность привлечения внимания к объекту наследия путём нанесения ущерба способна оказаться весьма результативной в актуализации наследия. «Соответственно, культурное наследие амбивалентно относительно человека. С одной стороны, оно является продуктом деятельности конкретного творца, и, следовательно, находится с ним в прямой связи, а с другой – является продуктом коллективного творчества нескольких поколений. При этом даже в случае утраты физического воплощения объекта культурного наследия, вызванного деянием отдельного человека, в коллективной памяти человечества остаётся духовное воплощение объекта. Примером подобного процесса является известное деяние Герострата и его последствия»[36], сохранившие в истории информацию об одном из восьми чудес света. Фразу Аристотеля, утверждавшего, что «целое всегда больше суммы его частей», можно считать основой предлагаемой трактовки разности физического и духовного воплощений объекта культурного наследия. Существование воплощений отдельно друг от друга доказуемо, но при этом присутствие объекта одновременно «в двух измерениях» несопоставимо значительнее в части как использования объекта, так и его дальнейшего потенциала.

Поскольку генерация объекта культурного наследия представляет результат деятельности человека, однозначно определить момент начала существования объекта культуры в качестве культурного наследия невозможно, равно как предотвратить и ускорить наступление этого момента. Парадокс существования культурного наследия заключается в том, что наследие создаётся человеком, но появляется уже без его прямого участия.

2.Проблема уникальности культурного наследия. Культурное наследие не подлежит умышленной генерации и, следовательно,

[36] Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 34-41.

невоспроизводимо. При этом можно намерено создать видимость, копию, муляж, но не оригинальный объект культурного наследия. Культурные ценности невозобновимы: «подлинные культурные ценности – как особые уникальные объекты, являющиеся не подлежащими воспроизводству дефицитным “товаром” – всё ещё остаются предметом конкуренции национальных государств, не менее важным, чем территория или природные ресурсы»[37]. «Подлинность, как и способность пережить собственную эпоху, является важнейшей характеристикой и уникальным свойством культурного наследия, в большинстве случаев принадлежащего прошлому и изъятому из среды бытования»[38]. Культурное наследие, будучи продуктом творческой деятельности поколений, формируется неповторимым стечением обстоятельств, и, следствие, является уникальным и невозобновимым.

3.Проблема актуализации. Природа культурного наследия как субстрата идентичности позволяет рассмотреть его в качестве совокупности смыслов и идей, спрессованных в конкретном артефакте. Обилие информации способно сделать объект наследия сложным для восприятия. Решением является актуализация наследия, которая заключается в превращении историко-культурного потенциала в действительность, формировании комплекса мер по обеспечению адекватного особой роли наследия положения и признания артефакта. Обращаясь к проблематике наследия, учёные отмечают, что «в публичной репрезентации коллективной идентичности обычно доминирует одна из трёх составляющих социокультурного времени: прошлое, настоящее или будущее»[39]. «При этом объект культурного наследия

---

[37] Годованец, Ю. А. Сохранение культурных ценностей: теория и практика применения международных стандартов (культурологический анализ): автореферат диссертации … кандидата культурологии: 24.00.01; [Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации] – М., 2004. С. 3.

[38] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. – 2023. - № 9. С.78-86.

[39] Николаева, Е. В. Символическое взаимодействие столицы и регионов как механизм формирования социокультурного единства России // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума

отражает все три сферы – объект, созданный в минувшие эпохи, является частью прошлого, одновременно интерпретируется в настоящем с учётом современного горизонта восприятия интерпретатора и является наследством для будущих поколений»[40]. Подобная многосложность природы объекта наследия формирует ряд предпосылок для противоречий процесса его восприятия. Заметим, что «в произведении искусства постигается истина, недостижимая никаким иным путём»[41]. При этом уникальность содержащейся информации не отменяет необходимость её адаптации для более широкого или скорого восприятия.

В сфере культурной политики осознание этой специфики возникло давно. Существует, к примеру, устойчивое понимание того, что «традиционные ценности нашей культуры можно и нужно продвигать при помощи самых современных форм искусства, включая актуальное искусство и продукцию творческих индустрий»[42]. Соответственно, решение данной проблемы предусматривает использование широкого круга инструментов.

4.Проблема адаптации. Культурное наследие невозможно «перекроить» или «перестроить» под задачи современности, поскольку оно существует в иной «системе координат». Полноценная трансформация объекта наследия составляет основной риск его полного исчезновения, замены суррогатом или имитирующим новоделом. Фактическая утрата объекта

регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 74.

[40] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. – 2023. - № 9. С.78-86.

[41] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. С. 40.

[42] Миронов, А. С. Экология культуры и приоритеты гуманитарных ценностей как основания культурной политики // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 102.

наследия или ряда его уникальных свойств составляют особое проблемное поле, поскольку «ориентация на потребителя при определении культурного наследия в корне меняет понятие его аутентичности»[43]. Проблема адаптации, к примеру, часто проявляется в работе с объектами материального культурного наследия. Артефакт является самостоятельным источником возможных путей его использования и, следствие, частичной адаптации. Однако решение этой проблемы в случае с конкретным объектом, как и определение типичных путей решения, составляет значительную проблему. Можно говорить об адаптации культурного наследия как об особом процессе изменения воплощений объекта в соответствии с изменяющимися условиями среды.

5.Проблема гармонизации отношений. Общество, государство и личность, как отмечает исследователь Ю. А. Годованец[44], имеют свои собственные интересы в отношении объектов культурного наследия, а также формируют индивидуальные притязания, нормы, правила и традиции в их отношении. Особое место в актуализации культурного наследия имеет вклад различных групп элит – экономической, эстетической, культурной, научной и т.д. Несложно предположить, что различные интересы способны вступить в противоречия друг с другом, что зачастую наносит прямой ущерб сохранности наследия. Способность сочетать данные желания, направлять ресурсы сторон на благо культурного наследия и раскрытие его потенциала является сложной перспективной задачей, направленной на успешную актуализацию. Как показывает практика в отношении объектов культурного наследия, позитивный пример способен создать моду в равной степени благотворную и

[43] Горлова, И. И., Коваленко, Т. В., Зорин, А. Л. О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох // Культурное наследие России. № 4 (октябрь-декабрь), 2018. С. 6.

[44] Годованец, Ю. А. Сохранение культурных ценностей: теория и практика применения международных стандартов (культурологический анализ): автореферат диссертации … кандидата культурологии: 24.00.01; [Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации] – М., 2004. С. 3.

деструктивную для культурного наследия. Усилия, в том числе непрофессионалов, способны погубить объект культурного наследия. При этом отсутствие должных усилий, в свою очередь, также губительно. Культурное наследие, которое «сохраняет прошедшее как пребывающее»[45], весьма чутко отзывается на любые изменения внешней среды. Формирование гармоничного пространства вокруг объекта есть особая проблема, решение которой позволяет обеспечить сохранение и полноценное существование наследия в современности. Н. Е. Судакова утверждает, что «человечество обречено на ностальгию, в первую очередь ностальгию по культуре»[46]. В данном контексте исследователь рассматривает культуру в качестве обобщающего концепта, позволяющего выстроить равенство людей, вне зависимости от существующих различий.

6.Проблема коммодификации культурного наследия. Культурное наследие, обладающее особым потенциалом, способно быстро и результативно превратить собственную ценность в цену. Логично, что вопросы коммерциализации культуры занимают важное место в современных научных изысканиях[47], равно как и в практической деятельности. Существующая в настоящее время точка зрения на вопросы коммодификации культурного наследия рассматривает поле ресурсных вложений наследие как пространство высокорезультативных инвестиций. Одновременно обратная позиция воспринимает культурные смыслы «как нечто противоположное объекту экономических исследований. В то время как экономическая наука занялась изучением всего универсального, нормального и рационального, “культура” развилась в понятие, обозначающее конкретные разновидности,

[45] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 674.

[46] Судакова, Н. Е. Ностальгия по культуре в контексте рефлексии смыслов инклюзии // Общество: философия, история, культура. 2018. № 11. (55). С.45-49.

[47] Понукалина, О. В. Виртуальная «цивилизация досуга» российской провинции // Вестник ЧелГУ. 2008. № 33. Вып. 10. С. 80-87.

иррациональные отклонения от стандартной экономической модели»[48]. В рамках нашего исследования данная проблема трактуется скорее как комплекс перспективных возможностей, обращающих специфику наследия в пользу.

7.Проблема сохранения культурного наследия. Поскольку сохранение культурного наследия является крайне ресурсоемкой задачей, возникает объективная сложность в ограничении количества объектов культурного наследия либо массовом изменении методики сохранения. Сохранение объектов культурного наследия – особый комплекс мероприятий, направленных на физическое и духовное сбережение значения и материального выражения культурного наследия.

Сложная природа культурного наследия неоднократно была предметом научного изыскания: «парадокс культурного наследия выражается в ярко выраженном противоречии между высокой социальной значимостью его сохранения, с одной стороны, и недостатком общественных финансов, направляемых в эту сферу, в другой стороны»[49]. Практическое преодоление комплекса проблем данного парадокса, не являющегося характерной особенностью российских реалий, а составляющего мировую тенденцию, станет важным научным открытием, впоследствии потребующим скорейшего практического применения. Усиливающийся прагматизм ставит вопросы экономики культурного наследия иначе, формируя четкую зависимость цены от ценности объектов наследия.

Изложенные тезисы акцентируют внимание на том, что современные специалисты в сфере охраны материального культурного наследия «решают

[48] Егоров, В. К. Качества человеческого капитала: эффективное управление и развитие // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 26.

[49] Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А.Я. Рубинштейна – М.: Государственный институт искусствознания. 2016. С. 9.

практические вопросы вне системы мировоззренческих норм»[50]. «Решение отраслевых вопросов, не сопряжённых с пониманием концептуальной сути происходящих процессов, приводит к раздроблению ресурсов, направлений работы, и в итоге ведет к снижению эффективности проводимых мероприятий»[51]. Как признаётся и одновременно отвергается профессиональным сообществом, «наилучшая сохранность памятников может быть достигнута только при условии, что объект востребован обществом, так как памятник архитектуры, утративший функцию, разрушается морально и физически»[52]. В широком смысле этот тезис можно отнести ко всем объектам материального и нематериального наследия.

Каждая из проблем, связанных с культурным наследием, нуждается в детальном философском осмыслении. Таким образом наша работа вводит наследие в пространство философии, что объясняет междисциплинарный характер исследования. Тем не менее, по итогам предварительной формулировки проблем, очевидно, что культурное наследие как самостоятельная философская категория имеет ряд уникальных свойств, в том числе свойства невозобновимости, уникальности и подлинности. Они и определяют возможности и перспективы актуализации культурного наследия.

Соответственно, проблема сохранения культурного наследия заключается в комплексном характере этой работы, включающей, независимо от вида и состояния сохраняемого объекта, как материальные, так и духовные усилия. Также культурное наследие по своей природе амбивалентно и имеет

---

[50] Годованец, Ю. А. Сохранение культурных ценностей: теория и практика применения международных стандартов (культурологический анализ): автореферат диссертации … кандидата культурологии: 24.00.01; [Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации] – М., 2004. С. 6.

[51] Пиляк, С. А. Проблема коммодификации культурного наследия // Теория и практика финансово-хозяйственной деятельности предприятий различных отраслей [Электронный ресурс]: Сборник трудов II Национальной научно-практической конференции (Керчь, 27 октября 2020 г.) / под общ. ред. Е.П. Масюткина. – Керчь: ФГБОУ ВО «КГМТУ», 2020. Режим доступа: http://kgmtu.ru/documents/nauka/2economix2020.pdf, свободный. – Загл. с экрана. С. 334-337.

[52] Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А.Я. Рубинштейна – М.: Государственный институт искусствознания. 2016. С. 32.

физическое и духовное воплощение, обладающие, в свою очередь, различными свойствами и качествами.

1.2. Понимание «интерпретации» как категории философии культуры

Человеческое восприятие следует отнести к одной из наиболее одновременно исследованных и требующих дополнительного анализа научных сфер. Ряд исследователей прямо считает проблемы восприятия ключевыми. Обоснование такой парадигмы заключается в том, что в рамках восприятия возможно разрешение значительного количества философских противоречий[53]. То, каким образом человек воспринимает и интерпретирует пространство вокруг себя, от каких факторов зависит создаваемая в сознании картина – эти вопросы традиционно получают особый статус в структуре философского знания. Ряд исследователей прямо указывает на то, что «видимо, не вызовет больших споров утверждение о том, что философское знание есть знание принципиально интерпретационное. Интерпретация есть неустранимый момент, форма и способ функционирования философских знаний»[54]. Также подобное внимание объяснимо собственно природой философского знания.

Логичным развитием структуры научного знания стало формирование нескольких самостоятельных областей, в том числе теории познания (гносеологии) и учения о научном познании (эпистемологии). Дробление наук и выделение всё более узкой специализации учёных, ведущих исследования сферы, продолжается. В целом можно отметить, что развитие когнитивных исследований становится символом современной эпохи.

---

[53] Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 3.
[54] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 4.

Одним из особенных свойств настоящего является то, что подавляющую часть получаемой информации человек не синтезирует лично, а приобретает, причём не только от других людей, но и чаще – от обезличенных источников, в уже переработанном или адаптированном виде. Следовательно, интерпретатор оказывается не способен самостоятельно интерпретировать информацию. На фоне мыслительного ослабления как собственно информация, так и умение трансформировать её содержание и характер становятся наиболее мощным оружием.

Вместе с тем, задача эпистемологии состоит в описании и разъяснении реального познавательного процесса и определении параметров истинного знания. Нельзя не отметить, что в таком контексте теория познания – эпистемология во многом граничит с психологией восприятия, а при определённом рассмотрении – тождественна ей. Применение схожих логических структур, тем не менее, в состоянии привести к получению прямо противоположных выводов. Доступность информации, расширяя возможности человека, также значительно увеличивает и возможные угрозы его существования. И. Меркулов, анализируя концепцию эволюционно-информационной эпистемологии, отмечает, что «человеческое познание означает поиск и приобретение нового знания, создание какой-то новой адаптивно ценной когнитивной (в том числе культурной) информации, которая увеличивала бы приспособленность людей и их шансы на выживание»[55]. Познание, содержание понятия которого мы можем раскрыть как «совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира, свойственно человеческому разуму в принципе. Последовательное получение, обработка, оформление информации, в том числе в виде понятий, суждений и умозаключений»[56],

[55] Меркулов, И. П. Когнитивные способности. - М: Институт философии Российской академии наук, 2005. С. 11.

[56] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

позволяют познать мир в целом и его отдельные явления в частности. Человек «столь уверен в своих возможностях познания, что может позволить себе, широко пользуясь воображением, далеко отойти от действительности и даже специально “исказить” её, применяя различного рода фикции, с тем чтобы в конечном счёте получить новый достоверный результат»[57]. С учётом вышеизложенного, можно заключить, что управление человеческим познанием является чрезвычайно актуальным направлением практической и научной деятельности.

В целом понятие познания трансформировалось вместе с постижением методов и инструментов, используемых человеком в процессе получения знаний о предмете. Можно небеспочвенно предположить, что на заре формирования человечества познание заключалось в непосредственном ознакомлении с объектом путём использования органов чувств. Объект можно было познать, ощутив его запах, вкус, цвет и форму, услышав издаваемые им звуки или просто прикоснувшись к нему. И сейчас такие методы познания также активно используются человеком, но, как правило, дополняются инструментами, описанными и проанализированными ниже.

Как отмечает исследователь И. Меркулов, «в античной эпистемологии на основе древней магии слова и устной культуры сформировалась “пропозициональная” парадигма, которая отождествляла познание с овладением объектов с помощью истинного слова, “сказывания”»[58]. Использование семиотических систем для отражения объекта в сознании позволило не только усложнить и систематизировать ощущения, возникающие от конкретных свойств объектов, но и создало условия для передачи этих данных в структурированном виде. Вместе с тем упорядоченность ощущений и формирование общей усреднённой оценки,

[57] Микешина, Л. А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 16.
[58] Меркулов, И. П. Когнитивные способности. - М: Институт философии Российской академии наук, 2005. С.10.

оторванной от восприятия конкретного индивидуума, но удовлетворяющей общественный запрос, создала предпосылки для осознания самостоятельной ценности индивидуальной оценки и возникновения конфликтов восприятия.

В продолжение нашего размышления обратим внимание на то, что интерпретация как один из этапов восприятия во многом путём адаптации способствует приобретению человеком данной информации, рассмотрение и анализ которой возможны в различных системах координат. Современные исследователи ставят информационную и духовную деятельность на ведущие позиции в системе человеческих ценностей, утверждая, что «уже в основе возникновения жизни лежит предпосылка создания духовного – получение и хранение информации. Когнитивный аппарат последовательно развивался и человек стал способен к понятийному мышлению, а посредством этого к творению духовного»[59]. Так, например, историки считают, что историческое исследование имеет четыре этапа: эвристика, критика, интерпретация и описание[60]. Следовательно, само понятие интерпретации отражает стадию понимания, после которого возникает возможность отразить воспринимаемый объект или процесс. «Понятие интерпретации как истолкования произведения с целью понимания его смысла, в свою очередь, является составной частью восприятия, при этом именно интерпретация формирует восприятие человека, и, в конечном счёте, играет определённую роль в познании. Именно определяющая роль интерпретации, зависимость от неё некоторых философских категорий, делает интерпретацию столь важным объектом исследования. На современном этапе очевидно сложение новой проблематики восприятия и познания»[61]. Как справедливо отмечают исследователи, «в мире,

[59] Горелов, А. А. Истина и смысл [Текст] / А.А. Горелов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. С. 104.

[60] Кропач, И. Познание, творческая фантазия или иллюзия? История с формальной точки зрения. Режим доступа: http://www.aik-sng.ru/text/bullet/22/11.shtml (дата обращения 06.12.2018).

[61] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

состоящем из бесчисленного количества всевозможных, природных и искусственных объектов мы ориентируемся при помощи достаточно большого, но всё же ограниченного перечня слов и понятий»[62]. И. Ю. Алексеева предлагает своё определение: «Интерпретация есть “новое описание”, основанное на связности текста»[63]. Восприятие без интерпретации невозможно.

Принимая во внимание данные аргументы, установим, что интерпретация представляет процесс, существующий и развивающийся исключительно в состоянии диалога. Именно в диалоге, который возникает между объектом и субъектом, рождается цепь мнений о смысле. Известен риторический вопрос Мишеля де Монтеня, спрашивающего, «когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею!»[64]. Следовательно, определение субъекта и объекта в данном процессе представляется неоднозначным и подвижным. «Теперь человек не столько всматривается в сущее, сколько представляет себе картину сущего и она становится исследуемой, интерпретируемой репрезентацией этого сущего. Пересекаются два процесса: мир превращается в поставленный перед человеком предмет (объект), а человек становится субъектом, репрезентантом, понимающим свою позицию как миро-воззрение, как интерпретацию картины мира с позиций визуальной метафоры»[65]. Логично, что в канве этого бесконечно диалектичного процесса принципиально меняется и философский дискурс. Одним из наиболее важных в рамках настоящего исследования является понятие актуализации, трактуемой чаще всего как превращение

[62] Севостьянов, Д. А., Гайнанова, А. Р. Символическая природа ценностей // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 2. С. 134.
[63] Алексеева, И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. - М.: ИФРАН, 1993. С. 188.
[64] Монтень, М. Опыты. Книга 2. – М.: Издательство Академии науки СССР, 1960, С. 144.
[65]Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 67.

потенциала в действительность. Автор полагает необходимым использовать данное определение.

Отметим, что в различных узких профессиональных сообществах существуют смежные понятия, отражающие близкие по природе процессы. При работе с объектами культурного наследия иногда понятие адаптации заменяют термином «валоризация» (valorization – наделение ценностью). В профессиональной деятельности в качестве ключевого понятия также существует термин «реваloризация», обозначающий коренное изменение функции объекта наследия. Яркими примерами реваloризации могут стать многочисленные в последние годы реконструкции территорий и комплексов с приспособлением под общественные или жилые функции. В рамках настоящего исследования автор считает допустимым использовать понятие актуализации наследия как более широкое, относимое как к материальному, так и нематериальному культурному наследию.

Закономерно, что с учётом усложнения человеческого общества и общественных отношений в данное время понятие актуализации получает всё более активное распространение. Современные исследователи не только применяют исходное понятие в широком смысловом диапазоне, но и синтезируют производные «деактуализация», «реактуализация»[66] и прочие. Как отмечают исследователи, «с помощью актуализации явление вводится в состав (структуру, систему) поля культуры, определённые изменения среды приводят к деактуализации (вытеснению, запрету, маргинализации), однако через какое-то время деактуализованное явление, опять же под воздействием изменений среды, снова оказывается востребовано, что приводит к реактуализации»[67]. В таком случае «новое прочтение» артефакта прошлого,

[66] Троицкий, С. А., Гуляева, Н. Л. Метод картографирования культурных трансформаций // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 4. С. 482-488.
[67] Троицкий, С. А., Гуляева, Н. Л. Метод картографирования культурных трансформаций // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 4. С. 483.

выстраивающее новое эмоциональное окружение в сознании человека, способно значительно обогатить образ объекта.

По результатам проведённой работы отметим, что зависимость диалектичного актуализационного процесса от природы человеческого восприятия следует признать несомненной. Исследователь Л. А. Микешина справедливо и обоснованно утверждает, что «всё более осознается, что там, где человек присутствует, он всегда значим и не может быть выведен на скобки без последствий для видения и понимания самого процесса или события»[68]. «При изучении восприятия исследуются тонкие материи человеческого сознания; анализируя восприятие, мы с каждым шагом приближаемся к пониманию природы самого человека. Именно поэтому вопросам восприятия уделяется столь значительное внимание»[69]. Особую сложность и, вместе с тем, особый интерес представляет исследование восприятия культурных ценностей. Выше мы обращались к важной роли феноменов культуры в формировании человеческой личности и развитии человечества в целом. Понимая культуру как совокупность всего созданного человеком и человечеством в целом, мы неминуемо встречаемся с тезисом ряда исследователей, утверждающих, что «гуманитарное явление существует только в мире культуры»[70]. Подобный подход, преступно сужающий зону воздействия культурных феноменов, не может считаться верным. Как известно, в широком смысле в понятие культуры входит всё созданное человеком. «В каждой культурной ценности в знаково-символической форме зафиксирована эстетическая, психологическая и историческая информация»[71].

---

[68] Микешина, Л. А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 12.

[69] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. – С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

[70] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 129.

[71] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

Особенности комплексного характера культурных ценностей также формулируют следующим образом: «нацеленность культурного капитала на развитие человека и человеческого капитала связывает воедино культурный, природный и человеческий капитал»[72]. Основоположником понятия культурного капитала можно считать французского социолога П. Бурдье[73]. К объёму культурного капитала исследователь относит материальное и нематериальное культурное наследие, а также присущие обществу эстетические стандарты и т.п. Соответственно закономерным становится и уже упомянутое автором разделение и различение физического и духовного воплощений объекта наследия, требующих индивидуальной работы по введению объекта как в духовный, так и в экономический оборот.

Сложность процесса в значительной степени нивелируется живым познавательным человеческим интересом к объектам культурного наследия[74]. К категории интересного можно отнести как определённое инородное включение, создающее проблемное напряжение в среде, так и нечто, имеющее иные по сравнению с окружением характеристики динамики и изменчивости. В целом культурное наследие, обладающее уникальным свойством невозобновимости и имеющее сложную двойственную природу, как кажется, по определению должно быть привлекательным для постижения феноменом. Однако на практике довлеющие принципы массовой культуры требуют упрощения и стандартизации уникальных характеристик объектов культурного наследия. Казалось бы, происходит фактически невозможный процесс по осуществлению упрощения неупрощаемого. В борьбе за человеческий интерес теряется выраженная подчас в нюансах самобытность

[72] Никонорова, Е. В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 649.
[73] Бурдье, П. Практический смысл / Пер. с франц. и общ. ред. Н. А. Шматко. - СПб.: Алетейя, 2001. - 562 с.
[74] Голосовкер, Я. Э. Избранное. Логика мифа. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. - 496 с.

объектов. Тем не менее, создание и поощрение познавательного интереса остаётся ключевой задачей актуализации наследия.

Как отмечают современные исследователи, «интересное в пространстве урбанистической культуры – сильнейший стимулятор, способный переформатировать культурные предпочтения и усиливать воздействие на вкусы горожан, привлекать внимание к тем или иным местам, побуждать к участию в конкретных событиях, возбуждая их любопытство»[75]. В представленном определении можно заметить очевидное родовое сходство пробуждения интереса и актуализации наследия в целом. В рамках настоящего исследования возможно выделить интерес в качестве одного из аспектов анализируемого предмета.

Дополнительно обратим внимание на то, что на современном этапе развития общества «признание нематериального характера любого наследия закономерно приводит к мысли о том, что последнее (наследие) есть «процесс создания значений», в силу чего ценности утрачивают свою незыблемость»[76]. Всё более весомое значение имеет признание ценности культурного наследия как обществом в целом, так и отдельными группами, к примеру – творческой или экономической элитой. Наследие взамен безусловной получает относительную ценность, которую в любой удобный момент возможно оспорить или пересмотреть. «Важнейшее право наследия, сформулированное ещё столетие назад – право на сохранение вне зависимости от степени его введения в духовный и экономический оборот, ежедневно оспаривается заинтересованными лицами»[77]. По указанным причинам актуальность данного исследования не подлежит сомнению.

---

[75] Астафьева, О. Н., Кузьмина, Н. В. «Интересное» в эстетическом ландшафте города // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 699.

[76] Горлова, И. И., Коваленко, Т. В., Зорин, А. Л. О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох // Культурное наследие России № 4 (октябрь-декабрь) 2018. С. 5-6.

[77] Пиляк, С. А. Проблема коммодификации культурного наследия // Теория и практика финансово-хозяйственной деятельности предприятий различных отраслей [Электронный ресурс]: Сборник трудов II Национальной научно-практической конференции (Керчь, 27

1.3. Герменевтический подход к изучению феноменов культурного наследия

Основополагающей научной отраслью, рассматривающей вопросы восприятия и толкования языка, является философская герменевтика. «Само понятие герменевтики, как правило, обобщает искусство и теорию истолкования систем символов и текстов. Мы имеем основания предположить, что в широком смысле она возникла вместе с появлением речи и письменности»[78]. Близость восприятия и толкования заставляют нас обратить внимание на то, что «философская рефлексия всегда стремится диалектически проникнуть в смысл диалогического отношения, стремится интерпретируя понимать, что, в свою очередь, “окрашивает” философское знание в герменевтические тона»[79]. Исследователи в целом отмечают, что герменевтика выступает в качестве инструмента синтеза нового знания. Одновременно мы должны отдавать себе отчёт, насколько в эпоху постмодернизма распространено цитирование как синтез нового знания. В конечном счёте логичен вывод о том, что «задача герменевтики – это не репродукция прежних смыслов, а производство всевозможных новых»[80]. Следовательно мы оказываемся не способны постичь предмет, отказавшись от его собственного восприятия и надеясь на использование результатов заимствованной интерпретации.

октября 2020 г.) / под общ. ред. Е.П. Масюткина. – Керчь: ФГБОУ ВО «КГМТУ», 2020. Режим доступа: http://kgmtu.ru/documents/nauka/2economix2020.pdf, свободный. – Загл. с экрана. С. 334-337.

[78] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[79] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 4.

[80] Синицына, Л. Н. Современное образование в герменевтическом измерении // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. – М.: Альфа-М, 2006. – Т. 9. Социология образования. С. 158.

Обратим внимание на то, что на современном этапе развития науки «сформировалось устойчивое представление о том, что каждый объект мира, не исключая и культурные ценности, является в определенном виде “текстом”»[81]. Естественно, формат предлагаемого «языка» находится в широчайшем диапазоне, а возможность адекватного «перевода» зависит от множества факторов. Стоит отметить, что, по нашему мнению, указанный подход во многом является следствием общепризнанной литературоцентричности современной культуры. Но принимая подобную особенность мира как данность, мы оказываемся способны иначе проанализировать механику и оптику человеческого восприятия. Как отмечает Ю. М. Лотман, «культура в целом может рассматриваться как текст»[82]. Также философ уточняет: «сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в текстах” и образующий сложные переплетения текстов»[83]. Обилие смыслов, вкладываемых в тексты и оказывающихся быть понятыми, позволяет рассмотреть культурные значения во всем их многообразии: «Культура, прежде всего, отражает социально-экономические, духовно-нравственные традиции общества. Она является важнейшей составляющей среды обитания людей и формой созидания духовных и материальных ценностей, простирающейся в бесконечность прошлого, настоящего и будущего»[84]. Одно из наиболее общих определений принадлежит О. Н. Томюк: «Культура как надсоматическая система есть результат творения человека и присуща только человеку»[85]. Функция наследия как хранителя информации и образов

[81] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[82]Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 72.
[83] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 72.
[84]Шахов, В. А. Генезис и специфика культуры Калининградской области: диссертация ... доктора культурологии: 24.00.01 / Шахов Вячеслав Александрович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»], 2019 - 334 с.
[85] Томюк, О. Н. Философские основания творчества как феномена культуры: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Томюк Ольга Николаевна; [Место защиты: ФГБОУ

человеческой культуры определяет высокую практическую ценность артефакта.

Возвращаясь к осмыслению научного вклада исследователей очерченной сферы, отметим, что «герменевтика послужила созданию методики толкования. Поэтому многие из её положений учитывают специфику интерпретации культурных ценностей»[86]. В рамках нашего исследования обратимся к эволюции герменевтики. Подобный анализ обладает особым значением с учётом того, что «попытки “оживления” герменевтикой многих философских направлений имеют очень широкий диапазон: от герменевтического психоанализа до материалистической герменевтики»[87]. Сложение теории восприятия в некоторых ключевых вехах созвучно формированию герменевтического метода.

Размышляя над изложенным тезисом, отметим, что «к настоящему моменту сложилось устойчивое представление о герменевтике как науке с многовековой историей и длительным периодом сложения структуры. Нельзя упустить то, что её возникновение связывали с формированием первых мифов и религии. В таком случае, к герменевтике, к примеру, относимы вообще все исторические эпизоды, связанные с формированием теории познания в принципе. Поскольку настоящая работа не преследует цель пересмотра историографии вопроса, исторический обзор развития герменевтики приведён в соответствии со сложившейся, но имеющей значительный потенциал для уточнения и даже пересмотра периодизацией»[88]. Одновременно в нашей

ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»]. – М., 2020. С. 46-47.

[86] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

[87] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 5.

[88] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

работе представлена трансформация понимания структуры процесса восприятия.

Несмотря на то, что, по мнению некоторых учёных, развитие герменевтического подхода является органичным продолжением экзистенциализма Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера[89], в рамках нашего предварительного анализа предмета можно обозначить предложение по хронологическому расширению темы. К примеру, «профессиональная работа любого учёного, внесшего свой вклад в историю религии и историю языкознания, в зависимости от отношения философского сообщества, может быть с разной степенью успеха отнесена к развитию герменевтики»[90]. «Эволюцию герменевтических методов можно представить как процесс, зависящий от уровня развития социальной практики и научного обеспечения решения социальных задач»[91]. Оптимальным в рамках нашего исследования можно считать определение, разработанное В. Г. Кузнецовым. Трактовка понятия герменевтики в трудах философа представлена следующим образом: «Герменевтика – искусство интерпретации, постижения смысла диалогических отношений»[92]. Раскрытие смысла артефакта, обнажение его содержания путём адаптации знания, позволяет расширить аудиторию заинтересованных в судьбе каждого конкретного памятника.

Экзегетика (теологическая герменевтика)

Я. Г. Фогелер заметил, что «в древнегреческой идеалистической философии истолкование непостижимого для простых смертных “языка

[89] Герменевтика: история и современность (Критические очерки) / коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 5.
[90] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[91] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 5-6.
[92] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 4.

богов” было прерогативой неких “посредников” между богами и людьми»[93]. «Жрецы-посредники, оракулы и пророки добивались тождества с вестником воли богов Гермесом, переводившим (то же – толкующему, интерпретирующему) волю богов на человеческие языки. От имени античного покровителя торговли и ремесел, собственно, и получила свое название наука герменевтика»[94].

С учётом вышеизложенного отметим, что непостижимость всей многогранности образов религий и конфессий создаёт благоприятную почву для развития герменевтики. Анализируя тему религиозного миросозерцания, В. Дильтей замечает следующее: «Рассудок не может понять содержащихся в этой категории видимых допущений, он может их только разложить. Отдельное и видимое означает больше, чем то, в чем оно появляется»[95]. Так же и артефакт прошлого способен проиллюстрировать в локальном произведении глобальные темы.

Основные герменевтические приёмы «возникают в Древней Греции в связи с необходимостью истолкования написанных в более раннее время, к примеру, поэм Гомера. С целью сохранения национального культурного единства возникает необходимость филологического переложения поэм в доступной для прочтения потомков форме. Это процесс сродни адаптации, что актуально и сейчас для многих государств и национальных культур»[96]. Необходимо заметить её очевидное сходство с толкованием и интерпретацией. Упрощённое изложение для обеспечения восприятия как можно более

---

[93] Фогелер, Я. Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики - сборник Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 12.

[94] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

[95] Философия в систематическом изложении. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 55.

[96] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

широкой аудиторией представляет важную задачу, к возможным решениям которой мы подойдём далее.

Закономерно, что развитие письменной традиции как способа передачи информации без личного контакта автора и читателя «предопределило широкое распространение толкования текстов и документов. Стала распространённой ситуация, при которой грамотный специалист истолковывает содержание какого-либо документа – летописи, хроники, древних книг, причём, зачастую с искажением смысла. Подобные случаи многократно описаны в сотнях литературных источников»[97]. Отметим, что при адаптации знаний его искажение является неминуемым следствием. Одновременно личная заинтересованность в этом способна расширить зону искажения подчас до бесконечности.

В сравнение с этим «в восприятии текстов, возникающих при условиях, отличающихся от повседневности интерпретатора, многократно увеличивается доля читательской фантазии, что способно исказить смыслы текста до неузнаваемости. В зависимости от роли текста и его функции, уровень подобных допущений, изначально заложенных творцом, может варьироваться в широких пределах. Однако, когда мы ведём речь о религиозных текстах, базовых для формирования и распространения религии, творческая интерпретация»[98], заключающаяся в адаптации (в данном случае упрощении содержания для облегчения восприятия основных положений) обязана быть сокращённой.

Вместе с тем «при распространении христианства на территориях и в регионах с различными культурами, верованиями, культами и климатом, сюжеты Священного Писания, насыщенные атрибутами предметного мира

[97] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

[98] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

Восточного Средиземноморья, определенно были непонятны потенциальным верующим христианам. Создание методики толкования Священного Писания, нивелирующей региональные и территориальные особенности и делающей тексты доступными для всеобщего понимания, служило появлению общей культурной платформы, а затем и широкому распространению христианства.

В дальнейшем сложение наборов шаблонов, традиций, парадигм представления верного истолкования привело в I-III веках к возникновению Александрийской и Пергамской (Антиохийской) школ. Уже на этом этапе ими по-разному были решены главные вопросы герменевтики – «сколько смыслов в слове?», «возможно единственное толкование или допустима множественность смыслов?». Если аналогисты, представители Александрийской школы придерживались аллегорического истолкования Библии, то аномалисты – представители Пергамской – исповедовали дословное толкование, основанное на единственности смысла.

На наш взгляд, в дальнейшем история даёт немало примеров использования герменевтических приёмов при необходимости сблизить понимание разных масс, привести их хотя бы к единому знаменателю, а оптимально – добиться единого и единственного понимания для многих непохожих людей. Поэтому, как только возникает момент потенциального разобщения стран, территорий или регионов, объединение которых желательно, мы наблюдаем активное использование герменевтических приёмов.

В средневековой Европе выделяется особое научное направление герменевтики»[99] – экзегетика, задачей которой стало каноническое (обеспечивающее единство трактовки и, следовательно, тождественности восприятия) толкование библейских текстов. Благодаря формированию догмы в понимании первоисточника религиозного знания снижалось поле

[99] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

информационной спекуляции и возможность проявление ересей, а также «обеспечивалась как религиозная, так и светская власть римского первосвященника. Таким образом, в позднем средневековье в Европе выстраивается религиозно-догматическая герменевтика, неразрывно связанная с теологией и католической схоластикой»[100]. Изложение религиозных символов в качестве универсальных образов, доступных за счёт адаптации информации широкому кругу людей, позволило сформировать и отработать герменевтические методы.

Отметим, что «в этом периоде весомый вклад в развитие герменевтики внёс Аврелий Августин. Богослова по праву считают создателем первой теоретической системы экзегетики. Именно он впервые сформулировал многие герменевтические проблемы и за счёт этого во многом определил дальнейшее развитие теории толкования.

На этом этапе в упражнении в искусстве толкования были разграничены две основные стадии процесса интерпретации: нахождение “истинного смысла” Священного Писания и изложение найденного смысла верующим. Такое деление будет впоследствии уточнено и расширено. Данная систематизация связана также с введённым Августином принципом конгениальности – соразмерности творческих потенциалов автора и читателя»[101]. В нашем исследовании особое внимание уделяется адаптации информации для упрощения адекватного понимания феноменов культуры.

К научному вкладу Августина относится обоснование и формализация понятия знака, получившего следующую трактовку: «Знак вообще есть предмет, который сверх собственного вида или формы, действующей на наши чувства, возбуждает в уме нашем представление других известных

[100] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.
[101] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

предметов»[102]. «Философ впервые даёт четкое определение собственного и переносного значения слов, вводит классификацию тропов. Богослов обозначает роль конвенций в языке, обосновывая их появление общественным предварительно-условным согласием относительно их смыслового наполнения.

Особый вклад Августина в развитие герменевтики заключается в постановке проблемы понимания как перехода от знака к значению. Но при этом философ в русле богословия определяет понимание как усвоение религиозной догматики. Основой человеческих знаний по Августину является вера в божественный авторитет, зафиксированная в Священном Писании. Этот постулат сформулирован Августином в тезисе “Верь, чтобы понимать”.

Также ключевым заключением философа остаётся однозначность понимания. Созданная Августином теория не допускает иных трактовок текстов, кроме единственной версии-догмы, однозначно сформулированной и представленной богословами верующим для дальнейшего постижения и восприятия»[103]. Указанное ограничение в дальнейшем заложило основу трансформации подходов в герменевтике.

На наш взгляд, «сильнейший импульс для развития герменевтики создала Реформация. Формирование условий для понимания Библии каждым грамотным человеком начинается с перевода Библии на первый национальный (немецкий) язык Мартином Лютером, открыло свободу в трактовке письменных источников веры. Сам Лютер представлял Священное Писание как самодостаточный источник информации, постижимый через само себя, где понимание части зависит от понимания целого и наоборот.

Один из ключевых деятелей Реформации Матиас Флациус Иллирийский внедрил новые герменевтические принципы, в

[102] Августин Блаженный. Христианская наука, или Основания св. герменевтики и церковного красноречия. – Киев, 1835. С. 67.
[103] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

том числе особое внимание к контексту и цели текста. Авторский контекстуальный подход стал теоретическим объяснением эмпирического факта множественности смыслов»[104]. Существенный научный вклад учёного позволил создать тезис, гласящий, что «подлинный смысл в слове всегда один, а различные контексты могут лишь изменять первоначальный смысл, “играть” смысловыми оттенками, полутонами и скрытыми значениями»[105]. «Мыслителем таким образом снимается насущная проблема множественности смыслов текстов Священного Писания.

Также Флацием было обозначено в качестве проблемы отношение целого и части в процессе трактовки смысла текста. Следовательно, именно его мы можем считать первым исследователем, который обозначил фундаментальный принцип герменевтического круга, заложенный в основу всех имеющих впоследствии распространение концепциях и теориях.

Важно отметить и то, что философ разделяет понимание и интерпретацию, трактуя последнюю как одну из ступеней понимания. Важнейшим вкладом философа является создание цельной методологической системы, ставшей систематическим изложением принципиальных основ герменевтического метода в части трактовки библейских текстов»[106]. Формулирование усложнённой структуры восприятия заложило основы для дальнейшей научной работы.

Развитие филологической герменевтики

[104] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.
[105] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 7.
[106] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

Период Ренессанса стал уникальным временем для развития искусств и культуры. В нашем проблемном поле Ренессанс – это, прежде всего, расцвет филологической герменевтики. «В связи с тем, что в это время осуществляется значительное количество переводов древних трактатов на современные национальные языки, наряду с текстами Священного Писания, внимание толкователей уделяется и произведениям классической литературы, историческим и юридическим документам. Весомая роль отводится критике, ставящей вопрос о том, каким следует быть интерпретируемому произведению»[107]. Трансформация предмета анализа герменевтики расширила проблемное научное поле.

Исследования мыслителя Иоганна Мартина Хладениуса «выводят герменевтику на новый уровень обобщения, вовлекая в поле исследования вопросы методологии исторического познания. Признавая практическое значение логики, исследователь предложил включить в неё исторические факты.

Поскольку он различает факты как единичные вещи и опыты как истины, полученные путём сравнения отдельных случаев, учёный вводит в качестве различных понятий множество и род.

В итоге философ создаёт оригинальную теорию, в которой выделены три типа силлогических терминов:

- Единичные термины (факты);
- Общие термины, обозначающие определенные множества;
- Неопределённые термины, относимые к неопределённым множествам.

Таким образом, Хладениус расширяет предмет герменевтики в части исторических фактов и выводит герменевтическую проблематику на уровень

[107] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

логики»[108]. Использование приёмов герменевтики для анализа современных проблем восприятия и познания позволило обогатить научное знание.

Из этого следует, что «на рубеже XVIII-XIX веков происходит постепенное движение в сторону оформления инструментария герменевтики, что приводит к обособлению герменевтики в форме самостоятельной науки. Взамен тезиса Августина “Верь, чтобы понимать” в рационалистической герменевтике XIX века сформулирован тезис “Объяснять, чтобы понимать”»[109].

Вильгельм Гумбольдт проработал предмет герменевтики. Также к вкладу исследователя относится то, что именно в его философии в значительной степени осмыслены понятие и принцип диалога.

Из этого следует, что «философом была разработана концепция понимания языка. Язык как посредник между мыслящими субъектами воспринимается философом в качестве внутреннего природного свойства человека, выделяющего его из животного мира. Язык призван отражать внутренний мир человека, а также служить активной силой, создающей его мировоззрение. Язык выполняет функцию обозначения предметов в мысли и речи, функцию выражения понятий, функцию опосредования понимания (коммуникативную функцию). Философ понимает язык как постоянно возобновляющуюся работу духа»[110]. Диалог как важнейшее свойство восприятия и познания рассмотрен учёным, утверждавшим, что «возможность говорения обусловлена обращением и ответом»[111]. «Процесс восприятия и понимания следует признать принципиально диалогичным. В дальнейшем

[108] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.
[109] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.
[110] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.
[111] Гумбольдт, В. Язык и философия культуры, - М.: Прогресс, 1985. С. 399.

этот принцип был развит и в отношении взаимодействия субъекта и объекта, способных оказывать в равной степени влияние друг на друга и на процесс интерпретации. Гумбольдт предвосхищает значение принципа диалога в качестве метода анализа любых гуманитарных явлений»[112]. В настоящее время принцип диалога положен в основу стратификации потенциальной аудитории объекта наследия с целью определения оптимальных инструментов продвижения.

Учёного Фридриха Шлейермахера[113] принято считать основоположником науки герменевтики. Именно он сформировал систему, в которой была предпринята попытка превратить герменевтику в универсальную методологию по разрешению действующих философских противоречий. «Именно у этого исследователя герменевтика сформировалась первоначально как фактор общения верующего с Богом. Герменевтика Шлейермахера по праву считается отправным пунктом для подавляющего числа современных концепций»[114]. Учёный Р. Габитова делает вывод о том, что «истоки всех современных герменевтических теорий – Дильтея, Бультмана, Хайдеггера, Гадамера, Сцонди и др. лежат в универсальной герменевтике Ф. Шлейермахера, каждая из них представляет собой (зачастую весьма) значительную модификацию её основных принципов»[115]. Значительный вклад учёного в развитие герменевтики неоспорим.

Анализируя данную проблематику, «Ф. Шлейермахер рассматривал герменевтику как метод всех наук о духе, то есть гуманитарных наук, заявляя,

---

[112] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

[113] Фогелер, Я. Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики - сборник Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 17.

[114] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.

[115] Габитова, Р. М. «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера - сборник Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 90.

что с помощью внедрения в сознание авторов произведений, исторических деятелей, можно проникнуть в эпоху, реконструировать исторические события, глубже, нежели современники, понять суть происходящего на иных исторических этапах[116]. При этом «герменевтика Шлейермахера» не озадачена поиском ответа на вопрос соавторства творца произведения и его интерпретатора, исследователем не учитывается момент новизны, возникающий при новом прочтении творения»[117]. Важнейшим вкладом философа является вариант формулировки основной цели герменевтики в понимании автора и его произведения лучше, чем автор понимал себя и свой труд.

Одновременно Ф. Шлейермахер осуществляет категорирование ступеней понимания. Для восприятия действительности в повседневной жизни учёный выделяет механическое понимание. Следующей стадией восприятия философ определяет понимание в результате обобщения или герменевтический метод. Особой, высшей ступенью восприятия исследователь называет понимание как искусство[118]. Нетрудно увидеть, «что аналогичная систематизация имеется в отношении принятия управленческих решений, однако проведение подобного сравнительного анализа является предметом самостоятельного исследования. Шлейермахер выделяет в тексте два уровня – предметно-содержательный (что написано) и индивидуально-личностный (как написано)»[119]. Различение субъективного и объективного в данном случае представляет значительное научное достижение.

В целом, теория Ф. Шлейермахера имеет яркую психологическую окраску. К примеру, исследователь уравнивает объективную и субъективную

---

[116] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. С. 8-9.

[117] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

[118] Fr. Schleiermacher’s sämtliche Werke, Abt. 1. Zur Theologie, Bd 1. Berlin, 1843, - 56 p.

[119] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.

составляющие в изучении текста, что не было сделано его предшественниками, «такая установка на постижение истолковываемых текстов и на роль понимания в ней получила позже название романтической герменевтики»[120]. Последователи Ф. Шлейермахера, к примеру, Фр. Бласс, были вынуждены особо выделить группы осознаваемых и неосознаваемых автором факторов создания творческого произведения, и в дальнейшем для понимания автора и его творческого замысла уделять внимание лишь осознанным им факторам[121].

Также исследователь вводит понятия двух методов «психологического истолкования, а именно – дивинаторного и компаративного методов. Первый заключается в непосредственном поиске понимания целого через индивидуальное интуитивное “схватывание”, предварительное понимание, а второй основывается на сопоставлении всеобщности интерпретатора и всеобщности автора»[122].

В философии Ф. Шлейермахера особое место занимают два метода – медиация и композиция. «Медиация понимается как метод вскрытия (обнаружения) “генетической реализации произведения”, а композиция имеет дело с “объективной реализацией произведения”»[123]. Также «Ф. Шлейермахер чётче в сравнении с предшественниками формулирует принцип “герменевтического круга”, заключающийся в понимании целого исходя из части и части – исходя и целого. Следовательно, этот процесс является бесконечным, как бесконечным является и углубление в понимании. При этом исследователь утверждает, что знание является научным, если оно образовано при использовании указанного принципа»[124]. К заключениям

[120] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 49.
[121] Бласс, Ф. В. Герменевтика и критика. - Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1891. – 194 с.
[122] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[123] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 52.
[124] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.

Ф. Шлейермахера относится то, что «любой акт понимания есть перевернутый акт говорения»[125]. Анализируя механизм работы герменевтического круга, учёный Б. Н. Бессонов в полемическом формате обращает внимание на развитие процесса познания в динамике: «в чем суть движения “по кругу”? В постоянном возникновении и разрешении противоречия между частью и целым, между частным и общим, между второстепенным и главным». Глубокое восприятие отдельных частей неминуемо приводит к комплексному познанию целого[126].

Мы делаем вывод о том, что «в качестве необходимой предпосылки понимания Ф. Шлейермахер определяет уничтожение исторической дистанции между автором и истолкователем. В контексте настоящего исследования отметим, что обособление интерпретатора от собственной современности, как известно – один из основных принципов любой интеллектуальной работы с культурным наследием.

Исследователь уточняет последовательность действий при начале интерпретации произведения:

- Общий обзор произведения;
- Раскрытие понятий с помощью грамматической и психологической интерпретаций;
- Обязательная концептуальная увязка грамматической и психологической интерпретаций»[127].

В последующее время основной инструментарий, принципы и подходы герменевтики активно применяются в сфере истории, языкознания, литературоведения и иных. Это в дальнейшем способствовало созданию

[125] Schleiermacher F. D. E. Hermeneutics and Criticism. Edited by Andrew Bowie, Anglia Polytechnic University, Cambridge. - Cambridge University Press, 1998. – 284 с.
[126] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. С. 28.
[127] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.

основы для трансформации герменевтики в общую методологическую гуманитарную концепцию.

При этом необходимо заметить, что свой особый философский статус герменевтика получила в научной деятельности В. Дильтея. Вильгельм Дильтей «является автором понятия герменевтики как учения об искусстве восприятия и понимания фактов, изложенных в тексте. Дильтей стал внедрять тезис о создании каждым великим человеком своего субъективного взгляда на историю путём переосмысления собственной современности. Итоги собственного анализа философ приводит в серии монографий о выдающихся исторических личностях»[128]. По мнению учёного, особая роль художников и философов заключается в том, что они «доводят до сознания их содержание и синтезируют отдельный опыт в общий опыт о самой жизни. Так вырастают интерпретации действительности – миросозерцания»[129]. Для определения общего В. Дильтей вводит понятие объективного духа. Дух имеет широкий диапазон отражающих связь личного и социального форм, в том числе, стиль жизни, общения, обычаи, право и так далее.

Особое значение в свете настоящего исследования имеет фраза В. Дильтея: «история повсюду там, где жизнь проходит и понимается»[130]. Учёный настойчиво отмечает важную роль искусства в становлении герменевтики. Крупным достижением философа становится постановка двух проблем – проблемы герменевтической логики и проблемы бессознательного в гуманитарном познании.

Рассматривая указанную проблематику, В. Дильтей выделяет три типа проявлений жизни. К первому философ относит понятия, суждения и умозаключения. Во вторую группу он относит поступки, в третью – выражение переживания. Также философом разграничены формы понимания

[128] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[129] Философия в систематическом изложении. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 49.
[130] Diltey W. Gesammelte Schriften, Bd VII. Leipzig – Berlin, 1927. P. 205.

– на элементарные (истолкование отдельных проявлений жизни) и высшие, направленные на понимание внутреннего мира людей.

В. Дильтей в философских трудах затрагивает тему контекста, а именно проблему его учёта и верного восприятия. Как указывает исследователь, «миросозерцание определяется отношениями чувственной жизни. Оно находится под углом зрения ценностей предметов, жизненных ценностей, значения и смысла мира: вся действительность кажется тогда выражением чего-то внутреннего, и она берётся как развитие бессознательно или сознательно действующей душевной связи»[131]. Развивая вопрос контекста, учёный пишет, что «мы никогда не можем преодолеть субъективность и относительного характера определения ценностей, вытекающего из их происхождения: безусловная ценность – постулат, а не выполнимое понятие»[132]. В нашем случае данный тезис логично развить в направлении индивидуальной адаптации знания об артефакте.

Теория В. Дильтея характеризуется чётким разделением комплекса наук на науки о природе и науки о духе, при этом философ также различает методы исследования у каждой из отраслей научного знания. Использование интерпретационных методов исследования, согласно В. Дильтею, составляет специфику методологических приёмов в науках о духе. Также философ выделяет два вида психологии – описательную, опирающуюся на комплекс наук о природе, и объясняющую, сформированную комплексом наук о духе. Философ сумел создать научную школу, продолжившую развитие герменевтики.

У Фридриха Ницше[133] «интерпретация становится некой универсальной категорией и одновременно – основой философии.

[131] Философия в систематическом изложении. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 71.
[132] Философия в систематическом изложении. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 72-73.
[133] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. С. 6-7.

Интерпретация позволяет охарактеризовать ценность явлений, а реальность предопределяет возможность различных истолкований. Опираясь на Ницше, можно утверждать, что познавательный аппарат человека устроен отнюдь не в целях рационального познания; своё толкование мира создают влечения человека. Именно поэтому существует обилие вариантов толкования каждого смысла»[134]. Значительная вариативность предопределяет высокую сложность практических действий в данной сфере.

Готлоб Фреге «впервые высказывает идею о существовании непротиворечивого языка, лишённого неточности и расплывчатости терминологии. Также философу принадлежит постановка проблемы различения смысла и значения языковых выражений. По мнению философа, понимать высказывание равнозначно знанию условий его истинности»[135]. В этом случае «под условиями истинности понимаются условия, ставящие истинность предложений в зависимость от определений логических констант и от интерпретации переменных»[136]. «Смысловое наполнение связывается Г. Фреге с контекстом употребления в форме прямой зависимости. По утверждению философа, знать смысл независимо от контекста невозможно. Фреге также ввёл понятие мнимых имён, обозначающие имена и имеющие смысл, но не обладающие собственным значением. Соответственно, разделение понятий смысла и значения также является авторским вкладом философа»[137]. На современном этапе развития науки[138] «общепринятым является определение смысла как содержания языковых выражений, которое может оформляться различным образом. При этом значением языкового

[134] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[135] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[136] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 93.
[137] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[138] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 116-117.

выражения определяется относительно устойчивое, в определённой мере зависимое лишь от контекста, содержание»[139]. В настоящее время понятийное поле продолжает усложняться.

Как отмечал Людвиг Вигтенштейн, «язык переодевает мысли»[140]. «Философ различает понятия знания и понимания, связывая знание с истиной. Отметим, что одним из центральных вопросов теории понимания Л. Вигтенштейна является вопрос о критериях понимания языковых выражений. Критерием понимания учёный заявляет сознательное формулирование правил и умение их применения.

Большое значение для исследователя имеет понятие игры. Философ обозначает идеальными правилами игры чёткие и однозначные. При этом он признает, что языковые игры проходят по определённым правилам, установленным конкретным сообществом, и, что естественно, далёким от идеала»[141]. Игровая среда даёт возможность максимально широкого творческого восприятия действительности.

Генрих Риккерт[142], «вместе с проведением градации между тремя “царствами” действительности, ценности и смысла, предлагает соответственно следующие методы постижения – объяснение, понимание и истолкование. Философ отмечает, что философия стремилась не столько к истолкованию смысла отдельных понятий, сколько к проникновению в общий смысл жизни»[143].

---

[139] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[140] Вигтенштейн, Л. Логико-философский трактат / Пер. с немецкого и сверено с авторизованным английским переводом И. Добронравовым и Д. Лахути. Общая редакция и предисловие доктора философских наук В.Ф. Асмуса. – М.: ИЛ, 1958. С. 44.
[141] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[142] Риккерт, Г. О понятии философии // Философия жизни. – Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1998. С. 476.
[143] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.

Развитие герменевтических идей стало важной частью философии Мартина Хайдеггера. «В теории философа понимание является фундаментальным способом человеческого бытия. Предметом герменевтики в теории М. Хайдеггера становится общее отношение субъекта к миру. Философ оказал значительное влияние на превращение герменевтики в учение о бытии, закрепив её философский статус.

В продолжение исследования М. Хайдеггер вводит понятия первичного или дорефлексивного понимания как способа бытия человека, базового горизонта понимания, и вторичного понимания, создаваемого уже философской или филологической интерпретацией»[144].

Юрген Хабермас утверждает, что «философия может – и должна – сохранить за собой притязания на разумность, выполняя более скромные функции местоблюстителя и интерпретатора»[145]. Герменевтика Ю. Хабермаса выстраивает матрицу восприятия на основе речевых тезисов участников коммуникации[146].

В продолжение темы Альфред Норт Уайтхед расщепляет понимание «на два возможных способа. В случае понимания сложного объекта восприятию должны подлежать его отдельные факторы. Затем, синтезируя впечатления от них, объединяя их в общую картину восприятия, наблюдатель получает общее впечатление. Во втором случае, при относительно простом объекте, промежуточные ступени анализа отсутствуют и объект воспринимается целиком. Философ вводит понятие апофантического суждения, расшифрованное им как “производящий модус процессов истолкования наличного бытия”. Задачей такого суждения является

---

[144] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.

[145] Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст]: Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln : Пер. с нем. / Юрген Хабермас; Под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2000. С. 12.

[146] Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст]: Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln : Пер. с нем. / Юрген Хабермас; Под ред. Д.В. Скляднева. – Изд. 2-е, стер. – СПб.: Наука, 2006. – 377 с.

обоснование фактической герменевтики»[147]. Поэтапная структуризация процесса познания в работах учёного позволила следующим поколениям исследователей рассмотреть проблематику понимания более подробно.

Ханс-Георг Гадамер[148] «формирует тезис об участии в каждом акте мышления, феномене сознания, тесного клубка из переплетенных предрассудков, убеждений, идеологий, формирующих собственное влияние на итог размышления. Философ подчеркивает важную роль и значение субъекта интерпретации. Целью герменевтического искусства становится представление текста интерпретатором в собственной системе координат. Каждая интерпретация, следовательно, актуализирует текст для интерпретатора, создавая его очередную версию. Также Х.-Г. Гадамер заменяет в контексте герменевтики отношение субъекта и объекта на отношение автора и интерпретатора к тексту. Задача исследования при этом заключается в выявлении различных возможных, в том числе и не осознаваемых ранее интерпретаций»[149]. Х.-Г. Гадамер рассматривает понимание как «игру между движением традиции и движением интерпретатора»[150]. Выделение и систематизация стадий и понятий предпонимания, традиции, предрассудка и горизонта понимания, позволивших структурировать механизм и последовательность процесса познания, является новацией философа.

Разность «между эпохами автора и истолкователя, иначе – историческая дистанция, как указывает Х.-Г. Гадамер, имеет существенное значение для интерпретации. Философ выделяет уровни понимания – горизонты восприятия автора и интерпретатора, выложенные на основе их

[147] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[148] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
[149] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[150] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. - 704 с.

предрассудков и “предсуждений”, сформированных традицией. Ведущим он заявляет принцип слияния горизонтов, при котором понимание становится почти максимальным. Благодаря заявленному принципу для полноценной интерпретации различных произведений интерпретатор должен обладать известной гибкостью горизонта, позволяющей понять разных авторов. Принцип герменевтической автономии Гадамера заключается в объективной самостоятельности текста в отношении любого субъекта»[151]. Эта мысль встраивается в картину мира постмодерна.

Поскольку феномен познания оказывается заменённым субъективной интерпретацией, это предопределяет необходимость коренного пересмотра понятий. Не исключаются в формировании новых интерпретаций и объективные основания, как: смена эпох и культурной парадигмы, появление новых фактов. Авторский смысл, по мнению исследователя, теряет значение. Взамен авторского мнения продуцируется множество новых смыслов, связанных лишь со своими интерпретаторами. Текст обретает смысл триггера для активизации собственного сознания и духовного мира интерпретатора[152].

Вслед за рядом исследователей, данные тезисы развивает Поль Рикёр, на основе синтеза герменевтики и феноменологии обозначивший задачей герменевтического постижения аргументацию роли человека как соединяющего времена субъекта творчества.

Анализируя философию Рикёра, И. Вдовина отмечает, что, «интерпретация – это место сцепления двух времён – прошлого и настоящего. С одной стороны, интерпретация включает в себя традицию: мы интерпретируем не вообще, а делаем это для того, чтобы прояснить,

---

[151] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[152] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. - 704 с.

продолжить и таким образом жизненно утвердить традицию, какой мы принадлежим»[153]. Таким образом интерпретация выступает неотъемлемым элементом не только постижения традиций прошлого, но и духовной жизни в принципе.

П. Рикёр выдвигает тезис контекстуализма, что подразумевает ориентацию морального суждения на культурно-исторический характер оценок[154]. Исследователи отмечают важнейшую линию в работе философа: «П. Рикёр в своем учении развивает своеобразную «философию жизни», в центре которой – различные сферы жизнедеятельности человека, конкретные отношения между живыми существами»[155]. В связи с этим возникает и новое представление о герменевтике: «в отличие от Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, разрабатывавших герменевтику как философскую дисциплину и трактовавших её в духе психологизма, смыкая её тем самым с традиционной эпистемологией, Рикёр переносит вопрос в онтологическую плоскость: герменевтика, полагает он, не только метод познания, но прежде всего способ бытия»[156]. Интерпретация феноменов культуры также является неотъемлемой составляющей жизни.

Продолжая развитие темы Фридрих Август фон Хайек в своих исследованиях[157] «уделяет значительное внимание одному из ведущих феноменов человеческого восприятия – антропоморфизму. Как указывает Л. Микешина, этот приём, заключающийся в наделении объекта человеческими качествами, предстаёт как пример социальной экстраполяции.

---

[153] Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. С. 18-19.
[154] Вдовина, И. С. Философия жизни Поля Рикёра // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Блауберг. – М. : ИФРАН, 2012. С. 36.
[155] Вдовина, И. С. Философия жизни Поля Рикёра // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Блауберг. – М. : ИФРАН, 2012. С. 29.
[156] Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. С. 10.
[157] Хайек, Ф. А. фон. Контрреволюция науки [Текст] ; Этюды о злоупотреблениях разумом : Перевод / Хайек, Ф.А. фон. – М.: ОГИ, 2003. – 286 с.

Ф. Хайек изучает формы и виды антропоморфизма, сближая их с анимизмом и “социализмом”, но, в конечном счёте, делает вывод о его ошибочности»[158]. Адаптация объектов наследия для их более скорого восприятия так же заключается в придании им связи с человечеством или отдельными людьми. Выстраивание данных связей мы рассмотрим далее в понятийном поле актуализации наследия.

Вместе с тем развитие герменевтики в последующем профессор Альвин Димер связал с возникновением «герменевтической ситуации»[159]. В качестве круга исходных основных проблем учёный заявляет кризис доверия и девальвацию философских учений. Одновременно в качестве задачи философии исследователем заявлена интерпретация мира[160].

Подводя предварительный итог нашему обзору, можем заключить, что классики герменевтики – К.-О. Апель, Э. Бетти, Г.-Г. Гадамер, Э. Корет, А. Лоренцер, П. Рикёр, ряд других исследователей сформировали обширную платформу качественно нового философского направления.

Отечественная герменевтика

Отечественная практика герменевтических изысканий знаменита трудами П. А. Флоренского, С. Л. Франка, М. М. Бахтина, А. В. Штоффа, С. Н. Булгакова, Г. Г. Шпета, ряда других исследователей. Особенностью российского менталитета, во многом связующим многонациональное население самого большого государства планеты, следует признать значимость религиозного сознания[161]. «В обобщении опыта изучения

[158] Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.
[159] Diemer A. Elementarkurs Philosophie. Hermeneutik. Düsseldorf – Wien, 1977.
[160] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. С. 35.
[161] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

восприятия особое внимание необходимо уделить вычленению различного рода когнитивных практик в авторских трактовках»[162]. В настоящее время происходит масштабное переосмысление[163] достижений выдающегося отечественного философа Густава Густавовича Шпета. «В основу исследования Г. Шпета положен принцип взаимопроникновения исторического и логического методов»[164]. Восприятие исторических событий через призму понятий философской герменевтики стало отличительным принципов авторского метода. «Сочетая принципы классической диалектики, феноменологии и герменевтики, исследователь продолжал экзистенциально-антропологическую традицию европейской философии, выявляя возможности построения гуманитарного знания»[165]. «В согласии со взглядами Г. Шпета, для корректного понимания природы философии, нужно разделять уровни её абстракции – эмпирическую и теоретическую философию, эмпирический субъект, теоретический (трансцендентальный) уровень. Наиважнейшим аспектом анализа языковых проблем Г. Шпет делает слово, понимая слово в первую очередь, как дар человека, как орудие коммуникации. В лексике Г. Шпета слово также означает любой отрывок речи или сообщение. Тем самым, от филологического изучения слова философ переходит к собственно философскому»[166]. «В понимании философа представлен не

С. 20; Ситников, А. В. Православие, институты власти и гражданского общества в России. - СПб.: Алетейя, 2012. - 248 с.

[162] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[163] Терехов, В. В. Диалог герменевтики и феноменологии в философском проекте культуры Г.Г. Шпета: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 Философская антропология, философия культуры / Терехов Виталий Васильевич; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. - Орел, 2015. – 172 с.

[164] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 13.

[165] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[166] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

теоретизированный субъект, а менее абстрактный и более целостный субъект в единстве его мышления, воли и чувства. Тем самым, субъект обретает свойства эмпирического интерпретирующего субъекта. Вклад философа по праву можно оценить лишь в настоящее время. Исследователь внедрил авторский подход, разработав методологию на стыке феноменологии, герменевтики и классической диалектики. Это позволило рассмотреть значительное количество общеметодологических проблем. Процедура интерпретации рассматривается сегодня в эпистемологии в качестве базовой»[167]. На современном этапе развития науки задача не утратила высокую актуальность.

Обратим внимание на то, что «коммуникация между людьми содержит бóльший объём информации, чем её словесное выражение, поскольку в ней необходимо присутствуют также неявное фоновое знание, скрытые смыслы и значения, подразумеваемые участниками общения, что и требует специального истолкования и интерпретации»[168]. Для артефакта наследия объём фонового знания составляет значительную часть информации, требующей интерпретации и последующей адаптации.

В продлжение развития указанной проблематики «Г. Шпет считает, что историческая наука имеет дело с объективно обоснованными ценностями, которые не сводятся к произвольному интересу. И, таким образом, любая интерпретация будет содержать субъективное начало, контекст изучаемой и контекст современной исследователю эпохи»[169]. Структурная систематизация

[167] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[168] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 361.

[169] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

процесса восприятия вплоть до настоящего времени остаётся актуальной научной задачей.

Л. Микешина, анализируя весомый вклад философа в развитие герменевтики, заключает, что «Шпет задолго до ведущих представителей герменевтики в XX в. – Г.-Г. Гадамера и П. Рикёра обратился к её идеям и опыту, осознал её неотъемлемость от методологии гуманитарных наук»[170]. Также Г. Шпета можно считать первым историографом герменевтики. К трудам философа относится целый ряд обширных аналитических материалов[171].

Развернуть данные тезисы в полной мере удалось Николаю Онуфриевичу Лосскому, который в своих трудах продолжает развивать традиционные для России религиозно окрашенные мировоззренческие нормы. «Гносеология Н. Лосского строится на основе положения о том, что познаваемый объект, даже являясь частью внешнего мира, включается сознанием познающего субъекта непосредственно в личность, и поэтому существование объекта не ставится в связь с актом познания. Такое учение получило в истории философии название интуитивизма.

Достаточно отметить, что известный конфликт славянофилов и западников в заметной части также является конфликтом интерпретаций»[172]. «Самобытные русские мыслители до и после славянофилов всегда были склонны утверждать, что познающий субъект непосредственно воспринимает транссубъективную реальность. Эта теория непосредственного восприятия

[170] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 353.

[171] Шпет, Г. Г. Герменевтика и её проблемы / Г. Г. Шпет // Контекст. 1989. М., 1989; Контекст. 1990. М., 1990; Контекст. 1991. М., 1991.; Шпет, Г. Г. Очерк развития русской философии. I. / Г Г. Шпет; [отв. ред.-сост., коммент., археограф, работа Т.Г. Щедрина]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 592 с.

[172] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

была детально разработана Н. Лосским, который назвал её интуитивизмом»[173]. Н. Лосский говорит о славянофилах следующее: «их философия была попыткой опровергнуть немецкий тип философствования на основе русского толкования христианства, опирающегося на сочинения отцов восточной церкви и возникшего как результат национальной самобытности русской духовной жизни»[174]. Особо рассматривает Н. Лосский научное наследие русского учёного Семена Людвиговича Франка[175]. «В продолжение российской философской традиции исследователь рассматривает теорию познания с позиции искренней и убедительной защиты христианской религии»[176]. Обратим внимание на то, что в некоторых аспектах религиозная окраска российской культуры продолжает играть ключевую роль. «Учёный утверждает, что познанный объект, даже если он составляет часть внешнего мира, включается непосредственно сознанием познающего субъекта, так сказать, в личность и поэтому понимается как существующий независимо от акта познания. Это отношение субъекта по всем сущностям в мире философ Николай Лосский называет “гносеологической координацией”»[177]. Личностная окраска является неотъемлемой частью процесса познания.

Обобщает результаты исследования предыдущих поколений учёных Валерий Георгиевич Кузнецов[178], который «рассматривает процесс понимания текста в качестве сложного многочастного действия. Учёный выделяет

---

[173] Лосский, Н. О. История русской философии. Пер. с англ. – М.: «Советский писатель», 1991. С. 308.
[174] Лосский, Н. О. История русской философии. Пер. с англ. – М.: «Советский писатель», 1991. С. 10.
[175] Лосский, Н. О. История русской философии. Пер. с англ. – М., «Советский писатель», 1991. С. 340.
[176] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26-32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.
[177] Лосский, Н. О. История русской философии. Пер. с англ. – М., «Советский писатель», 1991. С. 290; Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26-32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.
[178] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 121-123.

несколько этапов этого процесса. Первый этап заключается в выявлении синтаксической формы текста, на этом этапе формируется логико-грамматическое владение текстом, происходит понимание структуры текста. На втором этапе выявляются семантически важные структурные единицы предложений. Толкователь избавляется от ненужных для понимания и мешающих восприятию смысла частей текста»[179]. Подобная структуризация механизма понимания продолжает традиции, заложенные предыдущими поколениями исследователей.

Развивая данные положения, Михаил Михайлович Бахтин «выделяет в качестве объекта исследования в гуманитарном познании социального человека, определяя предметом исследования текст. При этом он присваивает тексту значение специфической особенности, выделяющей человека в качестве объекта гуманитарного познания. Особый тезис философа состоит в том, что только человек способен наделить знаки значением, а понимание в гуманитарных науках всегда направлено на постижение смысла знаков»[180]. Заметим, что философия учёного подводит нас к пониманию интерпретации и адаптации наследия как особому сегменту человеческой деятельности.

М. Бахтин замечает, что «три области человеческой культуры – наука, искусств и жизнь – обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству»[181]. «Эстетизованное полунаучное мышление, по недоразумению называвшее себя иногда философским, всегда льнуло к искусству, чувствуя своё кровное, хотя и не вполне законное, родство с ним»[182]. «Построить науку о той или иной области культурного творчества,

---

[179] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[180] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[181] Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. С. 3.

[182] Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. С. 27.

сохранив всю сложность, полноту и своеобразие предмета, – дело в высшей степени трудное»[183]. К заключениям философа относится то, что «автономия искусства обосновывается и гарантируется его причастностью единству культуры, тем, что оно занимает в нём не только своеобразное, но и необходимое и незаместимое место»[184]. Также исследователь подмечает значительные возможности слова и текста в представлении смысла и значения, заявляя, что «формирующая активность автора-творца и созерцателя овладевает всеми сторонами слова: с помощью всех их он может осуществлять завершающую форму, направленную на содержание; с другой стороны, все они служат и для выражения содержания; в каждом моменте творец и созерцатель чувствуют свою активность – выбирающую, созидающую, определяющую, завершающую – и в то же время чувствуют что-то, на что эта активность направлена, что принадлежит ей»[185]. В артефакте прошлого заключена созидательная энергия человеческих поколений.

При расшифровке процесса М. Бахтин отмечает, что «совершенно иное значение получает условный автор и рассказчик там, где они вводятся как носители особого словесно-идеологического, языкового кругозора, особой точки зрения на мир и на событий, особых оценок и интонаций, – особый как в отношении к автору, его действительному прямому слову, так и в отношении к “нормальному” литературному повествованию и языку … речь таких рассказчиков всегда – чужая речь (в отношении к действительному или возможному прямому авторскому слову) на чужом языке (в отношении к той разновидности литературного языка, который противопоставляется языку

[183] Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. С. 27.
[184] Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. С. 29.
[185] Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. С. 62-63.

рассказчика)». Подобная глубина восприятия позволяет максимально ярко воспринять авторские акценты[186].

Рассматривая специфику гуманитарных исследований, философ уделяет внимание их логичности и завершённости. Обязательным условием осуществления научных изысканий учёный заявляет «преодоление чуждости чужого»[187]. Одновременная зависимость воспринимающего от собственной эпохи, осознаваемая в качестве неотъемлемого элемента восприятия, и понимание разности культурных контекстов позволяют сложить необходимое уравнение, представляющее условия более глубокого восприятия.

Размышляя о достижениях отечественного опыта изучения проблематики восприятия, обратим внимание на труды Павла Александровича Флоренского, внёсшего значительный вклад в исследование восприятия. Острое восприятие процесса и явления в комплексе с контекстом, свойственное философии П. Флоренского, получило название пространствопонимания. Дополнительно отметим, что «искусство, согласно П. А. Флоренскому, насквозь антропоцентрично. И если в пространствопонимании оно предстает реалистическим, не следует думать будто его человеческие качества остались где-то за бортом мысли»[188]. «К достижению философии П. Флоренского относится также то, что “универсальность пространствопонимания сделала возможным искусствоведческий анализ художественных произведений, относя их не к стилям и манерам, а к типам пространственной организации”»[189]. Исследователи отмечают, что впоследствии подходы пространствопонимания

[186] Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. С. 126-127.
[187] Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: «Искусство», 1979. – 421 с.
[188] Генисаретский, О. И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. Игумена Андроника (А.С. Трубачева); ред. Игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: «Мысль», 2000. С. 31.
[189] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

нашли своё применение в целом в гуманитарных сферах знания[190]. Высокое практическое значение выводов учёного признано его последователями, отмечающими, что «проект как замысел и инициатива выброшен вперед, вдаль, задаёт композиционный скелет, схему проектируемого объекта. Этим он, несомненно, схож с графикой в иконологической её трактовке»[191]. Как отмечает О. И. Генисаретский, «всякое понимание основано на пространствопонимании. о чём бы ни шла речь – о мире в целом или каком-то частном предмете, о знаке или лице, образе или ценности, – понять – значит понять в каком-то пространстве, в качестве пространства, посредством пространства»[192]. В данном случае в общем смысле мы можем говорить о продолжении разработки понятийного поля контекста.

П. Флоренский «в философских работах рассматривает проблему достоверности как проблему условий и критериев»[193]. Учёный особо рассматривает понятие достоверности, определяя его как «узнание собственной приметы истины, усмотрение в истине некоторого признака, который отличает её от истины»[194]. «Философ определяет три подхода к достоверности:

1. эмпириокритицизм (достоверное восприятие объекта органами чувств);

---

[190] Генисаретский, О. И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. Игумена Андроника (А.С. Трубачева); ред. Игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: «Мысль», 2000. С. 17.

[191] Генисаретский, О. И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. Игумена Андроника (А.С. Трубачева); ред. Игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: «Мысль», 2000. С. 22.

[192] Генисаретский, О. И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. Игумена Андроника (А.С. Трубачева); ред. Игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: «Мысль», 2000. С. 12.

[193] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26-32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[194] Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины : Опыт православ. теодицеи в двенадцати письмах / Священник Павел Флоренский. – М. : Лепта, 2002. – 812 с.

2. трансцендентализм (достоверность как рациональная самоочевидность интеллектуального опыта);

3. подсознательно-мистическая достоверность как самоочевидность, которая характеризуется расплывчатой границей между субъектом и объектом»[195].

П. Флоренский, исследуя особенности восприятия произведения искусства, отмечает, что «художественное произведение живет и требует особливых условий своей жизни, в особенности – своего благоденствия, и вне их, отвлеченно от конкретных условий своего художественного бытия, – именно художественного, – взятое, оно умирает или по крайней мере переходят в состояние анабиоза, перестает восприниматься, а порою – и существовать, как художественное»[196]. Особая среда артефакта культуры позволяет рассмотреть его уникальные свойства наиболее глубоко и верно.

Неслучайно исследователи замечают, что «в России солидарность, как уже отмечалось, всегда понималась иначе, а связь с её сакральным началом, религиозным сознанием никогда не прерывалась – ни в массовом сознании, ни в русской философии, которую часто и не без основания называют русской религиозной философией»[197]. При этом сакрализация объектов наследия в ряде случаев, напротив, способна нанести существенный ущерб самому объекту.

В сравнении с вышеизложенными положениями, по мнению академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, особо важное значение имеет контекст исторический контекст. «Смысл теории экологии культуры академика

---

[195] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26-32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[196] Флоренский, П. А. Храмовое действо, как синтез искусств // Советская культура. 1989. 18 мая.

[197] Расторгуев, В. Н. Солидарность цивилизаций // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 151.

Д. С. Лихачёва заключается в том, что без сохранения и освоения духовных традиций и исторической памяти невозможно полноценное и качественное развитие культуры в современном обществе»[198]. Понятие экологии культуры, введённое Д. Лихачёвым, заключённое в охране культуры подобно защите природы, в значительной степени отражается и на осознании ценности контекста в истолковании художественного произведения[199].

Идеологическая программа сохранения и транслирования культурных ценностей, выраженная учёным в Декларации прав культуры, трактует базовое понятие культуры следующим образом: «сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения и распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества»[200]. На примере произведений литературы, академик утверждал, что «литературное произведение само по себе, исторически не объяснённое, теряет на 80% свою действенность, если толкуется вне истории, вне биографии автора»[201]. Исследователем был сформулирован «принцип дополнительности», заключающийся в одновременном дополнительном изучении памятника литературы с точки зрения иных наук, кроме литературоведения. «Памятник

---

[198] Житенёв, С. Ю. Вклад академика Д.С. Лихачёва в становление и развитие российской культурологии // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 68-69.

[199] Миронов, А. С. Экология культуры и приоритеты гуманитарных ценностей как основания культурной политики // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 101.

[200] Лихачёв, Д. С. Декларация прав культуры / Д.С. Лихачёв. - М. : Логос, 2000. – 8 с.

[201] Лихачёв, Д. С. Культура и мы // Огонёк. 1985. № 36. С. 24.

искусства не обладает в полной мере способностью к самораскрытию, особенно памятник прошлого или инонациональной культуры»[202]. Лихачёв обозначил эволюцию русской культуры. Эстетический анализ памятника литературы, согласно Лихачёву, должен основываться на значительном комментарии.

Развивая традиционные для отечественной философии тезисы, «Д. С. Лихачёв различал национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью. Народ, создающий высокий национальный идеал, создаёт и гениев, приближающихся к этому идеалу»[203]. Огромный вклад внёс Д. Лихачёв в раскрытие ценности памятников древнерусской литературы, создал собственную текстологическую школу[204]. Как указывает И. Е. Кознова, «в российском общественном сознании понятие “наследие” было актуализировано в 1960-1980-е годы благодаря деятельности академика Д. С. Лихачёва и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры»[205]. Особое значение имеет практикоориентированная трактовка базового понятия. К вкладу Лихачёва относится и то, что он развил

[202] Лихачёв, Д. С. Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 109-110.
[203] Беспалова, Т. В. Академик Д.С. Лихачев о самобытности русской культуры // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 10.
[204] Рождественская, М. В. О научной школе академика Д.С. Лихачёва в изучении литературы Древней Руси // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 140.
[205] Кознова, И. Е. Наследие как историческая память // Вечное и преходящее в культурном наследии России [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2010. С. 133-150.

фундаментальную мысль о том, отечественную культурную традицию следует рассматривать в постоянном развитии, во взаимосвязи прошлого и будущего. Пространство России отмечено несколькими символичными маркерами – равниной, рекой и храмом[206]. Д. Лихачёв характеризовал состояние русской гармонии лаконичным выражением «храмы веселуются». Это даёт представление о русской церкви как божьем подарке.

Анализируя данную проблематику, Людмила Александровна Микешина[207] «применяет индивидуальную трактовку понятия “когнитивной практики”, рассматривая как способ получения и передачи знания в процессе коммуникаций в деятельности целостного познающего человека, для которого практика с необходимостью включает волю, мысль, поступок, этические и эстетические ценности. Термин “когнитивный”, по мнению Л. Микешиной, обозначает широкие значения познавательных приёмов, включающих социокультурные, коммуникативные, языковые и ценностные факторы»[208]. В рамках философии исследователя когниция как более масштабное в сравнении с познанием понятийное поле охватывает также и операции репрезентации, категоризации и интерпретации[209].

Л. Микешина отмечает, что «знание – личное достояние знающих, перенимающих его друг у друга как образцы действия в процессах-

[206] Беспалова, Т. В. Академик Д.С. Лихачев о самобытности русской культуры // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 5-13.

[207] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 8-9.

[208] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[209] Лавджой, А. Великая цепь бытия. История идеи. - М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 20.

эстафетах»[210]. В таком случае знание может быть трактовано как массив данных, сформированный после субъективного процесса интерпретации. «Понимание новой ситуации или задачи сводится к попытке найти в памяти ситуацию, наиболее сходную с данной. Человек может обрабатывать новые данные, лишь обратившись к памяти о накопленном опыте. Всякая новая задача, встречаемая человеком как в обыденной жизни, так и в научном исследовании, требует переформулировки в терминах уже сложившейся системы знаний»[211]. «Развитие когнитивных практик постепенно привело к сокращению процедуры получения знания, в том числе замена сплошного наблюдения рациональными приёмами обобщения»[212]. Важное значение учёный уделяет методу экстраполяции, который как «процедура переноса знаний с одной предметной области на другую – ненаблюдаемую и неизученную»[213] позволяет получить новое научное знание. Универсальный характер «процедуры, лежащей в основании всей когнитивной деятельности человека наряду и в связи с репрезентацией, категоризацией, интерпретацией и конвенцией»[214] расширяет её применение во всех областях гуманитарного знания. «Граница и мера экстраполяции в донаучном познании определяются, по-видимому, здравым смыслом, эмпирически на основании уже имеющегося

[210] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 131.
[211] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 131.
[212] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.
[213] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 18.
[214] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 146.

опыта»[215]. Междисциплинарный подход в осуществлении исследований интерпретации наследия является к настоящему моменту безусловно обязательным форматом, обеспечивающим достижение результата.

Помимо этого учёный отмечает, что «познавательная конвенция предполагает введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов познания»[216]. «Соответственно, публичное признание избранных фактов в качестве аксиом, являясь одной из универсальных процедур познания»[217], оказывает существенное влияние на результат интерпретации. В контексте материального культурного наследия, нуждающегося в социальном одобрении самого факта своего существования и сохранения, данное утверждение имеет особое значение. «На ход познавательной деятельности влияют несколько функций общения:

1. Оформление знания в символьной системе (тексте);
2. Применение принятого в определённом сообществе унифицированного научного языка, стандартов, конвенций;
3. Передача системы мировоззренческих, методологических знаний и иных норм;
4. Передача способа видения, традиции, неявного знания»[218].

Философ обосновывает и заключает, что в основу диалога и синтеза познавательных практик заложены два фундаментальных принципа. Восприятие во многом строится «на основе принципа доверия субъекту и

---

[215] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 145.

[216] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 36.

[217] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

[218] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

принципа целостности познающего человека»[219]. Исследователь закономерно отмечает, что «способы представления (репрезентации), категоризации и интерпретации знаний и переработки информации соотносятся с социокультурным опытом человека, а также с его волей, эмоциями и системой ценностей»[220]. Учёный разработала философскую концепцию, в соответствии с которой «в традиционной теории познания в соответствии с идеалами классической науки человек должен быть элиминирован из результатов познания, поскольку именно это рассматривалось как условие объективности знания. Другое условие, гарантирующее объективность в рациональной традиции, – вооружить познающего методом, правильным способом описания и объяснения реальности»[221]. В данном случае монтаж артефакта наследия в действительность, формулирование адекватной для интерпретатора формулы уникальности объекта, представляющие значительную по затратам интеллектуальных ресурсов деятельность, следует признать обязательными условиями.

Вслед за рядом упомянутых учёных данные идеи развивает Римма Михайловна Габитова; она «внесла свой вклад в развитие теории восприятия. В соответствии с выводами учёного в любом случае, интерпретация начинается с догадки, предположения, гипотезы, которые в ходе дальнейшего внедрения либо укрепляются, либо опровергаются»[222]. «Отдельная личность, т.е. интерпретатор речи или автор сочинения, чтобы выразить специфичность своих воззрений (на какой-либо предмет или по какому-либо поводу),

[219] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 15.
[220] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 12.
[221] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 13-14.
[222] Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

стремится как-то иначе, по-своему связать члены предложения или употребить уже известное слово в каком-то новом, необычном значении»[223]. Этот фактор исследователь определяет как залог подвижности языка. Р. М. Габитова замечает, что «любое индивидуальное представление или мысль определяются той языковой общностью, в которой человек живёт и действует»[224]. Бытовой фон для восприятия артефакта в данном случае включается в общий контекст, в значительной степени влияющий на результат восприятия.

1.4. Расширение трактовки понятия интерпретации культурного наследия на современном этапе развития философии

Интерпретацию следует признать важнейшим антропологическим понятием. Наиболее важной задачей является осмысление и теоретическое выражение интерпретации культурного наследия. В процессе интерпретации наблюдатель также, рассматривая объект, возвращает в пределах собственного сознания духовную ценность объекта, таким образом, не только способствуя его актуализации, но и в определённой степени осуществляя её.

Ю. М. Лотман, анализируя динамику культурных влияний, использует понятия «внешней» и «внутренней» культуры. Для того, чтобы быть понятой, чуждая культура «должна найти себе имя и место в языке той культуры, в которую врывается извне»[225]. Особое внимание выдающийся исследователь уделяет «переименованию на языке внутренней культуры». Стоит отметить, что для постижения необходима не только трансформация формы, но и

---

[223] Габитова, Р. М. «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера - сборник Герменевтика: история и современность (Критические очерки) / коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 64-65.

[224] Габитова, Р. М. «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера - сборник Герменевтика: история и современность (Критические очерки) / коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 65.

[225] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 116.

содержания. Закономерным итогом является крайняя индивидуальность интерпретации и восприятия.

В данном контексте необходимо проанализировать возможность использования интерпретации в качестве инструмента актуализации культурного наследия. Поскольку «суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением»[226], приложим усилия к тому, чтобы определить пути решения проблемы сохранения материального культурного наследия. Подступая к решению вопросов актуализации наследия, мы должны определить, что влияет на его восприятие, формирует картину в сознании наблюдателя. Однако при этом нам необходимо понять, насколько востребована тема наследия в человеческом обществе вообще.

Культурное наследие представляет собой модус цивилизационного развития. Следовательно, лояльность по отношению к наследию мы можем приравнять к преемственности поколений. Наследие, позволяющее проницать временную дистанцию, даёт возможность объединять поколения, формируя единый цивилизационный каркас человечества. Одновременно формирование наследия и его восприятие, а также использование мы можем определить как три значимых фактора зрелости человеческой цивилизации. В указанном контексте культурные ценности выступают целостным воплощением идей прошлого, а человек играет роль медиатора между объектом наследия и человечеством в целом.

Особо отметим, что интересной и актуальной научной задачей является философское осмысление наследия как социального капитала, способного быть неисчерпаемым ресурсом в решении важных задач. Любой объект наследия, создаваемый цивилизацией, является ёмким выразителем достижений человечества. Так кратко и глубоко рассказать о том, что представляет собой человеческая цивилизация, ничто, кроме наследия, не сможет.

---

[226] Гегель, Г.В. Феноменология духа. - М.: Наука, 2000. С. 9.

Логично предположить, что данная деятельность требует значительных ресурсов для полноценного использования потенциала, которым располагает культурное наследие. Однако и наследие, в свою очередь, способно принести положительный, в том числе и материальный эффект: «интерес к тому, что связано с коммеморацией и сохранением культурного наследия, оказывается более значительным, чем было прежде»[227]. «Естественно, этот интерес касается, в первую очередь, восприятия наследия и осознания его ценности»[228]. В зависимости от условий среды «разные части наследия оказываются “неравноценными”, в глазах потомков складывается разное понимание (интерпретации) одних и тех же феноменов»[229]. «Возможно сделать очевидный вывод о том, что особым вопросом в данной сфере является изучение возможности и механизмов управляемости данного процесса»[230]. На анализ данной темы направлено, в том числе, наше исследование.

Примером разности подходов вполне может стать известный историкам кейс. «История культуры любого народа может рассматриваться с двух точек зрения: во-первых, как имманентное развитие, во-вторых, как результат разнообразных внешних влияний»[231]. При этом указанные векторы никогда не действуют обособленно друг от друга. Это составляющие одного

[227] Кознова, И. Е. Наследие как историческая память // Вечное и преходящее в культурном наследии России [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2010. С. 133.
[228] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. — 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html.
[229] Кознова, И. Е. Наследие как историческая память // Вечное и преходящее в культурном наследии России [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2010. С. 135.
[230] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. — 2023. - № 9. С.78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html.
[231] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 63.

естественного процесса. Одновременное сохранение и развитие традиции позволяют осуществить поступательную трансформацию смыслов.

В продолжение данной темы Ю. М. Лотман делает вывод о том, что «”традиция” поддаётся более широким интерпретациям, чем “современность”. Текст, пропускаемый сквозь код традиции, – это текст, пропускаемый сквозь какие-то другие тексты, выполняющие роль интерпретатора»[232]. Увеличивающая множественность истолкований способна привести к многократному увеличению количества возможных смыслов. Исследователь продолжает: «тексты, входящие в “традицию”, в свою очередь, не мертвы: попадая в контекст “современности”, они оживают, раскрывая прежде скрытые смысловые потенции»[233]. Отметим, что любой новый контекст способен вскрыть свежие смыслы в восприятии объекта, в том числе значительно расширив его потенциальную аудиторию заинтересованных в нём субъектов.

Анализируя данную проблематику, отметим, что наследие самим фактом своего существования даёт ряд ответов на ключевые вопросы философии. На важнейший философский вопрос о познаваемости мира культурное наследие предоставляет свой очевидный положительный ответ. Наследие как совокупность материальных и нематериальных артефактов культуры, в каком-либо виде существующих в нашей современности, является очевидным свидетельством развития и освоения человеческой цивилизацией мирового физического пространства, а также создания особого культурного ландшафта. Физическое и духовное освоение мира, невозможное без его осмысления, следует считать одним из способов познания. Мы основываем наше мнение на том, что при окультуривании пространства неминуемо исследуются и систематизируются закономерности развития мира, а также его

[232] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 210.
[233] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 210.

специфика и сущность. В таком случае артефакты культуры рассказывают нам о поэтапном эволюционном познании человеком окружающего пространства и служат доказательством познаваемости мира в целом.

Исследование культурного наследия и его внедрения в человеческую жизнь может считаться одним из наиболее очевидных методов познания мира. Наследие представляет собой воплощённый пример конкретного и наиболее результативного решения задачи поиска наиболее плодотворного взаимодействия человека и природы на каждом отдельном этапе развития цивилизации.

Размышляя над изложенными тезисами, отметим, что для культурного наследия человек играет несколько ключевых ролей. Он – коллективный созидатель, в уникальных условиях исторической перспективы, общими усилиями ряда поколений, не коммуницирующих буквально и прямо друг с другом, создающих артефакт. Он – хранитель, способный преодолеть процессы физической и духовной эрозии и сберечь ценность для последующих поколений. Он – деятель, актуализирующий памятник; он находит связи между артефактом и современностью, делая прошлое интересным и востребованным в настоящем.

Важен и вопрос определения истинных человеческих ценностей. По нашему мнению, культурное наследие совершенно определённо должно быть отнесено к наиболее значимым ценностям человеческой цивилизации. Несмотря на это, на приведённые выше аргументы, доказывающие данную позицию, существует ряд мнений, игнорирующих культурное наследие в качестве ресурса развития общества. Отказ от достоверной картины прошлого вводит общество в чрезвычайно рискованное поле, в котором каждое частное мнение и каждая спекуляция может привести к решающему шагу в нарушении существующего баланса. В таком случае культурное наследие определённо рассматривается как ценность и подлинное свидетельство достижений человеческой цивилизации.

Культурное наследие, помимо важных задач, отмеченных в исследовании ранее, формирует региональную, национальную, религиозную идентичность. «Самоидентификация – жизненная потребность миллионов людей. Каждый из нас выстраивает свой внутренний мир в соответствии с определёнными типами идентичности – цивилизационной, религиозной, культурной, национальной, политической, гражданской»[234]. Осознавая, кто мы есть, мы неминуемо будем готовы к принятию и иного человека, идентичность которого выстраивается на других артефактах материального и нематериального наследия. Культурное наследие как символ региональной и национальной идентичности, нередко демонстрируемый в качестве знака принадлежности к конкретному социуму, несомненно обладает колоссальным потенциалом в укреплении межнационального содружества.

Нет причины опровергать следующий тезис: «Продуктивный диалог в культурной сфере возможен только при условии взаимоуважения и признания ценности и уникальности другой культуры»[235]. Данное утверждение традиционно для российской практики. Основной для рассматриваемой отрасли Федеральный закон[236] применяет понятие «объекты культурного наследия народов Российской Федерации». Таким образом работа по изучению и сохранению наследия осуществляется на общей платформе

---

[234] Сенюшкина, Т. А. Кризис идентичности и цивилизационное наследие Православной культуры // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М.: Институт наследия. 2016. С. 174.

[235] Емельянов, А. И. Дихотомическое деление Запада и Востока в мировом цивилизационном процессе // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 203.

[236] Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ.

мультинационализма и мультикультурализма: «русскую культуру можно назвать открытой: она способна вбирать в себя инокультурные элементы»[237]. В значительной степени мультинациональный каркас формирует базовую специфику русской гуманитарной сферы, при этом «три столпа Русского мира: культура, язык и церковь»[238] продолжают формировать фарватер развития отечественной культуры. «Соучастие в сохранении культурного своеобразия является явным достоинством цивилизации. Осознать же себя можно лишь, зная своё прошлое, свои истоки; осознав своё культурное предназначение, своё место в мире. Кто осознал себя, не может не признавать самобытность другого»[239]. «Такова глубинная диалектика мировых отношений – признание единства разного, многообразия форм Единого»[240]. Во многом на этих тезисах и зиждется концепция многонационального народа России.

---

[237] Кравченко, О. А. Социокультурные основания российского пространства // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. - М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 28.

[238] Левицкий, В. С. Цивилизационная близость как фундаментальный ресурс в эпоху электронного средневековья // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 124.

[239] Емельянов, А. И. Дихотомическое деление Запада и Востока в мировом цивилизационном процессе // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 207; Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[240] Борзова, Е. П. Восток и Запад: сравнительный анализ культур // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, т. 190, 2010. С. 288.

Однако именно это поле долгое время остаётся местом наиболее ожесточённых сражений мыслителей. Современные исследователи неоднократно отмечали, что «борьба идеологических центров происходит не столько на экономическом или политическом уровне (хотя, конечно, на каждом из них тоже) – противостояние происходит в сфере смыслов, на уровне формирования социальной реальности, единого культурного универсума»[241] «Очевидно, что в такой борьбе культурная близость становится фундаментальным ресурсом, облегчающим идеологическое продвижение, на который делается основная ставка»[242]. Артефакты прошлого, обладающие свойствами уникальности, подлинности и невозобновимости, способны выступить символами продвижения значений и смыслов.

Вышеизложенные тезисы акцентируют внимание на то, что, «несмотря на очевидный потенциал идеологического использования культурного наследия и наработанный за годы практический опыт, полноценное теоретическое осмысление данного процесса и разработка подробной методики действий всё ещё является перспективной научной задачей»[243].

Одновременно отметим, что «национальный аспект развития культуры и сохранения культурного наследия в условиях ускоряющейся глобализации,

---

[241] Левицкий, В. С. Цивилизационная близость как фундаментальный ресурс в эпоху электронного средневековья // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 123.

[242] Левицкий, В. С. Цивилизационная близость как фундаментальный ресурс в эпоху электронного средневековья // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 123.

[243] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. — 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html

на первый взгляд, будет со временем снивелирован»[244]. В. К. Егоров аргументированно обосновывает, что «глобализация и информационные технологии “стирают границы” между локальными цивилизациями, но не отменяют того, что в общецивилизационном поле современности по-своему реализуют закономерности его развития различные культурно-ментальные, национальные субъекты истории»[245]. Одновременно глобализация создаёт запрос на укрепление и предъявление региональной идентичности.

Процессы глобализации в значительной мере скорректировали мировой культурный ландшафт: «… вследствие глобализации и усиления миграционных процессов на современной карте мира практически не осталось моноэтнических государств»[246]. В данных условиях в российских реалиях сформировалась многослойная национальная структура государства, основным постулатом которой является существование многонационального народа Российской Федерации. Возможность отнесения к российской культуре не требует отказа от национальной или региональной идентичности. Соответственно, данные тезисы формируют основу реализации государственной политики в гуманитарных сферах.

---

[244] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[245] Егоров, В. К. Качества человеческого капитала: эффективное управление и развитие // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 22.

[246] Козловцева, Н. А. Региональные практики консолидации русского мира на основе русского языка // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С.48.

На наш взгляд, «стоит рассмотреть объекты культурного наследия и в качестве универсальных символов. При этом необходимо указать особо то, что создание смыслового наполнения культурного наследия является отдельной задачей. Смысл и значение объекта культурного наследия лишаются прямых параллелей с его обликом или историей. К примеру, архитектурный ансамбль центральной части города Костромы во многом связан с работой реставратора Калерии Густавовны Тороп, а колонны Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге являются памятником блокаде не менее, чем зодчеству Огюста Монферрана. Сохранившиеся повреждения фустов стволов колонн внесли особый вклад в нашу современную интерпретацию памятника прошлого»[247], существенно обогатив его образ в нашем сознании.

Поскольку «проблемы наследия обостряются, как правило, в переходные периоды»[248], на современном этапе развития «науки и информатизации общества обилие информации, вызванное, в том числе, расширением количества инструментов передачи и хранения информации, приводит к развитию одновременно признаваемой и отвергаемой вторичной интерпретации»[249]. Примером бесконечной интерпретации можно считать бесчисленные исследования, посвящённые анализу второстепенных факторов.

Как отмечает профессор А. А. Никонова, «можно заметить, что процессы либерализации общества способствовали изменению <…> научно-познавательных ценностей в сторону доминирования субъективных точек

---

[247] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[248] Кознова, И. Е. Наследие как историческая память // Вечное и преходящее в культурном наследии России [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2010. С. 133.

[249] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

зрения, мнений и толкований»[250]. Обилие субъективных точек зрения заменяет некогда способное хотя бы теоретически быть единым знание. Практики плюрализма следует использовать в работе по актуализации культурного наследия.

Вместе с тем на современном этапе «вторичность использования культурных цитат одновременно способна снизить ценность новообразованных творений и расширить сферу их информационного присутствия»[251]. «Перед лицом высококомпетентной публики знатоков и покупателей само искусство становится спортом – таково значение l'art pour l'art»[252]. Как отмечают исследователи, «в настоящее время сформировалась система ценностей, в которой культура тесно переплетена с потребительским сегментом человеческой жизни, коммерциализирована, учитывает требования рынка»[253]. «При этом "обращение к истокам", к архетипам, сформировавшим современное общество, с учётом вышеизложенного, доказывает и непреходящую ценность первоисточника»[254]. В данном случае мы исследуем не столько продвижение традиционной культуры, по разным причинам воспринимаемое нашими современниками в широком диапазоне от осторожности до настороженности, сколько использование уже укоренённых в социокультурной сфере традиций и обычаев.

---

[250] Никонова, А. А. Музейная эвристика: pro et contra // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 10.

[251] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[252] Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 637 с.

[253] Матвеева, И. И., Юркина, О. В. Постмодернистские приемы в популярной музыке начала XXI века // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 197.

[254] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

Также интерпретацию культурного наследия возможно рассмотреть и с психологической точки зрения. Стремление человека к стабильности способствует его интересу к прошлому. Материальное культурное наследие символизирует наиболее устойчивые формы человеческой культуры, составляющие устоявшееся во времени классическое наследие. Э. А. Шулепова предлагает рассмотреть культурное наследие как совокупность наиболее устойчивых во времени и пространстве форм бытия культуры[255].

Выраженный интерес человека к самому себе, к собственной природе, закономерно приводит к детальному анализу культурного наследия. С антропологической точки зрения наследие представляет совокупность материальных и нематериальных артефактов человеческой культуры, по которым возможно восстановить ход развития человечества и отдельных наций. Неоспорима высокая антропологическая ценность наследия.

Особое отношение к наследию мы можем проследить уже в деятельности Платоновской академии, созданной во Флоренции в 1459 году. Задача Академии, заключенная в формировании философско-религиозного учения путём синтеза достижений Гермеса Трисмегиста, Платона, неоплатоников и Аристотеля, решалась путём обращения к опыту прошлого. Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, руководившие академической работой, создали оказавшуюся невостребованной платформу, объединившую мудрость античной и средневековой мысли. Подобный ренессансный подход, направленный на использование наследия путём усиления его вовлечённости в современность, ценен своей практической результативностью.

Ускоряющаяся подвижность матрицы человеческой культуры, скорость трансформации социальных канонов и темпы передачи информации

[255] Шулепова, Э. А. Историческая память в контексте культурного наследия // Культура памяти: Сб. научн. ст. / Науч. ред. Э.А.Шулепова; Сост. А.В.Святославский. - М., 2003. С. 21.

заставляют обратить внимание на привычный символ незыблемости – культурное наследие. Несмотря «на ряд серьезных антропологических преобразований, которые следует признать характерными для нашей эпохи, наследие сохраняет свою стабилизирующую роль в жизни человечества и отдельных социумов»[256]. «Следовательно, на современном этапе возникает запрос на коренной пересмотр положения самого наследия в структуре феноменов человеческой цивилизации и целесообразности инвестиций в его сохранение»[257]. Культурное наследие, выступающее нравственно-мировоззренческим источником для человеческой личности, при попытках забвения спустя время начинает звучать лишь громче и выразительнее.

Вышеизложенное позволяет говорить о культурном наследии как антропологическом феномене, свидетельствующем об особой специфике развития человеческой культуры, сохраняющей свои материальные и нематериальные артефакты наперекор условиям деструктивной среды.

Существенное обновление идеи культурного наследия и выстраивание конструктивного диалога с прошлым призваны расширить возможности для его встраивания в настоящее, обеспечить полноценное использование даруемых им возможностей.

Размышляя о ценности наследия, обратим внимание на то, что бережное отношение к культурному наследию, к которому призывал Д. С. Лихачёв[258], и достойная оценка артефактов прошлого обладают особым

---

[256] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[257] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[258] Житенёв, С. Ю. Вклад академика Д.С. Лихачёва в становление и развитие российской культурологии // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология

и самостоятельным характером в сохранении исторической памяти. Как известно, наше настоящее возможно исключительно потому, что мы стоим на плечах наших предшественников. Каждый артефакт доказывает ценность достижений прошлого.

В продолжение анализа темы заметим, что в искусствоведческой терминологии существует понятие пассеизма[259], раскрываемое как «пристрастие к прошлому, субъективная привязанность к нему, любование им»[260]. «Данное понятие выражает особое отношение к духовному наследию как способу сохранения культурной памяти человечества. Автором понятия можно считать А. Бенуа, обосновавшего актуальность идеи великого прошлого для сохранения и развития нации»[261]. «В недавнем искусстве новое поколение ощутило исчерпанность, дух преходящего, в истоках национальной культуры – прочные основы, дух вечного»[262]. Соответственно закономерным следует признать тезис, выработанный специалистами[263], отмечающих, что «культура отличается определённой консервативностью, что способно

культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 68-69.

[259] Еременко, Г. А. Пассеизм в музыкальной культуре Франции // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 171-182.

[260] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[261] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[262] Еременко, Г. А. Пассеизм в музыкальной культуре Франции // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 174.

[263] Оганов, А. А., Хангельдиева, И. Г. Преодоление культурного и образовательного консерватизма – путь к новым моделям образования // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 128-141.

характеризовать её с позитивной стороны»[264]. «Так же, как и при изучении национальных литератур, обособленных жанров и произведений, теория в итоге приходит к осознанию контекста создания и места художественного произведения в развитии искусства. Рассмотрение условий создания и авторского контекста культурного наследия проводится либо крайне схематично, либо замещается современным контекстом. Развитие указанных условий составляет значительную философскую проблему, требующую детального изучения и решения»[265]. Современный этап развития научных изысканий обращает особое внимание на развитие междисциплинарных исследований. Всё более заметным становится запрос на учёного, «преодолевающего узкую специализацию, а, вернее, вписывающего конкретную проблему в обширный контекст многих и различных наук, не смущающегося их принадлежности к разным ведомствам»[266]. Соответственно, и наше диссертационное исследование направлено на преодоление указанных противоречий и формирование в поле избранной проблематики конкретных практических решений.

Таким образом, интерпретация отражает не оригинальное значение артефакта, но его чувственное восприятие отдельным человеком в конкретный момент времени. Ускоряющаяся глобализация вкупе с динамичным распространением информации всё более резко оказываются способны сделать индивидуальную оценку групповой, практически обязательной к

---

[264] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[265] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[266] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 575 с.

безоговорочному и полному принятию. Таким образом информационная спекуляция становится знаменем нашего времени: «на наших глазах меняется значение слов, их смысл, выражая стремительный бег времени»[267]. «В данном контексте особое значение приобретает и тезис П. Рикёра о правоте по-своему каждого философа, поскольку однозначно не прав никто»[268]. Следовательно, навязывание конкретного результата интерпретации обладает высоким манипулятивным потенциалом.

Итогом происходящей параллельно с событиями современной истории трансформации становится коренной слом феномена знания. «Повышение образовательного уровня людей даёт возможности для распространения массовой персональной интерпретации, публикации и трансляции личного мнения, а также манипуляции общественным мнением. Развитие информационных технологий даёт возможности для развития инструментов трансляции собственной интерпретации на практически неограниченную аудиторию, что в конечном счёте оборачивается имитацией ценности личного мнения, на самом деле девальвированного до нулевого, если не отрицательного, значения. Неслучайно, одним из наиболее эффективных вариантов продвижения товаров и услуг уже давно считается SMM-маркетинг. Сфера, в которой потребители голосуют рублём, ясно показывает прочность связи рекламы и потребления. Аналогичные технологии применяются и в других сферах управления различными группами людей»[269]. В нашем случае

---

[267] Фогелер, Я. Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики - сборник Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 31.

[268] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[269] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

практическая реализация результатов исследования направлена на реальную актуализацию артефактов прошлого.

Одновременно мы можем заключить, что «в данном случае феномен познания оказывается заменённым субъективной интерпретацией, происходит коренной пересмотр понятий. Не исключаются в формировании новых интерпретаций и объективные основания, как: смена эпох и культурной парадигмы, появление новых фактов. На современном этапе развития научного знания данная ситуация характеризуется как концепция “лингвистического поворота”, отмечающая замену теории познания на теорию значения»[270]. Особую значимость на настоящем этапе принимает реификация как процесс восприятия произведенных человеком вещей как принадлежащих «природному миру», созданных по законам, не зависящим от человека.

Примем за аксиому то, что формируемый автором текст оказывается способным потерять оригинальное собственное значение. Взамен первоначального смыслового наполнения в процессе интерпретации синтезируется множество новых смыслов, основанных в большей мере на интеллектуальном багаже самого интерпретатора. Следовательно, в механике данного процесса непосредственно текст играет роль исключительно «спускового крючка» для активизации образного и информационного богатства собственного духовного мира читателя, воспринимающего текст[271].

Обратимся к конкретному примеру. В 2021 году в центре Москвы была установлена скульптура «Большая глина № 4» работы скульптора Урса Фишера. Массивное изваяние является активно гастролирующим экспонатом, ранее представленным в Нью-Йорке и Флоренции. Первоначальный замысел

---

[270] Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

[271] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

скульптора, опубликованный в прессе, состоял в презентации увеличенного комка глины с отпечатками пальцев художника. Такой смятый объем даёт представление о начале любого скульптурного творения и обращает наше внимание на сложность созидания. Тем не менее, для россиян на несколько месяцев скульптура стала символом современного искусства, поводом для бесконечных дискуссий и споров. Первоначальный замысел был забыт, заслонившись серией нелицеприятных интерпретаций. Наиболее сдержанные из них упрекали скульптуру в бесформенности, прочие откровенно сравнивали изваяние с неприличной для показа в обществе субстанцией. Данный пример отчетливо показывает особенности горизонта восприятия и его ценности для рассмотрения объекта.

Философствующие герменевтики заменили стремления к истине поисками интерпретаций, т.е. по сути дела на место теории познания поставили конвенционалистскую семантику. «Они превратили текст в альфу и омегу философии»[272]. При этом методы толкования приобрели особое значение в политической идеологии. По этой, в том числе, причине, ввиду негативной, зачастую политической, окраски, герменевтика чрезвычайно специфично приживалась, к примеру, на территории Советского Союза.

Таким образом, герменевтики определяют высокую связь языка с манипуляцией над мышлением, однако поиск пути спасения языка от идеологии всё ещё остаётся актуальной научной задачей. «Там, где истину заменяет интерпретация, всякое онтологическое утверждение расплывается в тумане плюралистических толкований»[273]. Авторы сборника 1971 года[274] считают идеологию первопричиной бед человечества. В этой ситуации

[272] Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. - М. «Мысль», 1985. - 302 с.
[273] Нарский, И. С. Онтология и методология философской герменевтики - сборник Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 43.
[274] Gadamer H.-G. Rhetorik, Hermeneutik und Ideologiekritik, P. 57-58.

герменевтика способна выступить в роли раскрытия идеологий и спасения людей.

В итоге усложнение процесса трактовки на современном этапе вызвало усложнение научного аппарата. Среди специфических категорий, внедрённых в области понимания и восприятия, В. Г. Кузнецов приводит герменевтический круг, понимание, предпонимание, традицию, горизонт понимания, авторитет и прочие[275]. Исследователь утверждает, что при помощи данных категорий осуществляется монополизация методологической проблематики. Этот тренд постепенно выразился в создании области «знания о знании», наук, обращающихся к приобретению, преобразованию, представлению (репрезентации) и воспроизведению знания. Такой систематизации мы будем придерживаться и впоследствии.

Указанная проблематика является предметом изучения эпистемологии. При анализе механизма интерпретации необходимо уделить особое внимание развитию эпистемологии на современном этапе[276]. Анализ современных когнитивных моделей и механизмов переработки информации вкупе с развитием цифровой культуры являются инструментами философского исследования человеческого познания.

Для реализации поставленных задач обратим внимание на то, что эволюционная эпистемология рассматривает познание как момент и продукт эволюции живой природы. Данное научное направление занимает особое место в ряду когнитивных практик[277]. «Принципиальное преодоление в середине XX в. парадигмы “познание есть отражение” и соответственно формирование новой эпистемологии вместо классической теории познания породило необходимость пересмотра многих понятий и в целом самого

[275] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. - М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 5.
[276] Меркулов, И. П. Когнитивные способности. - М: Институт философии Российской академии наук, 2005. - 182 с.
[277] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 7.

познания, рассматриваемого в философии не в натуралистическом, но и социокультурном контексте»[278]. В конечном счёте научный поиск в указанных направлениях привёл к оформлению и введению целого перечня неклассических гносеологических понятий, в том числе трактующих новые символы и темы изучения художественного познания.

Как отмечает в данном контексте Н. С. Автономова, «формула “познание и язык” способна наполняться разным содержанием в зависимости от того, идёт ли речь о познании языка как предмета, о познании другого предмета с помощью языка, о познании другого предмета с помощью методов познания языка, о схватывании несобственно языковых содержаний с помощью общей языковой аналогии, языковой метафоры и др.»[279]. Как указывает Л. А. Микешина, «глобальные метафоры в культуре и научном знании – это особый случай, предполагающий рассмотрение метафоры наряду или даже “в ранге” универсалий культуры»[280]. Заметим, что «учёт взаимодействия главного и вспомогательного субъекта – это особая интеллектуальная операция, сохраняющая или обогащающая когнитивное содержание»[281]. Наследие обеспечивает трансляцию, реализацию и воплощение желаемых смыслов и полноценно участвует в диалоге культур.

Д. Мацумото даёт следующее определение понятия культуры: «Культура – это макроуровневый социальный конструкт, идентифицирующий характеристики и атрибуты, которые мы разделяем с другими людьми»[282]. Вместе с тем встречаются и более лаконичные трактовки: «С определённой

[278] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 7.
[279] Автономова, Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. - М., 2008. С. 21.
[280] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 65.
[281] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 59.
[282] Мацумото, Д. Психология и культура. СПб.: Еврознак, 2002. С. 71.

точки зрения вся культура человечества может быть представлена как своеобразный надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений»[283]. Характерным примером актуализации культурного наследия можно назвать использование античного наследия в эпоху Ренессанса. Возвращение в культурный оборот значительного массива античной скульптуры послужило изменению представления о ней. Новый взгляд на реалистичную скульптуру сделал этот сегмент наследия знаменем искусства, пронизанного антропоцентризмом. Отвлеченность от использования цвета может быть объяснена исключительно объективными факторами. Красочный слой за столетия существования артефактов по различным причинам исчезал и не поновлялся. При свежем восприятии, отрешённом от прежнего облика объектов наследия, объёмы скульптур, лишённые цвета, рассматривались как «старый-новый» эстетический идеал. Со временем лишенные традиционной окраски мраморные изваяния стали новым, не существовавшим ранее символом общечеловеческой культуры. Соответственно, и при трансляции этого символа скульптура, выполненная как в мраморе, так и известняке, грунтованном окрашенном дереве, штукатурке, гипсе, позднее – железобетоне, сохраняла светлый или вообще белый тон. Отказ от раскрашенной скульптуры и лепнины, вторящий языческому синкретизму, является прямым следствием интерпретации античного наследия в эпоху Возрождения. Спустя несколько столетий скульптура в изобразительном, декоративно-прикладном искусстве и архитектуре продолжает сохранять принятую в эпоху Ренессанса окраску. Сейчас в России трудно найти старинный город, где не было бы или купеческого особняка со штукатурным лепным декором, или однотонной каменной скульптуры. Обратимся к ещё более распространённым примерам. Даже в современном интерьере, в случае их наличия, наиболее употребимы именно однотонные профилированные

[283] Емельянова, Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 42.

карнизы. При этом актуальные исследования, несмотря на очевидную достоверность и внятную аргументацию, оказались не в состоянии переломить восприятие, возникшее в Средние века практически случайно.

Напомним и о том, что и основное функциональное наполнение античной скульптуры также в течение Ренессанса было серьёзно пересмотрено. Пройден путь от языческих идолов, иллюстрировавших облик и атрибутику богов и божеств до символов совершенства человеческого тела и души. Достойным свидетельством этой трансформации служат данные о сопротивлении церкви размещению античной и ренессансной скульптуры в публичном пространстве, завершившемся, однако, принятием церковью с рядом оговорок эстетики обнаженного и полуобнаженного тела. Стоит обратить внимание на то, что дошедшие до нашего времени произведения античной скульптуры представляют лишь небольшую долю от упомянутых в известных источниках произведений. Ещё более значительным представляется массив произведений, вышедших из-под резцов античных скульпторов.

В продолжение темы заметим, что наше представление об античной скульптуре, базирующееся на немногочисленных опубликованных произведениях, следует признать ограниченным. Впрочем, подобная ситуация характерна для интерпретации культурного наследия в принципе. Одновременно можно чётко увидеть, что восприятие архаичного искусства первобытных племен или богатой пластики Древнего Египта не отразились на эстетике Ренессанса. Популярности античной скульптуры способствовал внутренний запрос, достойным ответом на который стали многочисленные Афродиты и Аполлоны. Первобытная живопись, равно как и изваяния шумеров получили свою «минуту славы» уже в XIX-XX веках, став, в свою очередь, зримым символом для очередной эпохи. Человек, ищущий в прошлом опору для будущего, отличается избирательностью в подборе зримого символа.

В завершение главы позволим несколько обобщающих предварительных выводов в порядке резюме. Мы можем отметить, что наследие отражает неизменность в человеческой культуре. Попробуем трактовать культурное наследие расширительно. Последователь Гегеля Фрэнсис Герберт Брэдли в качестве фундамента познания определяет опыт. В данном случае материальное культурное наследие как субстрат коллективного опыта человечества выступает в роли физического носителя абсолютного, всеохватного и цельного опыта познания.

Артефакты прошлого, как было отмечено, буквально иллюстрируют возможности неизменности человеческого общества. Культурное наследие – своеобразная резервация знания. В это же время, наследию, утратившему свою утилитарную задачу, свойственно обретение новой функции, что является свидетельством готовности к изменениям. Любопытно отметить, что скорость подобных изменений для некоторых объектов подчас может быть беспредельной, что одновременно гарантирует новые грани интерпретации артефакта.

При этом отметим, что «сложный характер предмета исследования требует рассмотрения в различных контекстах. Культурное наследие и горизонты его применимости обладают сложной природой и могут рассматриваться в контексте философии, эпистемологии, герменевтики, культурологии, антропологии, искусствоведения, истории, иных наук. По этой причине настоящее исследования должно отличаться междисциплинарным подходом, а в качестве методологии будут последовательно применены методики различных наук»[284]. Сложная методика позволит обеспечить получение результата исследования.

Мы делаем вывод о том, что предмет феномена культурного наследия, находясь на пересечении нескольких областей гуманитарного знания,

[284] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86.

приобретает на современном этапе статус предмета исследования философской антропологии и философии культуры, что также объяснимо его глобальным значением для развития человечества.

Характер феномена культурного наследия предопределяет спектр методов его исследования. В целом методы, которые планируется применить в исследовании, представляют совокупность общенаучных методов, характерных для гуманитарных и общественных наук. Исследование проводится с использованием методов анализа и синтеза, систематизации и классификации. В исследовании также применён общий историко-философский подход, сочетающий анализ материалов по теме исследования и изучение процессов формирования и трансформации ключевых понятий в историческом развитии.

В различных научных работах, преимущественно правового, историко-правового, искусствоведческого и социологического профиля, неоднократно рассматривались различные вопросы практической работы с культурным наследием. Однако до сих пор не сложилось единой культурфилософской платформы и единого понятийного поля по тематике актуализации и интерпретации культурного наследия. Либо, к примеру, рассматриваются отдельные комплексы методов актуализации, как-то – цифровые, музейные и культурологические, информационные, социологические. При этом весь спектр оказывается не обобщённым.

Таким образом, представленная работа строится на основе комплексной культурфилософской методологии, предполагающей применение различных методов и подходов. В частности, в исследовании должен быть использован компаративистский метод, с помощью которого будут выявлены универсальные принципы и установки интерпретации культурного наследия, а также системно-структурный метод, обязательный для установления последовательности структурных связей исследуемого объекта.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОБЪЕКТА ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ РАКУРСЫ ФОКУСИРОВАНИЯ

2.1. Базовые принципы интерпретации и трансляции культурного наследия

Восприятие культурного наследия следует счесть невозможным без его интерпретации. Вначале человек делает общие выводы о том предмете, которые находится перед ним, соотносит его характеристики с личным жизненным и эмоциональным опытом, а после – находит место объекту в собственной системе мировоззренческих координат. От результата проведённой интерпретации зависит многое в дальнейшем взаимодействии человека и памятника наследия. При этом отраслевой российский Закон[285], применяя понятие интерпретации, не уделяет ему заметного внимания. В понятийное поле культурной деятельности Закон, к примеру, включает сохранение, создание, распространение и освоение культурных ценностей.

Ряд приведённых близких понятий, как кажется, должен был оказаться способен тематически исчерпать функции и специфику интерпретации. Однако по итогам дальнейшего рассмотрения убедимся в обратном. Таким образом, то, что из внимания законодателя ускользнуло важнейшее понятие интерпретации, имеет ключевое значение для нашего исследования.

В начале главы исследования обратим внимание на то, что «в сфере сохранения культурного наследия интерпретация имеет ряд коренных отличий от освоения и создания непосредственно по причине существования прямой связи с публикацией, которая практически неосуществима без интерпретации. Следовательно, можно заключить, что в настоящее время

[285] Закон от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

понятие “интерпретация” нуждается в расширении, уточнении, систематизации факторов, оказывающих влияние на процесс интерпретации, а также, в перспективе – в законодательном закреплении данного понятия и формировании системы подзаконных актов»[286]. Однако первоочередной и заявленной в представленном исследовании актуальной задачей следует обозначить анализ механизма интерпретации. Промежуточным результатом изыскания станет формирование методологии интерпретации в контексте использования возможностей данного процесса в актуализации и сохранении историко-культурного наследия.

Человеку свойственно видеть мир через призму собственного соображения. Особенности индивидуального горизонта восприятия наиболее отчетливы именно в восприятии культурного наследия. Необходимость значительного интеллектуального багажа для адекватной интерпретации культурного наследия не подлежит сомнению: «К таким моментам относятся культурно-исторический контекст, языковые характеристики, психологические, мировоззренческие, жизненные установки автора текста и его исследователя»[287]. Любое понятие, структурирующее культуру, закономерно терпит поражение. Создать законченную работоспособную концепцию в живой и подвижной отрасли – задача трудновыполнимая. Тем не менее, постепенное исследовательское движение в этом направлении осуществляется на протяжении многих десятилетий. К примеру, А. П. Дубнов в 1993 году в предисловии к очередному переизданию бестселлера «Закат Европы» Освальда Шпенглера пишет: «Так что же такое культура? По нашим наблюдениям, в литературе ещё никому не удавалось определить культуры бесспорно и окончательно» и в это же время приводит универсальное определение «Культура состоит из явных и неявных форм, определяющих

[286] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[287] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 132.

поведение, осваиваемое и опосредуемое при помощи символов; она возникает в результате деятельности групп людей, включая их воплощение в средствах»[288]. Культурное наследие вступает с человеком в специфическую коммуникацию.

Обратимся к мнению М. К. Мамардашвили, по которому культура представляет собой ощущение человеком своего бытия или небытия в качестве именно человека, а не природного существа[289]. Совокупность ценностей, сохраняемых в музеях и библиотеках, в данном случае можно счесть важной, но не основополагающей для культурного пространства составляющей. Культурное наследие, выступающее гуманистическим феноменом, обладает важным антропологическим значением. А. Н. Чумаков утверждает, что «вполне правомерно говорить о двух типах или разновидностях культуры – духовной и материальной»[290]. Однако учёный признает определённую условность подобного деления.

В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть несколько специфических особенностей интерпретации культурного наследия, обозначив их в качестве принципов, поскольку «принципы представляют собой базовые нормативы, предписывающие субъекту из чего исходить в своих действиях»[291]. Рассмотрение каждого принципа, его четкой формулировки, осуществляется автором, по возможности, на конкретных примерах объектов материального культурного наследия. Формулировка принципов, приведенная далее, составляет новизну диссертационного исследования.

---

[288] Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 637 с.
[289] Мамардашвили, М. К. Мысль в культуре // Философские науки. 1989. № 11. С. 75-81.
[290] Чумаков, А. Н. Культурный код общественного развития: глобальные и локальные аспекты // Культура в условиях глобализации взгляд из России : монография /коллектив авторов ; под ред. А.Н. Чумакова. – М. : КНОРУС, 2017. С. 14.
[291] Андрюшенко, М. Т. О принципах социального познания, их эффективности и целесообразности уточнения // СВЕЧА-2005. ИСТОКИ: Религия и личность в прошлом и настоящем. Материалы международных конференций. Том 13. – Владимир-Москва: Издательство Владимирского государственного университета. 2005. С. 15.

Принцип осовременивания предмета интерпретации

Как это уже указано во введении, с учётом того, что интерпретация, в том числе объекта наследия, каждый раз вновь создаёт уникальную картину в сознании зрителя, можно сделать вывод о бесконечном «ползучем» осовременивании объекта, его восприятии всё с более новых и свежих горизонтов. Однако речь может идти и о постепенном осовременивании самого интерпретируемого объекта. Изменение облика во времени остаётся неотъемлемой особенностью любого артефакта.

В данном контексте будет уместно рассмотреть пример Никольской башни Московского кремля. После каждого пожара, обрушения или, к примеру, взрыва 1812 года башня восстанавливалась зодчими с использованием очередных модных в тот момент приёмов декоративного оформления, в своей полутысячелетней истории пройдя сложный путь от ренессансной крепостной башни до ярчайшего не имеющего прямых аналогов примера российской фортификационной неоготики. Архитекторы Луиджи Руска и Осип Бове, последовательно перестраивавшие башню в начале XIX века, проявили себя в высшей степени как талантливые интерпретаторы, сохранившие в фактически новом здании общую композицию, высоту, материал и функциональное наполнение (воротная башня). При этом на месте оригинального утраченного объекта ими было создано новое сооружение, визуально выступающее в роли башни Московского кремля, но материализующее их личное художественное видение, авторскую интерпретацию этого объекта на важнейшем и ответственном участке городской среды.

Таким образом, без интерпретации сам процесс сохранения культурного наследия становится невозможным. Нематериальное культурное наследие даёт ещё более яркие примеры. Исполнение народных песен, как и балетов в хореографии Мариуса Петипа, подвержены авторским изменениям

в ещё большей степени, однако эти вопросы выходят за границы предмета настоящего исследования.

Принцип идентичности

В данном дискурсе «принцип идентичности заключается в отождествлении человеком самого себя с определёнными типологическими категориями, выделяемыми как некие общности, имеющие ряд отличительных свойств»[292]. Как отмечают исследователи, «идентичность и культура представляют собой два неразрывно связанных друг с другом явления, составляющих тандем»[293]. Рассмотрим данный тезис подробнее.

Для реализации обозначенной задачи примем во внимание, что «при интерпретации материального культурного наследия одним из наиболее заметных принципов формирования идентичности является региональная специфика»[294], заключенная в отражении особенностей уникальности – существовании исключительных свойств, выделяющих объект из числа подобных: «идентичность понимается как множественная целостность, гетерогенное единство экзистенциально-смысловых устремлений индивида, в котором идентификационная инициатива исходит от самой личности»[295]. Идентичность, выступающая важнейшим антропологическим понятием,

[292] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[293] Стычинский, М. С. Философские основания межкультурных конфликтов в условиях глобализации культуры : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Стычинский Максим Сергеевич; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. – М., 2019. С. 25.

[294] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[295] Сундуева, Д. Б. Культурная идентичность малых этнических групп трансграничья : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Сундуева Дина Борисовна; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т]. - Чита, 2017. С. 13.

имеет особое значение в вопросах интерпретации культурного наследия. Равно как и культурное наследие, так и идентичность обретают особое значение и признанную ценность в случае потенциальной или уже случившейся утраты. Одновременно именно утрата зачастую позволяет оценить значение артефакта и разумно осуществить интерпретацию его ценности.

Само формирование этого «понятия было связано с процессом коренной перестройки культурно-национальной карты Европы в ходе масштабных социально-экономических процессов XIX-XX веков. Поиск национальной идентичности является одной из ярких особенностей европейской культуры постнаполеоновского времени. В этом же историко-культурном контексте происходит закрепление России в роли одного из наиболее значительных игроков на политической арене континента»[296]. «Ощущение постепенной утраты культурных скреп народа, региона или местного сообщества привело к научному осознанию ценности идентичности артефактов. Одним из основоположников концепции идентичности является американский психолог Э. Эриксон»[297]. Учёный анализирует идентичность с точки зрения междисциплинарного подхода и фиксирует следующее: «С одной стороны, её можно отнести к сознательному ощущению личной идентичности, с другой – это бессознательное стремление к целостности личного характера, с третьей – это критерий для процесса синтеза Эго. И наконец, внутренняя солидарность с групповыми идеалами и групповой идентичностью»[298]. В итоге можно заключить, что, «несмотря на единство цивилизационного типа, культуры всех регионов страны уникальны в силу

[296] Будрина, Л. А. «Новый порфир» или национальный символ? Трансформация образа малахита / Актуальные проблемы теории и истории искусства - 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. - СПб.: НП-Принт, 2018. С. 425.
[297] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.
[298] Эриксон, Э. Г. Детство и общество. М.: ИТД «Летний сад», 2000. С. 206.

географических, природно-климатических особенностей, наличных природных богатств, существующей инфраструктуры, исторического развития, демографической ситуации»[299]. «При этом наиболее характерными отличительными культурными особенностями регионов среди многих традиционно называют фольклор, ремесла, традиционную архитектуру, в том числе и музеефицированные комплексы под открытым небом»[300]. Набор подобных символов формирует визуальный «открыточный» костяк, что заметно упрощает понимание региональной специфики, адаптируя ценное знание.

Как правило, в отечественной практике «… понятие региональной специфики территории расшифровывается как сочетание национальной, региональной и локальной идентичности. Кроме этого, анализируя статус интерпретатора, возможно выделить профессиональную, возрастную, гендерную и иные типы идентичности. Любая общность, к которой может отнести себя человек, формирует идентичность»[301]. Этим она зримо доказывает собственное своеобразие. Однако, выделяя собственное поле, группа соидентичных объектов автоматически отказывает в праве быть

---

[299] Ройфе, А. Б. Культура регионов России в контексте культурологии М.С. Кагана // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 40.

[300] Ройфе, А. Б. Культура регионов России в контексте культурологии М.С. Кагана // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 43; Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[301] Пиляк, С. А. Цифровая трансформация наследия и презентация культурной идентичности // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред.: А.В. Соколова, А. А. Фролова. – Ярославль: Изд-во ООО «Цифровая типография», 2021. (Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», Ярославль, 15 апреля 2021 г.). С. 214-217.

принятым здесь другим. Следовательно, свойство идентичности приводит к двум взаимно разнонаправленным процессам – слиянию и отторжению. Характерные особенности, которые присваивают себе субъекты группы, можно считать свойствами идентичности.

Одновременно отметим, что данный процесс требует дополнительного изучения, «поскольку структура идентичности имеет многоуровневый и гибкий характер, все виды идентичности взаимосвязаны между собой и имеют особый характер “преломления” в социокультурном пространстве, а потому говорить о каком-либо конкретном виде идентичности изолированно от других практически невозможно»[302]. Соответственно, его представление от объекта будет изначально предвзятым. Это может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на конечный результат интерпретации.

В продолжение темы отметим, что современность диктует высокий практический интерес к креативному, новаторскому решению конкретных задач. Соответственно, трансформируется потенциал наследия в креативных индустриях; возникает особый угол зрения, при котором наследие рассматривается как комплекс ярких образов, укоренённых с мировой культуре и поэтому значимых и однозначно положительно воспринимаемых.

Одновременно мы можем заключить, что «интерпретация культурного наследия во многом продиктована признанием индивидуальной причастности культурному наследию определённого региона и уровнем взаимопроникновения идентичности человека и культуры. Исследователь Р. Бретон формулирует три ключевых качества идентичности. Во-первых, идентичность обладает потенциалом в реализации интересов людей. Во-вторых, идентичность способна увеличить уровень взаимозависимости. В-третьих, идентичность является опорой на общую историю, наследие, веру и

[302] Швецова, А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 654.

язык»[303]. Специфика территории проявляется в культурном своеобразии: «каждый регион имеет свой культурный ландшафт, природно-климатические условия, место расположения территории, что не может не отразиться на процессах социокультурной сферы»[304]. Ускоряющаяся глобализация нивелирует идентичность территорий. Наследие, в отличие от образов массовой культуры, нуждается во внимательной адаптации. Именно поэтому одним из наиболее эффективных способов для последующего предъявления местного своеобразия является «сохранение, коррекция и тиражирование “образов” и материальных форм, органичных для соответствующих этнокультурных образований»[305]. Стоит отметить, что до сих пор не изобретено более действенных способов сохранить наследие, нежели внедрить его артефакты в культуру повседневности. К примеру, музеи-заповедники зачастую предпринимают меры по сохранению уклада и традиционных приёмов хозяйствования, быстро исчезающих под напором глобализации. Копирование уходящей натуры хотя бы в форме проведения событийных мероприятий или функционирования отдельных подразделений, осуществляющих сценическую имитацию отдельных нематериальных артефактов, стоит признать наиболее очевидными инструментами достижения практического результата. Присутствие в постоянном поле человеческого зрения, существование подчас даже вынужденного внимания к его

[303] Breton, R. Ethnic Relations in Canada: Institutional Dynamics. Montreal and Kingston, 2005; Иконникова, С. Н., Леонов, И. В. Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 7; Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[304] Ефимец, М. А., Мерзлов, Н. Г., Шаповалов, Д. В. Культурные интересы устойчивого города в контексте благосостояния региона: Новоуральский городской округ // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 142-155.

[305] Улинова, И. Х. Значение культурных индустрий в сохранении этнического своеобразия калмыков // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 34.

сохранности являются залогом осознания ценности наследия и приводят к пониманию адекватности цены его сбережения для наследников.

Тем не менее, на практике эта работа приобретает более лапидарные формы. От стабильности обращения к артефакту зачастую отказываются, избирая вариант нерегулярного использования объекта наследия, превращая его в обрядовый атрибут. Иногда это решение позволяет достичь нужного результата, однако этот приём нельзя назвать универсальным.

Итогом поверхностной адаптации становится «внедрение объектов наследия в повседневность путём проведения событийных мероприятий, брендирования, информационной открытости, проведения тематических флешмобов, интернет-акций, заполнения информационного пространства и прочих мероприятий, вызывающих обширные упоминания объектов»[306]. Тем не менее, представленный перечень форматов работы далеко не исчерпывает тему интерпретационной работы с объектами наследия. Одновременно отметим, что современная работа с наследием зачастую замыкается в использовании технологий акционизма – проведении разовых активностей.

Также «весомое значение в формировании идентичности материального культурного наследия имеют духовная и религиозная идентичность»[307]. Одновременно проявление лично-окрашенных религиозных чувств может вступить в противоречие с сохранением наследия. «Современная ситуация в мире обнажает опасность бездуховности, которая проявляет себя именно как отсутствие цельности, гармоничной взаимосвязи

[306] Пиляк, С. А. Принцип актуализации культурного наследия // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Грозный, 29–30 мая 2020 г.). Материалы Круглого стола «Аксиологический кризис человеческого бытия: гуманизм – трансгуманизм – посттрансгуманизм». – Грозный: издательство Чеченского государственного университета. 2020. С. 402-405

[307] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

всех сторон»[308]. Равнодушных эта тема не оставит, отвечающий в любом случае примкнёт к той или иной категории. Возможно ли поставить сам вопрос о том, что ценнее в данном случае – сложнейшая дискуссионная тема. Корректность этого вопроса подлежит сомнению, однако его постановка может служить ярким примером идентичности интерпретатора.

Понятие идентичности рассматривается в контексте различных научных направлений. Одним из наиболее перспективных является регионалистика. Как отмечает Л. М. Мосолова[309], «к настоящему времени регионалистика уже превратилась в макродисциплину, которая обобщает и систематизирует материалы многих узкоспециализированных исследований, в том числе археологических, этнографических, антропологических и других»[310], что сближает регионалистику с культурологией и создаёт предпосылки для единого по методике анализа территориальных общностей.

В продолжение анализа идентичности мы можем согласиться с рядом исследователей, утверждающих, что «регионализация по своей внутренней сути является обособлением и отграничиванием по принципу “наше – не наше”, “мы – они”, что, в свою очередь, связано с самоидентификацией, самоопределением и самоотнесением совокупности людей к определённой общности “региональных” материальных условий и духовных (национальных, конфессиональных и др.) ценностей»[311]. В этом случае «чужак предпринимает

---

[308] Закунов, Ю. А. Аксиологические основы государственной культурной политики // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт наследия. 2016. С. 257.

[309] Мосолова, Л. М. Регионалистика и аксиология // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. - СПб., 2000. С. 101.

[310] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[311] Региональная культурная политика: методология, институты, практики : Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и

попытку истолковать культурный образец (pattern) социальной группы, с которой он сближается, и сориентироваться в нём»[312]. Исследователи отмечают, что «уникальность и оригинальность культурного творчества каждого народа (этноса) обусловлены тем, как в сознании, психологии отражаются особенности его исторического развития, вся совокупность общественных и природных условий»[313]. Согласимся с исследователями, утверждающими, что «… дискуссии на тему того, какие – общественные или природные особенности превалируют в формировании идентичности, до сих пор не принесли однозначного решения»[314]. Известное авторское определение называет культуру «одним из результирующих способов продуцирования национального сознания вовне»[315]. Исследователи выделяют идейно-теоретический, поведенческий и предметный уровни национальной культуры[316].

В соответствии с целями нашего практико-ориентированного исследования отметим, что по той или иной причине соидентичное зрителю культурное наследие без затруднений может стать ему менее известным и априорно принимаемым по сравнению с грамотно интерпретируемым и актуализируемым наследием иных сообществ. Такое «ползучее» присвоение

др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т наследия, 2019. С. 50.

[312] Шюц, А. Чужак: социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. В.Г. Николаев, С.В. Ромашко, Н.М. Смирнова. - М.: РОСПЭН, 2004. С. 533.

[313] Бабаков, В. Г., Семенов, В. М. Национальное сознание н национальная культура (методологические проблемы). - М.: ИФРАН, 1996. С. 27.

[314] Пиляк, С. А. Двойная культурная идентичность и опыт мирной российской колонизации // Роль государства в колонизационных процессах: от древности к современности. Modern History: партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 160-летию историка, академика АН СССР Матвея Кузьмича Любавского. (г. Уфа, 19.11.2020 г.) Вып. XIX / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 113-117.

[315] Бабаков, В. Г., Семенов, В. М. Национальное сознание н национальная культура (методологические проблемы). - М.: ИФРАН, 1996. С. 26.

[316] Бабаков, В. Г., Семенов, В. М. Национальное сознание н национальная культура (методологические проблемы). - М.: ИФРАН, 1996. С. 26.

чужих ценностей через приобщение к яркому и выразительному неминуемо для всех сообществ, не реализующих потенциал собственного наследия.

Обеспечивая выход культурного наследия в публичное пространство, мы должны понимать, как обеспечить его информационное наполнение, встроить в сознание интерпретатора, опираясь на известные факты, хронологию, территориальные границы и т.д. Опираясь на общекультурную матрицу, мы таким образом создаём однозначно понимаемое достоверное восприятие, которое затем обрастает субъективными чертами. «Разработка имиджа территорий (брендинг территорий) и проведение местных праздников, фольклорных фестивалей, восстановление храмов, открытие новых памятников и музеев»[317] являются ярким форматом проявления и предъявления региональной идентичности. Взаимодействие глобального и регионального на протяжении длительного времени является особой темой исследования. Рассматривая данный процесс, исследователь Е. Николаева использует термин «глокализация», вкладывая в это понятие процесс адаптации глобальных трендов и их трансформацию с учётом местных традиций[318].

Несмотря на ряд противоречий в сфере нашего исследования, следует отметить, что их решение отчасти обретает институациализированную основу, постепенно отражаясь в программах социально-экономического развития территорий и перечне полномочий органов публичной власти. Концентрация

---

[317] Региональная культурная политика: методология, институты, практики : Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т наследия, 2019. С. 78.

[318] Николаева, Е. В. Символическое взаимодействие столицы и регионов как механизм формирования социокультурного единства России // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 74.

усилий и интеллектуальных ресурсов даёт необходимый результат, объединение различных сфер деятельности.

С учётом вышеизложенного формирование и в некоторых случаях искусственное стимулирование появления и оформления местных культурных традиций на современном этапе даже можно обозначить как важный вектор в работе органов публичной власти и подведомственных им организаций культуры, образования и туризма. «Стоит отметить, что во многом появление данного тренда связано с реализацией государственной культурной политики, осуществляемой, в свою очередь, органами федеральной власти»[319]. Беспрецедентное для прошлых эпох обилие «современных инициативных бизнес-проектов, распространение формата частных музеев, эксплуатирующих образы локальной и региональной идентичности, позволяет рассмотреть наследие в качестве одновременно ресурса и капитала, способных заложить опору для полномасштабного социально-экономического развития территорий»[320]. Одновременно «отправной точкой процесса формирования созидательной и эффективной региональной культурной политики следует признать укрепление идентичностей, способствующих гармонизации системы общественных отношений»[321]. Культурное наследие играет в данном процессе ведущую роль.

Обратим внимание на особый феномен регионального культурного наследия, заключающийся в своеобразии ансамбля. В регионах, входящих в состав единого государства или объединения, по определению возникает

---

[319] Пиляк, С. А. Актуализация культурного наследия в контексте развития цифрового общества // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 6-7 декабря 2019 г.) – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2019. С. 321-324.

[320] Пиляк, С. А. Актуализация культурного наследия в контексте развития цифрового общества // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 6-7 декабря 2019 г.) – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2019. С. 321-324.

[321] Региональная культурная политика: методология, институты, практики : Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т наследия, 2019. С. 147.

сходная социокультурная среда. Следовательно, появляются предпосылки формирования тождественных доминант культурного пространства. Высокий храм или заметный театр, выделяющаяся гастрономия или песенная культура – в некоторых случаях эти стереотипы вынуждены воплощаться на каждой отдельной территории. Однако в случае подобной «локальной глобализации» неповторимым остаётся характерный только для отдельной среды ансамбль культурных составляющих. В современной науке понятие культурного ландшафта[322] трактуется как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности, и состоящий из характерных устойчивых сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности»[323]. Ю. А. Веденин трактует понятие культурного ландшафта как «целостную и территориально-локализованную совокупность природных, технических, социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединения действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательно и рутинно-жизнеобеспечивающей деятельности людей»[324]. В сравнении с указанным определением интересна позиция О. А. Лавреновой, в соответствии с которой «культурный ландшафт представляет собой знаковую систему, в которой знаки находятся в сложных и поливалентных взаимоотношениях, поэтому его вполне можно рассматривать как текст, доступный прочтению»[325]. При этом Ю. Р. Горелова

[322] Хюбнер, К. Истина мифа. - М.: Республика, 1996. – 447 с.
[323] Кулешова, М. Е. Типы наследия и его предметная ценность [Электронный ресурс] // Центр охраны дикой природы: [сайт]. - URL: http://www.biodiversity.ru/publications/books/managcult/cultural_resource_ru.zip, свободный, (дата обращения 06.10.2018).
[324] Веденин, Ю. А. Очерки по географии искусства. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. 1997. С. 9.
[325] Лавренова, О. А. Образ Места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. - М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 101-123, 418.

дополняет приведённые понятия «ключевой характеристикой культурного ландшафта, заключающейся в культуротворческой деятельности людей»[326].

Понятие и проблематика культурного ландшафта остаётся темой научной дискуссии. Специалисты отмечают, что «современный культурный ландшафт любого конкретного города подобен многомерной матрешке. Город – это многослойная культурная данность, в рамках которой пересекаются различные “культурные составляющие”, образующие относительно устойчивые структурные связи»[327]. В итоге неотъемлемой частью самого ландшафта остаётся его коллективная, публичная интерпретация. Этот сегмент ландшафта подвержен трансформациям в значительной степени. Стоит заметить, что понимание сложности и многосоставности воспринимаемой структуры является общим и результативным подходом. «Принцип рассмотрения культурного ландшафта как многослойной структуры, каждый уровень которой требует особого рассмотрения и прочтения на определённом языке, необходимо применить и в интерпретации культурного наследия в целом»[328]. Многослойность культурного ландшафта формирует уникальность этого на настоящий момент ещё не в полной мере исследованного вида объекта культурного наследия: «ввиду того, что культурный ландшафт города изменяется и развивается во времени и пространстве, он со временем накапливает “исторические пласты” – свидетельства различных эпох, которые создают временную (историческую) структуру. Прошлые исторические пласты рассматриваются как культурное

[326] Горелова, Ю. Р. Библиотеки и музеи в культурном ландшафте современного Омска // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики [электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. - М.: Институт наследия, 2019. С. 35.
[327] Алисов, Д. А. Культурный ландшафт малого города: вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики [электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. - М.: Институт наследия, 2019. С. 6-7.
[328] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

наследие»[329]. В итоге в существующей методике охраны культурного наследия культурный ландшафт вынужденно дробится на отдельные элементы: памятники, ансамбли и достопримечательные места. Упрощение объекта охраны, позволяющее предъявлять разномасштабные требования к сохранению наследия, может являться одной из возможных причин постепенной утраты наследия.

Принцип цифрового воплощения материального культурного наследия

На современном этапе формирования человеческого общества особое значение приобретает цифровая копия. Подменяя и в некоторых случаях буквально заменяя оригинал, копия способна значительно исказить восприятие наследия. Рассматривая спектр вариаций артефакта, мы должны внимательно проанализировать специфику цифрового воплощения материального культурного наследия.

Мы можем смело повторить слова исследователей, утверждающих, что «хлынувший информационный поток не оставляет ни места, ни времени для превращения его в знание и освоения его в этом качестве»[330]. «Информационное потребление человека уже способно ограничиться восприятием не смыслов, а рефлексии смыслов, подменяющей действительность. Также данная ситуация отражается и на сфере образования, в том числе в части использования объектов культурного наследия в образовательных целях»[331]. Учёные отмечают, что «в ситуации растущего

[329] Алисов, Д. А. Культурный ландшафт малого города: вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики [электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. - М.: Институт наследия, 2019. С. 9.
[330] Оганов, А. А., Хангельдиева, И. Г. Преодоление культурного и образовательного консерватизма – путь к новым моделям образования // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 138.
[331] Бодийяр, Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. и вступ. ст. Н.С. Автономовой. – М.: «Ad Marginem», 2000. С. 16; Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021.

свободного доступа к любым информационным каналам и формам образования академическое сообщество лишается своего прежнего права эксклюзивного контроля над источниками знания и путями, к нему ведущими»[332]. Исследователи отмечают, что «самоорганизующаяся природа Internet в настоящее время выступает значимой для современного человека виртуальной платформой творчества»[333]. Независимость от общественных регулятивов и одновременное коллективное происхождение информации, заключенной на просторах всемирной сети, также является особым предметом для рассмотрения.

Говоря о современной психологии восприятия, Н. В. Бавра утверждает: «акцент исследований смещается с изучения процессов получения информации на процессы ее организации и использования»[334]. «Развитие информационных технологий привело к нарушению устоявшейся системы. Как отмечает Р. С. Гиляревский в контексте книжного дела, в сети перестали работать общепринятые нормы – правовые, экономические, эргономические, эстетические. Создание новых норм занимает значительное время и ведется с немалым количеством сложностей»[335]. Одновременно, поскольку культурное наследие ввиду специфики собственной природы создаёт иную реальность, способную иначе посмотреть на происходящее и в нашей современности,

---

№ 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[332] Кирилловых, А. А. Российские вузы в международной конкурентной среде: организационные и правовые основы развития // Юрист вуза. 2019. № 8 (186). С. 34.

[333] Томюк, О. Н. Философские основания творчества как феномена культуры: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Томюк Ольга Николаевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»]. – М., 2020. С. 18.

[334] Бавра, Н. В. Поиски новой парадигмы в психологии восприятия // Философия о предмете и субъекте научного познания / Под редакцией Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. -СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 37.

[335] Пиляк, С. А. Цифровая трансформация наследия и презентация культурной идентичности // Современный город: власть, управление, экономика. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления. Выпуск XI. Сборник научных статей. – Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2021. С. 219-224.

любое ограничение творческой свободы в данной сфере несёт определённые риски, которые непросто в полной мере проанализировать заранее.

Итог этого процесса заключается в массовой цифровизации, что в интерпретации культурного наследия выражается в отказе от личного восприятия в угоду очередному выбору из числа готовых вариантов. «С тех пор как в 2007 г. был изобретён планшет, общество прошло большой путь и стало тотально визуальным. Зрительные способы восприятия информации практически полностью сменили вербальные»[336]. Цифровизация самого процесса восприятия наследия, огрубление вида, превращаемого в «пиксельную картинку» за счёт «цифрового» посредника вымывает богатство индивидуальности. Как отмечают современные исследователи, «Культуру теперь нужно понимать в терминах «виртуального присутствия», в котором физический контекст существования человека одновременно “удваивается” и распространяется в виртуальной реальности с отражением в “реальном мире”»[337]. «Понимание “виртуального бытия” ещё предстоит изучить и проанализировать; однако уже сейчас понятно, что практически любая культурная ценность благодаря одновременно воплощению в зримом и виртуальном мирах, воспринимается в каждом из этих измерений по-разному»[338]. Также мы должны помнить, что наследие как феномен культуры имеет прямой доступ к её смысловому и ценностному ядру. Следовательно, любые рискованные действия, обращённые на культурное наследие, в том

---

[336] Губарева, О. В. Православная икона в современном мире // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 66.

[337] Прокудин, Д. Е., Толстикова, И. И. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 290.

[338] Пиляк, С. А. Цифровая трансформация наследия и презентация культурной идентичности // Современный город: власть, управление, экономика. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления. Выпуск XI. Сборник научных статей. – Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2021. С. 219-224.

числе в цифровом воплощении, способны повлечь разрушительный эффект. Цифровизация в данном случае позволяет расширить спектр вариантов воздействия на наследие, поскольку становится необязательным взаимодействовать непосредственно с артефактом; достаточно манипуляций, произведённых с его цифровым воплощением.

Как отмечают исследователи, «знание не упаковывается в текст, а моделируется в нём в дискурсивной, а, следовательно, упрощённой форме. Надежда на то, что оно будет адекватно воспринято адресатом, зиждется на вере в творческие способности последнего»[339]. Д. А. Эльяшевич рассматривает связи культуры и коммуникации, осуществляемой «посредством бесконечного числа различных медиумов, сопровождающих человека с момента его рождения и до последнего вздоха»[340]. Использование любого посредника способно обеднить передаваемый смысл.

Современные исследователи отмечают «возрастающий интерес к понятию цифровой культуры, как уникального культурно-цивилизационного феномена»[341]. Одновременно учёные[342] «уделяют особое внимание анализу изменений, произошедших в эстетическом восприятии в условиях нового этапа развития культуры, связанного с “размножением” персонального экрана. Как отмечают некоторые консервативные исследователи, современная культура своим главным инструментом заявляет суррогат»[343]. Одновременно

---

[339] Шрейдер, Ю. А. ЭВМ как средство представлении знаний // Природа. 1986. № 10. С. 20.

[340] Эльяшевич, Д. А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Книга и книжное дело в XIX-XX веке. Смирдинские чтения. 2018. Том 217. С. 77.

[341] Астафьева, О. Н., Никонорова, Е. В., Шлыкова, О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 518.

[342] Строева, О. В. Эпоха «размножения» персонального экрана: изменение восприятия пространства и времени // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 4. С. 396-403; Кириллова Н.Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 524-531.

[343] Пиляк, С. А., Ковалёва, О. О. Цифровой потенциал интерпретации культурного наследия // Управление в условиях цифровизации социально-экономических процессов. Чебоксары, 20 октября 2020 г. - Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. С. 274-279.

вырастает статус оригинального объекта, иначе именуемого артефактом, подлинником и т.д. Именно первоисточник даёт возможности различения нюансов и служащий вследствие этого источником бесконечных интерпретаций.

При этом необходимо особо отметить, что «новые коммуникативные образы, сформировавшиеся в новом социокультурном поле с помощью интернет-технологий, способны воздействовать на аудиторию с учётом её социально-демографических и психологических характеристик для эффективной реализации процессов межкультурного взаимодействия»[344]. В обозначенных условиях отсутствие зафиксированности в очередной информационной системе или на просторах интернета какого-либо явления или предмета грозит ему абсолютным забвением. «Учёт виртуальных технологий в интерпретации и трансляции культурного наследия уже несколько десятилетий является обязательным условием проведения исследований по данной теме»[345]. Исследователи отмечают, что «информационное пространство также является и механизмом традирования, сохранения “культурного ядра” и трансляции культурного кода, а также консолидации, самоорганизации и культурной идентификации социальных групп»[346]. Мы можем заключить, что присутствие наследия в виртуальном и реальном пространстве будет различным. Одновременно становится очевидным, что специфика виртуального пространства заключается в более широкой вариативности сценариев, расширении пространственно-временных

---

344 Прокудин, Д. Е., Толстикова, И. И. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 296.

345 Пиляк, С. А. Цифровая трансформация наследия и презентация культурной идентичности // Современный город: власть, управление, экономика. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления. Выпуск XI. Сборник научных статей. – Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2021. С. 219-224.

346 Прокудин, Д. Е., Толстикова, И. И. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 293.

параметров творческого бытия человека, развитии привычных и создании новых возможностей конструирования будущего.

Целесообразно отметить, что «то, что невозможно передать с помощью цифровых ресурсов, уже не воспринимается как неотъемлемая часть наследия и охотно игнорируется огрубленным человеческим сознанием»[347]. Дополним данный тезис тем, что «сегодня мы можем говорить о том, что представлению знаний в ЭВМ в виде систем правил (что характерно, прежде всего, для продукционных моделей) соответствует новый подход в философско-эпистемологических исследованиях, придающий особое значение правилам и предписаниям, регулирующим человеческую деятельность»[348]. Массив вторичного знания, полученного в ходе реинтерпретации, можно обозначить в качестве мнения или квазизнания, т.е. не являющегося знанием, но претендующим на его статус. «для развития искусственного интеллекта важно создать формальные квазикатегории, которые были бы приближенными аналогами реальных категорий, функционирующих в мыслительном процессе человека»[349]. Как отмечает В. М. Розин, «компьютер и Интернет нередко блокируют доступ к другим формам жизнедеятельности, часто погружают человека в иллюзорную реальность, трансформируют его сознание»[350]. Механизмы восприятия и возникновения образа в сознании человека и их зависимость от воздействия внешних факторов во многом тождественна процессам генерации квазиреальности. Тождественность природ является основанием внимательного анализа цифровой культуры.

---

[347] Пиляк, С. А. Цифровая трансформация наследия и презентация культурной идентичности // Современный город: власть, управление, экономика. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления. Выпуск XI. Сборник научных статей. – Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2021. С. 219-224.

[348] Алексеева, И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. - М.: ИФРАН, 1993. С. 35-36.

[349] Шалютин, С. М. Искусственный интеллект: Гносеологический аспект. - М.: Мысль, 1985. С. 160.

[350] Розин, В. М. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. - М., 2004. С. 4.

Согласимся с позицией исследователей, отмечающих, что «… борьба за открытость в цифровом пространстве идет одновременно с борьбой за “право быть незамеченным” и скрытыми битвами за власть и возможность интерпретации подачи событий и фактов»[351]. Важной исследовательской задачей современности является поиск решения проблемы управления информационной спекуляцией. Дополнительную сложность в решении проблемы представляет то, что на текущий момент «наметилась опасная тенденция <…> к фиксации внимания читающих на запоминании, а не осмыслении текста»[352]. По данным исследований возникает вывод о том, что «абсолютное большинство существующих сегодня социальных ролей и профессий могут быть оцифрованы <…> А это значит, что оцифрованное общество перестаёт быть социальным, оно становится технической реальностью, обществом без людей. А человек показывает цифре свою асоциальную антропологическую сущность. Единственное, что не умеют делать умные машины – это ставить цели. Потому что ставит цели тот, кто грезит. А умные машины не умеют это делать. Они не знают, что значит на что-либо решиться»[353]. Пожалуй, это остаётся единственной неподвластной искусственному интеллекту функцией: «интересной особенностью оценки людьми возможности для машины обладать тем, что называют интенциональностью (знать, мыслить, понимать, принимать решения), являются различия в степенях вероятности, которые один и тот же человек

[351] Русаков, А. Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 14.
[352] Гиляревский, Р. С. Чего мы ждем от книги и книговедения в ближайшие годы? // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Книга и книжное дело в XIX-XX веке. Смирдинские чтения. 2018. Том 217. С. 53.
[353] Гиренок, Ф. И. Глобальный нигилизм с точки зрения археоавангарда // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 67.

склонен приписывать этим возможностям»[354]. Кроме этого, несмотря на развитие цифровых технологий, ещё не существует электронного алгоритма атрибуции произведений искусства. Компьютер в состоянии проанализировать многочисленные отражения наследия – его фото, его объёмную модель, сравнив этот контент по измеримым и чётко определяемым критериям с другими отражениями. Но увидеть наследие, осознать его ценность – всё это остаётся прерогативой человеческого сознания. Наследие обладает способностью преображать обыденный мир человека, возбуждать опыт внутренней духовной работы человека.

Размышляя над изложенными тезисами, отметим, что «цифровизация, меняющая окружающее пространство, естественно, приводит к его специфичному философскому осмыслению. Учёные отмечают, что из-за традиционно распространенной семиотической традиции восприятия и популярности в отечественных реалиях феноменологической и герменевтической позиций»[355], «погружение в проблематику медиа осуществляется через рассмотрение медиа как языка новой действительности»[356]. Фактически современный человек уже общается на языке медиа: «проблема медиа <…> на рубеже XXI в. стала тем экзистенциальным вызовом, который определяет человеческое существование во всем спектре его проявлений»[357]. Сложностный характер указанного проблемного поля привёл к созданию и оформлению особой дисциплины – медиафилософии: «Медиафилософия не устаёт напоминать нам о характерной черте времени – о том, что мир перестает быть легко обозримым, сознание

---

[354] Алексеева, И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. - М.: ИФРАН, 1993. С. 180.

[355] Пиляк, С. А., Ковалёва, О. О. Цифровой потенциал интерпретации культурного наследия // Управление в условиях цифровизации социально-экономических процессов. Чебоксары, 20 октября 2020 г. - Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. С. 274-279.

[356] Очеретяный, К. А., Ленкевич, А. С. Медиафилософия: между рецепцией и интерпретацией // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 15.

[357] Очеретяный, К. А., Ленкевич, А. С. Медиафилософия: между рецепцией и интерпретацией // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 16.

прозрачным, существование автономным»[358]. «Комбинированная реальность, включающая как существующие физически, так и в цифровом пространстве объекты, не только даёт новые возможности, но и серьёзно трансформирует человеческое сознание. Отмеченные, к примеру, в 2020 году при действии ограничительных мер проблемы общения и получения информации исключительно при помощи цифровых ресурсов, избегая прямого человеческого общения, представляют яркий пример негативных последствий такой трансформации»[359]. «Ситуация смешанной реальности или полионтизма не может не оказывать влияние на восприятие базовых характеристик бытия: пространства и времени»[360]. Напомним, что культура остаётся одной из самых чувствительных сфер человеческого общества. Отражение многочисленных трансформаций и метаморфоз общественной сферы неминуемо отражается на культуре и на восприятии культурного наследия.

И. Ю. Алексеева отмечает разделение профессионального сообщества на две значительные группы: «одни исследователи считают, что стратегической линией должно быть всё бóльшее приближение возможностей компьютерной системы к возможностям человеческого разума», а представители другой группы заявляют целью искусственного интеллекта “не моделирование человеческого мышления, а изобретение способов обработки информации, принципиально отличных от человеческих”»[361]. Заметим, что наиболее продуктивный результат позволит дать именно органичное сочетание полярных подходов.

---

[358] Очеретяный, К. А., Ленкевич, А. С. Медиафилософия: между рецепцией и интерпретацией // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 16.

[359] Пиляк, С. А., Ковалёва, О. О. Цифровой потенциал интерпретации культурного наследия // Управление в условиях цифровизации социально-экономических процессов. Чебоксары, 20 октября 2020 г. - Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. С. 274-279.

[360] Строева, О. В. Эпоха «размножения» персонального экрана: изменение восприятия пространства и времени // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 4. С. 397.

[361] Алексеева, И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. - М.: ИФРАН, 1993. С. 179.

Всё более значительное количество исследователей отмечает, что «мир становится всё более рефлексивным – он похож на зеркало, отражающее наши ожидания, мечты, страхи»[362]. «Во многом это связано с медиалогической революцией, развитием коммуникационной сферы, расширением цифровизации и небывалым ростом объемов информации, в том числе развитием технологий обработки Big Data»[363]. Информационная рефлексия наводит исследователей на размышления о том, что «экранированная действительность, с которой сталкивается современный человек, вызывает подозрение в скрытой манипуляции»[364]. Данное предположение подробнее будет рассмотрено и проанализировано далее.

Вместе с тем «Е. Шапинская формулирует ряд проблем культурного наследия, связанных с цифровизацией общества, в том числе снижения ощущаемой ценности культурного наследия вследствие упрощения доступа к цифровым копиям»[365]. В значительной степени рассмотренный процесс, что закономерно, проявляет себя в размытии границ интерпретации. Исследователь отмечает, что «постмодернизм, оказавший столь сильное влияние на культурную ситуацию конца XX – начала XXI века, предполагает стирание граней между высокой и массовой культурой, что ставит неподготовленного человека в тупик в вопросах ценности и значимости многочисленных культурных и художественных текстов, реплицируемых в

---

[362] Ахромеева, Т. С., Малинецкий, Г. Г., Посашков, С. А. Взаимодействие искусства и науки в контексте синергетики // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 117.

[363] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

[364] Очеретяный, К. А., Ленкевич, А. С. Медиафилософия: между рецепцией и интерпретацией // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 16.

[365] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

самых разных формах в масс-медиа и Интернете»[366]. Принцип цифровизации культурного наследия проявляется как в интерпретации, так и ретрансляции.

Принцип деконструкции

Специфика постмодернизма диктует самостоятельную ценность процесса и результата цитирования культурных смыслов. Разбор объекта наследия на отдельные цитаты, как кажется, не способен помочь его комплексному сохранению и целостному восприятию. Человеческой культуре свойственно понятие ансамбля, выражающегося одновременно в зависимости и повышении выразительности любого произведения от продуманного окружения. Соответственно, восприятие артефакта в комплексе с сопричастными объектами способно создать наиболее полный образ в сознании интерпретатора. Тем не менее, ускорение процесса передачи информации заставляет человеческое сознание избирательно подходить к объекту интерпретации. Постмодернистское стремление к цитированию находит в этом случае особое регулярное применение. Кроме этого, в эпоху абсолютной деконструкции[367], за счёт высокой ценности отдельных фактов, слов и знаков, их практическая ценность возрастает многократно.

Высвечивание конкретных зон интереса в облике и образе индивидуального объекта наследия является закономерной, но ещё не институциализированной практикой. Примеров этому мы можем назвать

[366] Шапинская, Е. Н. Эстетические ценности классического наследия в пространстве массовой культуры: вызовы времени и возможные ответы // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт наследия. 2016. С. 268.

[367] Павлов, А. В. Философия культуры в постпостмодернизме : критический анализ : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.13 / Павлов Александр Владимирович; [Место защиты: ФГБУН Институт философии Российской академии наук]. - Москва, 2019. - 28 с.

немало. Известен широкий круг сооружений, сохраняемых по причине их исторической ценности как артефактов революций, войн или мест встреч известных деятелей культуры. Такое здание первоначально сохраняется как историческая декорация, способная законсервировать память о важном событии, при необходимости стать зримым его доказательством или триггером для воскрешения акта в памяти местного жителя либо туриста.

При этом мы обоснованно полагаем, что значимость этого события может со временем подвергнуться переосмыслению. Соответственно, на первый план выйдет какое-либо иное свойство – неповторимый облик такого сооружения, его архитектурная или типологическая уникальность. Несмотря на иной первоначальный повод признания целесообразности сохранения наследия, его мысленное смысловое расчленение позволяет обеспечить физическую сохранность объекта для последующих поколений.

Процесс, происходящий в таком случае, мы можем именовать кристаллизацией. Это понятие здесь трактуется как комплекс мер по систематизации и одновременном видимом усилении основных свойств за счёт формирования адаптирующего смыслового каркаса. Ярким примером этого в культурной сфере России является опыт музея-заповедника в селе Шушенском Иркутской области. Масштабный музей деревянного зодчества, созданный к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, направленного в это село в ссылку, ныне является одним из наиболее эффективных музеев-скансенов России. Комплекс сохраняемых сооружений, лишенных былой музейной идеологической миссии, обрёл новую, заключенную в трансляции культуры и быта сибирского селения рубежа XIX-XX веков.

Обращение в произведениях искусства к определённым смыслам через признанную символьную систему является распространённым приёмом[368].

[368] Бузыкина, Ю. Н. Образ как гиперссылка в стенописи Архангельского собора Московского Кремля / Актуальные проблемы теории и истории искусства - 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. - СПб.: НП-Принт, 2018. С. 264-265.

Изменение символьных систем, придание традиционным символам иных значений создаёт сложные «ребусы», доступные для понимания при наличии определённой подготовки и известной творческой фантазии интерпретатора.

С учётом ранее рассмотренных особенностей мы помним, что любой текст в процессе интерпретации и адаптации неминуемо будет разорван на цитаты. Для объектов культурного наследия эта аксиома также верна. Цитируемость позволяет окружить фрагмент текста новым контекстом, упрощающим его встраивание в сознание современного человека. Следовательно цитируемость наследия как текста в некоторой степени облегчает его понимание и восприятие. К негативным последствиям мы можем отнести «выхолащивание» богатства заключенных в целом тексте или объекте наследия образов и символов, обедняющее его содержание. Нарушая неоднократно упоминаемый в исследовании принцип герменевтического круга, лишая возможности обратиться к общему после восприятия частного[369], принцип цитирования, тем не менее, позволяет обеспечить принципиальное включение объекта наследия в культурный и экономический оборот, что служит залогом его сохранения, а также даёт возможность более глубокого постижения в дальнейшем. Отметим, что «творческая деятельность, в процессе которой человек создаёт как материальные, так и духовные ценности, является движущей силой развития на всём протяжении существования человечества»[370]. Использование творческого подхода в цитировании наследия следует признать несомненно продуктивным и результативным.

Адаптация наследия, осуществляемая посредством его цитирования, представляет часть (фрагмент) объекта, достаточно доступную для

[369] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. С. 28.

[370] Некрасов, А. С. Философский анализ творческого потенциала в человеческом и социальном измерении : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.13 / Некрасов Андрей Сергеевич; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. – М., 2020. С. 3.

восприятия. Этот принцип можно проиллюстрировать несколькими примерами. Для продвижения наследия, как на примере отдельных объектов, так и целых территорий, важным инструментом является брендирование. Несколько ключевых особенностей, формирующих своеобразие, заключаются в текстовую или иную символическую формулу, вызывающую в сознании однозначный позитивный образ: «Москва белокаменная», «Кострома – Душа России», «Кружевная Вологда» и т.д.

Подобный бренд облегчает предварительное понимание интерпретатора, но вынужденно, по причине краткости формулировки, исключает обилие иных смыслов. Вторым примером, который мы можем привести в качестве показательного, является выделение особых характеристик предмета. В данном случае взамен общей субъективной оценки публикуется выразительная черта: «Кострома была основана князем Юрием Долгоруким в 1152 году и на пять лет моложе Москвы». Народные мелодии в русских классических операх в зависимости от сюжета переносят нас в эпоху царя Гороха, либо мир русской провинциальной культуры, на фоне которого разворачиваются события с участием «просвещённых» сословий. Цитирование может производиться в визуальной, звуковой среде и практически не имеет границ применимости в качестве одного из самых простых инструментов его адаптации.

Следовательно, деконструкцию, заключенную в фигуративном расчленении объекта на несколько черт, особенностей, характерных деталей, и, затем, в соединении воедино данных деталей в ином порядке и ином формате, можно признать одновременно интерпретацией наследия и созданием нового произведения.

2.2. Материальное культурное наследие как объект интерпретации

Одним из важнейших свойств объекта материального наследия является его физическое воплощение. Существование артефакта в формате зримого, осязаемого и за счёт этого неоспоримого предмета способно служить необходимым веским доказательством любого тезиса, в зависимости от вкладываемого интерпретатором смысла. Это составляет особую уникальность объекта наследия и предоставляет ряд возможностей по его актуализации.

Вполне очевиден и неоднократно апробирован один из наиболее способов аргументировать ту или иную позицию – обращение к артефактам прошлого. Исторический опыт способен служить веским доказательством избранного пути. Культурное наследие выступает в данном случае средством выражения идей, инструментом в борьбе с внутренней неустроенностью, а также в некоторой степени и вариантом упорядочивания хаоса. Наследие за счет собственной уникальности заставляет верить в избранный вариант развития событий.

Использование этого комплекса возможностей и специфики культурного наследия встретило закономерный ответ в религиозных практиках. Рукотворный предмет для поклонения с одной стороны воплощает материализованную связь с божеством, условный канал передачи божественной энергии; с другой – служит материальным доказательством самого факта существования божества и его превосходства относительно человека. Отрицать наличие предмета, который человек в состоянии увидеть, осязать, ощутить и познать иными органами чувств, бессмысленно. Трактовка причин уникальности предмета относится к индивидуальной интерпретации мира человеком.

Приведение в пример конкретного объекта наследия, будь то документ, бытовой мемориальный предмет или сооружение, аргументирует позицию

весомее любой словесной конструкции. Тем не менее, мы вновь возвращаемся к мысли об актуализации наследия, создании звучного и красочного рассказа, возможности повествования наследия о самом себе. Доказать ценность материализованной идеи несравненно проще, что позволяет этой идее расширить круг своих апологетов. Вместе с тем напомним слова классика – «Мысль изреченная есть ложь». Любая материализованная идея обедняет её, лишая не только тонких нюансов, но подчас и вычёркивая некоторые магистральные темы.

Одновременно специфика материального культурного наследия состоит и в его зависимости от сохранности физического воплощения. Необходимость своевременных и регулярных мероприятий по его сохранению, а также поддержка оптимального режима его содержания требует значительных ресурсов, в том числе интеллектуальных. Учёные единодушны в том, что одной из сложностей, связанных с культурным наследием, является эстетическая. Лишённые должного ухода и внимания объекты культурного наследия приобретают дисгармоничный облик, свидетельствующий о невнимательном отношении к объекту и подчас не способный доказать широкой аудитории его ценность и уникальность. Эстетизация культурного наследия, в том числе и реставрация, поддержание в порядке – составляет особый вид работ. Исключительно в данном случае наследие может занять уже уготованное ему место воплощённого идеала красоты.

Искажение физического воплощения является неминуемым следствием упомянутого свойства. Постепенный, неравномерный по темпу процесс изменения преображает объект. Заметим, что часто эти изменения происходят в соответствии с нашими представлениями об объекте или с результатами нашей интерпретации объекта. Хрестоматийным примером является первый опыт реставрации сооружений, основанный на формировании цельного художественного образа. Крепость в Каркассоне или

палаты Романовых на Варварке в Москве были кардинально перестроены в целях соответствия некому понятному для эпохи романтическому идеалу. Облик собственно памятника не рассматривался при этом в качестве источника информации. При этом реализация подобного, архаичного для современного поколения специалистов, подхода позволила сохранить объект для последующих поколений, что обладает самостоятельной ценностью для культуры.

При исследовании интерпретации объектов культурного наследия особое внимание необходимо уделить чувству «укоренённости и слитности человека с территорией, природно-климатическим ландшафтом, «местом развития» или «историко-культурной зоной»[371]. Словом, ежедневно мы убеждаемся в том, насколько значимое место занимает наследие в современной жизни. Обеспечивая формирование связи настоящего с прошлым, оно выстраивает дорогу в будущее. Как правило, этот путь – без повторения прошлых ошибок, но с учётом минувших успехов и уважением к своеобразию территорий и народов.

Существующая теория восприятия трактует процесс познания как отражение действительности в сознании человека. То, какие краски и нюансы будут формировать картину мира, зависит во многом и от собственно сознания человека. Указанная концепция зрительного рефлективного восприятия определяет ощущения слепками внешнего мира. Идея зеркала берет своё начало в концепции платонизма, получая дальнейшее развитие в неоплатонизме. В итоге окулярцентризм до сих пор составляет основу мышления современного человека.

Как указывает Л. Микешина, «особую значимость приобрела способность созерцать, speculari, охватывать зрением, представлять метафорой зеркала, а значит мыслить спекулятивно в философской

[371] Иконникова, С. Н., Леонов, И. В. Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 8.

творчестве»[372]. Окулярцентризм вполне возможно определить как парадигму (понятие введено Т. Куном).

Как отмечают современные исследователи, «в 1910-е годы происходит резкий скачок уровня дисгармонии. Атака на устоявшиеся представления о человеке и человечности велась самым широким фронтом, во всех возможных направлениях»[373]. Внимание к искусству минувших эпох, внимательной и чуткой рефлексии, приводит к расширению эклектики, в значительной степени влияющей и на культуру на современном этапе. Как указывает А. Демченко, «за отмеченными явлениями стояло пренебрежение к сложившимся этическим и эстетическим нормам»[374]. Стоит отметить, что этот этап к настоящему моменту ещё не завершен. А. Демченко отмечает возникновение «эффекта бесчувствия»[375], связанного с развитием информационного общества.

Одновременно, признавая очевидные качества наследия как инструмента развития человечества, мы должны рассмотреть и спектр рисков, присущих работе с артефактами. Как мы отмечали выше, специфика культурного наследия заключается, в том числе, и в широком проблемном поле. Первым среди рисков следует назвать девальвацию.

Анализируя данную проблему, отметим, что наследие весьма скоро теряет ценность в глазах последующего поколения. Символизируя на краткой исторической дистанции ценности, признаваемые, в том числе, представителями предыдущего поколения, объект наследия выступает в качестве символического триггера в конфликте отцов и детей. Естественно,

---

[372] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 68.

[373] Демченко, А. И. На изломе истории. Проблема гуманизма в отечественной музыке начала XX века // Вестник Саратовской консерватории. 2019. № 1 (3). С. 26.

[374] Демченко, А. И. На изломе истории. Проблема гуманизма в отечественной музыке начала XX века // Вестник Саратовской консерватории. 2019. № 1 (3). С. 26.

[375] Демченко, А. И. На изломе истории. Проблема гуманизма в отечественной музыке начала XX века // Вестник Саратовской консерватории. 2019. № 1 (3). С. 29.

значение наследия как источника знаний уступает субъективному подходу и эпохе, подарившей его человечеству. До уважения и принятия объекта наследия в качестве безусловной ценности, подлежащей сохранению, как правило, проходит серьёзный временной срок. Отметим, что этот период для различных групп памятников различается в разы. Если музыка и поэзия 1960-х годов уже получили статус классики, то для малогабаритных квартир в «хрущёвских» домах признание в качестве ценности ещё впереди. Одновременно отсутствие профессионального интереса к народной культуре не позволило полноценно сохранить артефакты прошлого. О значительном количестве временных периодов развития фольклора мы знаем лишь по вторичным источникам.

Девальвация ведёт к риску, который мы назовем вторым – риску утраты. Невнимание к наследию, непризнание его ценности влекут за собой отсутствие заботы по его фиксации и сохранению для последующих поколений. В этом незримом состязании выигрывает тот объект, который по какой-либо причине удостоен внимания профессионального сообщества. Многовековое стремление к сохранению традиционных духовных ценностей, образов и символов государственной власти, к примеру, выразилось в сбережении ансамбля укреплений Московского кремля. Первоначально строительство нетипичных для России фортификационных сооружений в эпоху Ивана III позволило сформировать периметр территории сосредоточения символов духовной и светской власти в столице. Далее надстройка башен эффектными шатрами в XVII веке усилила доминирующую роль кремля, сделав его зримым воплощением легитимности государственной власти. При этом ни масштабная реконструкция по указанию Екатерины II, ни разрушения 1812 года, ни градостроительные проекты XX века в конечном счёте не исказили кремль до неузнаваемости. Кремлёвские башни сохранили узнаваемые силуэты; стены, как и раньше, охватывают кремлёвскую территорию непрерывным кольцом.

Однако при этом аналогичные московские сооружения – Китай-город, Белый город и Земляной город – ныне известны нам исключительно по фрагментарным либо воссозданным участкам, а также редкой городской топонимике и неполным для полноценной реконструкции изобразительным источникам. Подобные утраты могли бы лишить нас и Московского кремля, однако его высокая сакральная роль обеспечила постоянную поддержку памятнику.

Третьим риском обозначим дисбаланс духовного и материального. Рассмотренная выше амбивалентность культурного наследия, его проявленность в двух сферах, требует гармонии в их сочетании. Преобладание материальной, в том числе экономической сферы, либо напротив – духовной, грозит сегментацией образа, а в некоторых случаях – и собственно подлинного объекта наследия. Экономический интерес к наследию, не учитывающий его духовного значения, способен нести разрушение тонких связей, возникающих в культурном пространстве.

Категория времени в интерпретации культурного наследия

Вышеизложенные тезисы акцентирую внимание на то, что «важнейшей категорией, меняющей познание культурного наследия, является время. В герменевтической методике мы встречаемся с различным пониманием времени: как дистанции между творцом и интерпретатором, как компонента традиции, и т.д.»[376]. Как отмечает Л. Микешина, «в традиционной гносеологии, следующей образцам и критериям классического естествознания, рассмотрение феноменов познания и создание

[376] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

соответствующих абстракций осуществлялись без учёта времени»[377]. При этом «изменение познания во времени – историчность – рассматривали за пределами собственно теории познания, преимущественно в истории науки, истории философии или в антропологических исследованиях»[378]. Основополагающим характеристикам времени в структуре природы культурного наследия, как правило, уделяется незначительное внимание. Как может показаться, качественно иное течение времени для артефакта является его особой неотъемлемой и поэтому не требующей особого рассмотрения чертой. Как известно, «познаваемая реальность меняется во времени и вместе с тем во времени и в культуре меняются формы и способы её восприятия, познания и конструирования»[379]. К наследию возвращаются каждый раз, когда есть необходимость в пересмотре недавних событий. Цивилизация оглядывается на прошлое в надежде понять, что могло произойти не так, как было задумано. Наследие в данном случае становится относительно незыблемой базой, однозначно транслирующей общепринятые основы общества и культуры. Именно наследие выстраивает проницаемость прошлого, настоящего и будущего, формируя стержневой характер человеческой культуры, базирующейся на опыте предыдущих поколений и анализе прошедших эпох.

Наследие своей отчужденностью от сиюминутности зримо представляет масштаб человеческой цивилизации. Такая специфика, будучи транслируемой на артефакты культуры в целом, способна исказить наше восприятие. К примеру, исследователи утверждают, что «Сегодня, когда любой предмет или же нагромождение нескольких предметов в так

[377] Микешина, Л. А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 23.
[378] Микешина, Л. А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 88-89.
[379] Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 8.

называемые инсталляции становится “искусством”, временное ощущается более ценным, утрата – более привлекательной, чем обладание»[380]. Данная особенность способна привести к равнодушию к истории и собственной роли в её творении. Утраченный контакт с наследием возможно восстановить путём применения различных инструментов, в том числе указанных нами в настоящем исследовании. Основным решением следует признать актуализацию.

Стоит отметить, что к настоящему времени благодаря целенаправленной деятельности органов государственной власти и общественных организаций Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов прошла серьезный период трансформации от цепи исторических фактов до крупнейшего идеологического стержня, играющего важную роль в формировании престижа России как внутри страны, так и за её пределами. Восприятие этих событий постепенно изменяется, растёт масштаб мероприятий, направленных на популяризацию военной истории, а Победа, что становится новацией последних лет, уже является прямым синонимом понятия патриотизма, так же и наоборот.

Укреплению идеологической ценности событий Великой Отечественной войны в немалой степени способствует значительная к настоящему моменту временная дистанция, что позволяет «настроить» восприятие минувших событий. В данном случае возможно проследить воздействие принципа темпоральности. «В герменевтике время становится внутренней характеристикой жизни, особого рода категорией духовного мира субъекта, время переживается как непрерывающееся движение от прошлого к настоящему и будущему»[381]. Одним из проявлений становится повышенное

[380] Ермоленко, Е. В., Явейн, О. И. Летние павильоны галереи Серпентайн. Временная архитектура для временного искусства? // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2001. С. 202.
[381] Микешина, Л. А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 24.

внимание к ретрансляции визуального ряда постпобедного триумфа. Изобразительное искусство и зодчество послевоенного десятилетия, мотивы декоративного оформления, музыка и стихи с каждым годом занимают всё более заметное место в российской культурной среде.

Таким образом, помимо изменения характера интерпретации, постепенно меняется сам предмет интерпретации. От прямого цитирования исторических событий более значительное внимание уделяется окружающему контенту. Здесь мы также сталкиваемся с выборочной реинтерпретацией.

С учётом разноплановой деятельности по рассмотрению интерпретации культурного наследия автором предложена и последовательно апробирована методика исследования, направленная на последовательное раскрытие стадий осознания ценности наследия, рассмотрение и анализ сохранения, актуализации и переосмысления наследия на примере ограниченной группы объектов.

Важнейшей реализованной задачей является анализ трансформации отношения к объекту. Для объекта наследия его утилитарное значение постепенно уступает духовному. Выявление и обретение зримого абриса особенностей, выделяющих объект в череде аналогичных, придают ему в глазах человечества особый статус артефакта. Этот процесс, в отдельных случаях растягивающийся на столетия, представляет чрезвычайно интересный материал для анализа. Благодаря последовательной детальной сегментации этого процесса появляется возможность выделить духовные приоритеты, которые заставляют объект наследия проявиться и получить должный статус, а также проанализировать опыт актуализации наследия, что является бесценным для дальнейшей работы в этом направлении. Рассмотрение стадий трансформации в хронологической последовательности с купированием собственно привычных фактов истории объекта и прочих данных, традиционно излагаемых в справочниках и путеводителях, даёт уникальную

возможность раскрыть механизмы и рассмотреть процесс интерпретации культурного наследия максимально детально.

Мы в качестве предварительного резюме можем заключить, что наследие в целом выступает в роли обязательного условия развития цивилизации. Составляя хранилище индивидуальных субъективных и объективных знаний, наследие в конечном счёте формирует разнообразный по представленной тематике и способам выражения архив коллективного знания. Наиболее доступной частью этого архива, во многом институционально монополизированной наследием, является историческая память.

Наследие с лёгкостью преодолевает барьеры современности. Именно артефакт прошлого способен предложить нам пути решения задач, не теряющих свою актуальность. При этом происходит выбор предлагаемого решения вопроса путём избрания одного из векторов, ранее уже доказавших свою практическую состоятельность. Для человека такой формат целесообразен по ряду причин. Во-первых, какой-либо из конкретных вариантов уже был воплощен ранее. Следовательно, существует опыт воплощения и анализа проработки реализации этого варианта. Воспользовавшись опытом предшествующих поколений, мы можем сократить наши собственные временные и ресурсные затраты на анализ ситуации.

Кроме этого, заметный исторический срок, минувший с момента принятия решения другим поколением, может дать уникальную возможность глубокой рефлексии. Анализ произошедшего позволяет избежать повтора традиционных непродуманных решений, приводящих к ошибкам. В-третьих, однажды воплощённое решение оставляет материальный или нематериальный след. Возникает возможность вновь использовать те активы, которые были созданы нашими предшественниками. Проще организовать гостиницу в здании, первоначально построенном для этой или близких целей.

В-четвертых, особым фактором, отвечающим специфике исторической памяти, является преемственность. Обоснованнее выглядит решение, аналог

которому возможно найти в историческом прошлом. Движение по сформированной канве представляет собой вариант развития, не нарушающий привычных законов и не трансформирующий канонов современности. Подобный линейный подход вполне отвечает запросам, возникающим в сложных ситуациях, касающимся больших групп людей и судеб целых территорий.

Семиотическая природа культурного наследия

Отметим, что смыслы, выраженные через семиотические системы (тексты) являются специфическим предметом гуманитарного познания: «Все герменевтические вопросы возникли там, где слово осознается как знак, использующийся для передачи сообщения, и где встает проблема понимания таких знаков»[382]. «Тексты содержат как собственно слагаемые в них смыслы, так и субъективное авторское отражение этих смыслов»[383]. Рассматривая семиотическую природу гуманитарного знания, В. Г. Кузнецов отмечает: «любой объект, являющийся творением человеческого духа и имеющий знаковую природу, может быть возможным или является действительным текстом»[384]. По указанию исследователя, «текстовая природа гуманитарных наук обусловливает некоторые особенные признаки, характерные для всех гуманитарных наук и являющиеся одновременно отличительными признаками, несвойственными естественным и общественным наукам»[385].

В итоге, стоит отметить, что основные особенностями специфики культурного наследия как предмета интерпретации являются:

[382] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 16.
[383] Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.
[384] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 128.
[385] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 129.

- Темпоральность культурного наследия (наличие патины времени);
- Личностно-образующая роль объектов культурного наследия (они – часть нашего мировоззрения);
- Возможности создания культурного наследия в процессе интерпретации;
- Результат интерпретации неотделим от повседневности и вычленить культурное наследие от остального материального и нематериального мира невозможно.

Данные особенности, безусловно, влияют на процесс и итоги интерпретации.

Л. Г. Ионин, привлекая работы К. Клакхона и А. Кребера, аргументирует разделение культуры на три части – материальную, социальную и духовную[386]. При этом, как отмечает исследователь, традиционным делением предусмотрено членение культуры на две значительные группы – материальную и нематериальную. Согласно С. С. Аверинцеву, «Рубрикация – коренная рационалистическая установка на исчерпание предмета через вычленение и систематизацию его логических аспектов»[387]. Данная мера является необходимой для полноценного исследования. В рамках настоящего исследования, в том числе с учётом используемого инструментария, предлагается следовать общепринятой структуре культуры.

[386] Ионин, Л. Г. Основания социокультурного анализа: Учебн. пособие. – М.; Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. – 151 с.
[387] Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции : [Сб. ст.] / С. С. Аверинцев. - М. : Шк. "Языки рус. культуры", 1996. С. 163.

2.3. Музей как пространство культурно-исторической интерпретации и актуализации материального культурного наследия

Принимая во внимание вышеизложенные аргументы, отметим, что «важным инструментом в интерпретации культурного наследия традиционно является музей, выступающий особым специфичным пространством, в котором сохраняемые ценности подлежат обстоятельному анализу, рассмотрению в контексте истории и современности»[388]. О. Шпенглер в свое время восклицал: «А наши музеи, куда мы сносим всю совокупность ставшего чувственно-телесным прошлого! Разве и они не являются первостепенным символом? Разве их предназначение не сохранить, наподобие мумий, “тело” всей культурной истории?»[389]. На современном этапе развития науки «цель музейной деятельности излагается иначе, несмотря на современные дискуссии относительно роли музеев в формировании и развитии институтов общества и общества в целом»[390]. Исследованию музеев как института сохранения исторической памяти посвящен ряд научных публикаций[391]. Ключевой

---

[388] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

[389] Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 637 с.

[390] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

[391] Ананьев, В. Г. Зарубежная музеология: интеллектуальные парадигмы и институциональные структуры: автореферат диссертации … доктора культурологии: 24.00.01; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»] – Санкт-Петербург, 2019. – 48 с.; Короткова, А. В. Музейные практики США XX-XXI вв.: институциональные аспекты: автореферат диссертации … кандидата исторических наук: 24.00.03; [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет]. – М., 2013. – 24 с.; Мишуровская, О. С. Музей как семиотический феномен : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Мишуровская Ольга Станиславовна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. - Санкт-Петербург, 2012. - 22 с.; Шелегина, О. Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореферат диссертации … доктора исторических наук: 24.00.03; [Место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный университет] – Томск, 2012. – 54 с.; Кимеева, Т. И. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Притомья на основе

задачей признаётся сохранение коллективной исторической памяти. Однако, исследователи сравнительно редко обращаются к вопросам интерпретации культурного наследия в музейных условиях.

Уже в эпоху античности коллекционирование предметов искусства и их презентация в форме государственных или корпоративных коллекций становится важным направлением государственной политики. Если вначале музейные коллекции составлялись из материальных приношений богам и служили свидетельством величия главенствующей в государстве религии, то затем они начинают формироваться из трофеев, и, в свою очередь, визуализируют мощь государства и его армии. Демонстрация сокровищ с древнейших времен служила доказательством власти и могущества. Постепенная трансформация коллекций от религиозных и частных к государственным и национальным наглядно представляет изменение ведущей силы человеческого общества. По мнению одного из основоположников отечественной музеологии Н. Ф. Федорова музей, архив и библиотека в своем единстве являются местом, служащим «действительною гарантией сохранения отечества, общего происхождения, братства»[392]. Как справедливо отмечает Е. И. Поплавская, «Из истории культуры известно, что архивы, библиотеки и музеи долгое время существовали как нерасчленённое (синкретическое) целое»[393]. Сходство этих институтов сохранения культурного наследия и исторической памяти очевидно и на настоящем этапе. Однако в рамках настоящего исследования предлагается уделить более значительное и оправданное внимание музейной сфере.

интерпретации материалов собраний музеев России: диссертация … доктора культурологии: 24.00.03; [Место защиты: Кемеровский государственный институт культуры] – Кемерово, 2019. – 500 с.

[392] Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Соч. / общ. ред. А. В. Гулыга, вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семеновой. - М.: Мысль, 1982. С. 579.

[393] Полтавская, Е. И. Триединство музея, архива, библиотеки в проективной философии Н. Ф. Федорова: современная трактовка // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 565.

По мнению некоторых исследователей[394], «музеи в понимании, приближенном к современному, появляются в Италии в эпоху Ренессанса, а сам термин “музей” утвердится уже в XVI веке. До сих пор наличие специализированного музейного собрания остаётся ключевым определяющим признаком музея, закреплённым в Российской Федерации законодательно»[395]. Профессор А. А. Никонова[396] «относит к свойствам музейного предмета информативность, экспрессивность, аттрактивность, репрезентативность и ассоциативность»[397]. Одновременно исследователь выделяет три базовые функции музейного фондового предмета: функцию моделирования, коммуникационную и научно-информационную[398].

Появление первых публичных музеев и выделение тематических музеев в XVII-XVIII веках стало революцией в музейном деле, а понятие музей было распространено на доступное для посещения пространство, наполненное артефактами.

Один из основоположников музееведения, словацкий исследователь Збынек Странский предложил следующее определение музея: «Современный музей является лишь одной из исторических форм специфического отношения человека к действительности, приведшего в ходе истории к тенденции сохранения и показа избранных предметов»[399]. В настоящее время понятие «музей» трактуется как «культурная форма, исторически выработанная

[394] Сундиева, А. А. О базовых понятиях музейной науки // Музей. 2009. № 5. С. 6.
[395] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351; Федеральный закон "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации" от 26.05.1996 № 54-ФЗ.
[396] Никонова, А. А. Музейная эвристика: pro et contra // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 12-13.
[397] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.
[398] Никонова, А. А. Музейная эвристика: pro et contra // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 14.
[399] Странский, З. Понимание музееведения // Музеи мира. Сб. науч. тр. НИИ культуры. - М., 1991. С. 18-19.

человечеством для сохранения, актуализации и трансляции последующим поколениям наиболее ценной части культурного и природного наследия»[400]. В это же время, музеи рассматриваются как средство обеспечения доступа к культурным богатствам[401]. Также музей рассматривается с семиотической точки зрения. В этом случае музей «предстает в качестве знаковой системы, обращенной к обществу. Музейные экспонаты как буквы в слове формируют целые высказывания; через их значения выражают смыслы других объектов»[402]. Стоит отметить, что «все приведенные определения понятия "музей" так или иначе замыкаются на интерпретации культурного наследия, что позволяет объединить их следующей трактовкой: "Музей – пространство интерпретации наследия"»[403]. Н. Ф. Федоров утверждает, что «деятельность музея выражается в собирании и восстановлении, а не хранении только»[404]. Таким образом основоположник российской музеологии предвосхитил мысли зарубежных исследователей, пришедших к иному пониманию музея лишь ближе к середине XX века.

Тематика практической актуализации наследия чаще рассматривается в рамках музеологии и смежных ей дисциплин. При этом одновременно уже в работах Г. В. Ф. Гегеля подчеркивается перформативная природа произведения искусства как культурного жеста, способного прервать

---

[400] Словарь актуальных музейных терминов (авт.-сост. М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова, О.Е. Черкаева, М.В, Борисова, Л.П. Хаханова, Л.И. Скрипкина) // Музей. 2009. № 5. С. 49-68.

[401] Рыбак, К. Е. Музей в нормативной системе (историко-культурологический анализ): автореферат диссертации … доктора культурологии: 24.00.03; [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. - СПб. 2006. - 36 с.

[402] Борисова, М. В. Культурно-образовательная деятельность музеев // Музей. 2009. № 5. С. 34; Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

[403] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

[404] Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Соч. / общ. ред. А. В. Гулыга, вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семеновой. - М.: Мысль, 1982. С. 596.

исторические связи и служить проводником в искусственном музейном контексте.

Развернуть данные тезисы удалось в рамках исследований Джона Коттона Дана, создавшего концепцию «полезного музея». Согласно концепции, музеи в своей деятельности должны уделять важнейшее внимание не приобретению, а экспонированию и интерпретации предметов. Важнейшим условием музейного развития определяется служба местному сообществу или общине. Музей должен изменяться в соответствии с запросами своей общины, а музейная экспозиция должна обладать заметной гибкостью. Соответственно, вопрос актуализации сохраняемого в музее наследия постепенно приобретает приоритет над другими задачами музея. Работы Д. К. Даны, а также Д. Б. Гуда и Б. И. Гиллмана позволяют рассмотреть трансформацию музейной модернизации и формировании основ современного музейного менеджмента и маркетинга.

Новым шагом в музейном деле становится музеефикация среды. Появление первых музеев-усадеб, музеев-дворцов постепенно приводит к созданию музеев-скансенов. В данном случае практика опередила разработку теоретических основ. Артур Газелиус, создавший такой музей в Стокгольме и открывший его в 1891 году, может быть назван основоположником скансеологии – науки о музеях под открытым небом как естественных или искусственных пространствах, выполняющих благодаря конструированию на ограниченной территории музейной среды задачу сохранения и трансляции локальной культурной и природной идентичности.

Понятие «музейная коммуникация» ввёл в научный оборот в 1968 году канадский музеолог Дункан Ф. Камерон. Согласно его трактовке, музейная коммуникация – это процесс общения посетителя с музейными экспонатами, что доказывает необходимость привлечения к созданию экспозиций дизайнеров и художников, владеющих языком визуально-пространственной коммуникации, а также психологов и социологов, обладающих умениями в

межчеловеческой коммуникации и способных настроить «обратную связь», повышающую эффективность восприятия музейной экспозиции. В итоге развитие данной позиции привело к формированию коммуникационного подхода, представляющего посетителя полноправным участником процесса восприятия. По мнению автора, данную позицию возможно распространить на актуализацию культурного наследия в целом.

В продолжение развития концепций музейной деятельности «Музейный бум» 1960-х годов привел к созданию концепции интеграции музея с обществом. Укрепляется социальная миссия музея как инструмента человеческого познания. Позднее этот процесс привёл к формированию в 1984 году Квебекской декларации, провозгласившей поворот музеев к социальным и политическим проблемам.

В формировании современной музеологии неоспоримо влияние Лестерской школы, в первую очередь, представленное трудами таких учёных, как С. Пирс, Э. Хупер-Гринхилл и Р. Сандэлл. Сьюзен Пирс анализирует полисемантизм музейного предмета в качестве символа, особо отмечая его потенциал для аффективного восприятия. Эйлен Хупер-Гринхилл рассматривает механизм коммуникации на примере музейной экспозиции, в которой знание посредством музейного предмета конструируется совместно с интерпретатором на основе общегуманитарного знания, а не транслируется в готовом виде. Ричард Сандэлл вносит вклад в понимание музея как участника социального развития. Учёный формулирует стратегию развития музея в современном мире путём репрезентации (уровня представления определённой группы культурного наследия в культурном пространстве современности), участия (уровня вовлечённости в процессе производства культуры), доступности (уровня использования результатов культурной деятельности, в том числе, с целью получения удовольствия от такого использования). Обращаясь к современным философским концепциям, исследователи

Лестерской школы смогли обосновать стратегические приоритеты музейной деятельности, актуальные и по сей день.

В конце XX века получает распространение концепция американского культуролога Д. Клиффорда, трактующая музей как контактную зону. Музей воспринимается пространством, в котором люди устанавливают связи, преодолевая пространственную или временную дистанцию. Музейный артефакт является в данном случае инструментом диалога, своеобразным порталом, связующим людей. Весомый вклад в развитие современной музеологии внесли исследователи Восточной и Центральной Европы, разработавшие теорию музеальности. Важные выводы сформулированы в материалах И. Неуступного, Й. Бенеша, З. Странского, Л. Грегоровой, И. Ян, К. Шрайнера, И. Мароевича.

Важным этапом в развитии музеологии становится концепция экомузея Ж. А. Ривьера. В отечественной практике подобный тип, нацеленный на фиксацию, сохранение и трансляцию локальной идентичности путём сохранения природного и культурного наследия на ограниченной территории, получил название средового музея.

В дальнейшем получают распространение концепции рассредоточенного или текучего музея, сформулированные в работах английских историков К. Госдена и Ф. Ларсен, К. Хилл, а также австралийской исследовательницы Ф. Камерон. В рамках указанной концепции музей рассматривается как построенная на отношениях и внутри отношений совокупность людей и предметов, не ограниченная в пространстве. С учётом данной концепции музей приобретает неограниченное количество авторов, оказывающих на него определённое влияние.

Вслед за упомянутыми учёными различные аспекты актуализации культурного наследия путём их музейной репрезентации рассматривали отечественные исследователи Б. В. Гнедовский, М. Б. Гнедовский,

Т. Г. Богатырева, О. И. Генисаретский, С. Н. Горушкин, М. Е. Каулен, А. М. Разгон, Т. П. Поляков, А. А. Сундиева, И. В. Чувилова и др.

Одновременно отметим, что базовый для отрасли термин «музейный предмет» ещё в начале 1930-х годов ввёл в отечественный научный оборот Н. М. Дружинин. Наиболее широкое распространение и признание получили три свойства музейного предмета, характеризующие его различные стороны, – информативность, аттрактивность, экспрессивность. Д. А. Равикович сформулировал функцию музея – функция организации свободного времени, что имеет особое значение в анализе коммодификации культурного наследия. «Методы работы с культурным наследием рассмотрены в работах В. И. Плужникова. Развитию культурологических дисциплин уделено внимание в работах И. К. Кучмаевой»[405]. Анализ музеологии как самостоятельной дисциплины проведен в работах В. Г. Ананьева и Ю. М. Пищулина. К настоящему времени музейная экспозиция рассматривается как специфическая форма публикации научной работы, осуществлённой в процессе комплектования музейных предметов, их изучения и научного описания.

Прошедший в 1930 году Первый Всероссийский музейный съезд утвердил положение о музейной экспозиции как языке идей, а не языке вещей. Засилье идеологии в музейной экспозиции интересно в качестве яркого примера использования наследия в качестве инструмента достижения целей государственной политики.

Одним из важнейших достижений музеологии можно назвать формирование экспозиционного решения по принципу академического ряда. Чёткая череда артефактов оказывается нанизанной на явную смысловую канву. Каждый предмет выступает иллюстрацией определённой темы,

[405] Пиляк, С. А. Проблемные контуры методов актуализации наследия в философском осмыслении // Ценности и смыслы. 2022. № 2 (78). С. 18–27. https://doi.org/ 10.24412/2071-6427-2022-2-18-27

последовательности, идеи. Современные экспозиции также базируются на указанном принципе.

Важной задачей музея как института сохранения и интерпретации культурного наследия является не только физическое сохранение объектов наследия, но и уточнение культурных ценностей[406]. Музей способен выступать арбитром в определении эстетических и духовных ориентиров общества. В локальном рассмотрении эта функция проявляется в проведении музейными специалистами экспертиз произведений искусства и исторических артефактов.

А. Мальро[407] отмечает: «Роль музеев в восприятии нами произведений искусства столь велика, что нам трудно даже представить себе, что за пределами современной европейской цивилизации их вообще не существовало, да и в Европе-то музеи существуют менее двух столетий»[408]. В основе музейной деятельности лежит работа по избранию предметов и их публикации в заданном реконструированном контексте, что даёт основание трактовать её как интерпретацию[409]. Пространство музея при этом предстаёт в качестве уникальной по своим качествам и возможностям научно-креативной институции, всецело отвечающей задачам выстраивания восприятия артефакта. «Интерпретация музейной экспозиции возникает уже и на уровне создания экспозиции в работе научных сотрудников и художников-экспозиционеров, которые всё чаще ориентируются на исследования музейной социологии, музейной психологии с учётом результатов маркетингового анализа»[410]. Задачей музея также продолжает оставаться

---

406 Дриккер, А. С., Маковецкий, Е. А. Музейный храм // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 28.

407 Захарченко, И. Н. История искусства в границах визуального архива: Аби Варбург и Андре Мальро/ Актуальные проблемы теории и истории искусства - 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. - СПб.: НП-Принт, 2018. С. 752-754.

408 Мальро, А. Зеркало лимба: Сборник. - М.: Прогресс, 1989. - 515 с.

409 Борисова, М. В. Культурно-образовательная деятельность музеев // Музей. 2009. № 5. С. 35.

410 Ересова, В. В. Модернизация музейной коммуникации в условиях общества потребления // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 95.

объяснение ценности артефакта, в том числе для современного человека, а также рассмотрение артефакта в контексте комплексного связного процесса, последовательности явлений и действий.

С учётом вышеизложенного логично формирование узкопрофессионального понятия музейной интерпретации, трактуемого как «сложный, многоуровневый процесс истолкования объектов культурного и природного наследия в контексте собрания музейного, экспозиции музейной, либо музейного дискурса в целом»[411]. Закономерно, что «во всех определениях музейного предмета подчёркивается его важнейшая характеристика – способность служить первоисточником знаний и эмоций»[412]. Анализируя музейное пространство, исследователи выделяют понятия экспозиционного и коммуникативного пространств, определяя ключевым признаком главного персонажа – экспоната в первом случае и человека во втором[413].

Обратимся к работам современных музеологов. Трансформация основного предмета показа в музее привела к осознанию того, что «главное для посетителя в музее – это впечатления, они же являются основным музейным продуктом, в то время как ранее музей представлялся в первую очередь как образовательный и научный центр и приобретение новых знаний имело первостепенное значение»[414]. Призванием музея является рассказ о ценности и уникальности раритета. Отметим, что наиболее логичным вариантом достижения цели является рассмотрение предмета в качестве звена цепи какого-либо процесса. «Таким образом предмет выступает в качестве

---

[411] Словарь актуальных музейных терминов (авт.-сост. М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова, О.Е. Черкаева, М.В. Борисова, Л.П. Хаханова, Л.И. Скрипкина) // Музей. 2009. № 5. С. 49-68.

[412] Сундиева, А. А. О базовых понятиях музейной науки // Музей. 2009. № 5. С. 8.

[413] Ермоленко, Е.В., Явейн, О.И. Летние павильоны галереи Серпентайн. Временная архитектура для временного искусства? // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2001. С. 202.

[414] Ересова, В. В. Модернизация музейной коммуникации в условиях общества потребления // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 93.

обоснованного аргумента-иллюстрации к рассказу, который “пишет” куратор. Если предмет играет в разных пьесах разные роли, то сама пьеса зависит лишь от куратора – драматурга и режиссёра»[415]. Напротив традиционных направлений работы музея – сохранения, публикации, популяризации – в последнее время всё более заметно обозначается цель полноценной интерпретации музейного собрания. Н. Ф. Федоров утвердил общий тезис о том, что «музей есть выражение памяти общей для всех людей»[416]. Однако при этом «постепенно утрачивается понимание музея как института памяти, генерирующего новое научно-обоснованное знание о прошлом, а не “припудривающего” уже известные факты истории»[417]. Однако разрешение вопроса о трансформации научной деятельности в музее является предметом самостоятельного исследования.

Главенствующая в настоящее время коммуникационная модель музейной деятельности предусматривает рассмотрение любого музейного процесса, будь то хранительская, экспозиционная, экскурсионная работа, в качестве коммуникационного процесса. Основоположником теории является Д. Камерон[418]. В отечественной музеологии указанная теория была усовершенствована А. Ю. Волькович[419]. Музей в данном случае воспринимается одновременно в качестве источника и основного инструмента коммуникации в трансляции смыслов, связанных с сохраняемыми коллекциями.

---

[415] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

[416] Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Соч. / общ. ред. А. В. Гулыга, вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семеновой. - М.: Мысль, 1982. С. 597.

[417] Никонова, А. А. Музейная эвристика: pro et contra // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С .13.

[418] Cameron, D. A Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // Curator. 1968. Vol. 11. P. 33-40.

[419] Волькович, А. Ю. Модель музейной коммуникации в концепции зарубежных музееведов // Музей в современной культуре. - СПб, 1997; Волькович, А. Ю. Музейная экспозиция как семиотическая система. Автореф. дисс. … канд. культурол. - СПб, 1997.

При этом на протяжении многих лет развития коммуникационной теории сохраняется понимание выставочно-экспозиционной деятельности в качестве основной коммуникации музея. «Коммуникация при этом рассматривается как процесс интерпретации и считывания культурных значений (смыслов), закладываемых музейными работниками»[420]. Отметим, что подобная коммуникация может также рассматриваться в качестве адаптации наследия для упрощения восприятия.

Ответом на данные вызовы стало то, что «одновременно в последние годы развивается коммеморативная теория музейной деятельности, рассматривающая музей в качестве пространства сохранения исторической памяти»[421]. «Под коммеморацией обычно понимают ряд практик или сингулярных событий, направленных на актуализацию “контента” “культурной памяти”, а также на его обновление или усвоение»[422]. «В определённом смысле в рамках данной теории музеи вполне можно назвать центрами идеологической работы. Конструирование национально-государственной идентичности путём формирование тематических экспозиций и презентации предметов, имеющих особое происхождение, ведёт начало ещё от языческих храмов, в которых размещались трофеи, иллюстрирующие культуру и историю поверженных врагов. Следовательно, коммеморативная теория, как и прочие, лишь рассматривает в особом разрезе процессы, имеющие место на протяжении значительного времени»[423]. Заметим, что «оценивая роль российских музеев в системе коммеморативной культуры, мы можем отметить, что потенциал музея в данной области

---

[420] Смирнов, А. В. Современный музей: коммуникация или коммеморация // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 19.

[421] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html.

[422] Смирнов, А. В. Современный музей: коммуникация или коммеморация // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 22.

[423] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562.

используется не полностью»[424]. Можем предположить, что полноценное практическое применение преимуществ музейной среды в указанном направлении может сформировать предпосылки для новых революционных сдвигов в культурной отрасли.

В продолжение темы отметим, что, «осуществляя рассмотрение и анализ коммеморативных практик, профессор А. В. Смирнов выявляет их отличие от инструментов идеологического воздействия»[425]. Иначе, в пространстве музея «“транслируется” уже не информация, но определённый социальный опыт, опыт переживания и опыт причастности к событию. Одной из форм приобретения подобного опыта становится посещение музея, рассматриваемое как попытка индивида отождествить себя с прошлым, оказаться сопричастным ему»[426]. Необходимость обращения к различным аспектам культуры вызвала появление формата универсального музея. Политематические коллекции, включающие как произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, объекты природного наследия, мемориальные и технические артефакты, дали со временем развитие Эрмитажу, Русскому музею, сотням краеведческих музейных институций.

В поисках границ применимости музейных форматов представляется целесообразным отметить, что «исследователь Игорь Евлампиев, анализируя понятие музея в контексте европейской модели культуры, приходит к неожиданному на первый взгляд пониманию реализации идеи универсального музея. Рассмотрение всемирной информационно-телекоммуникационной сети в подобном контексте, как всемирного и доступного музея, позволяет

[424] Беззубова, О. В. Музей и политика памяти // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 77.
[425] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html.
[426] Смирнов, А. В. Современный музей: коммуникация или коммеморация // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 23.

значительно расширить понимание применения цифровых технологий»[427]. «В конечном счёте идея универсального музея оказалась близкой к воплощению не в виде реального музея, а в виртуальной форме, которую предоставило появление Интернета»[428]. Д. С. Василина, «анализируя активное распространение виртуальных музеев, приводит немало доводов в пользу дальнейшего активного развития этого формата музейной деятельности»[429]. При этом учёный заключает, что «что при работе в сети Интернет уменьшается работоспособность, мозг со временем начинает ожидать поступления информации в том виде, в каком её распространяет сеть – в виде стремительного потока. Мышление становится отрывочным, чтение – поверхностным»[430]. Следовательно, очевидной задачей цифровой презентации наследия остаётся формирование интереса к подлиннику.

Существующие виды и формы музеев

Понятие «музей» в разных контекстах расшифровывается по-разному. Трактовка этого базового, в том числе и для нашего исследования, понятие, долгое время являлась предметом профессиональной дискуссии. Обоснованные и аргументированные позиции колебались в широком диапазоне от площадки хранения и презентации избранных культурных ценностей до института профессиональной научной деятельности по выявлению, хранению и публикации артефактов. Федеральный закон «О

[427] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.
[428] Евлампиев, И. И. Идея музея в контексте европейской модели культуры и ее постмодернистское отрицание // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С .107.
[429] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.
[430] Василина, Д. С. Виртуальный музей как феномен современной культуры // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 101.

Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» рассматривает музей как «некоммерческую организацию, располагающую специфичным собранием имеющих материальное воплощение артефактов, расположенных в доступных для посетителей помещениях или на территориях»[431]. В качестве уникальных форматов музейных учреждений традиционно рассматриваются музей-заповедник, город-музей и музей-село. Вновь обратимся к нормативной литературе. Официальная трактовка понятия музея-заповедника приведена в отраслевом Федеральном законе от 23.02.2011 № 19-ФЗ: «Музей-заповедник – музей, которому в установленном порядке предоставлены земельные участки с расположенными на них достопримечательными местами, отнесенными к историко-культурным заповедникам, или ансамблями»[432]. Объекты музейного показа, комплекс которых формирует неповторимый ансамбль и одновременно собрание музея-заповедника – уникальная историко-культурная территория, а также расположенные на ней здания, природные объекты, руины, иные объекты культурного наследия – сохраняются в едином комплексе.

Т. Адорно отмечает: «Немецкое слово музейный (museal) имеет неприятный оттенок. Оно описывает предметы, с которыми зритель более не находится в живой связи и которые находятся в процессе умирания. Они обязаны своим сохранением больше исторической ценности, чем потребностями настоящего. Музей и мавзолей связаны не только фонетической ассоциацией. Музеи – это фамильные усыпальницы произведений искусства»[433]. В данном контексте стоит упомянуть распространённый в профессиональном музейном сообществе каламбур,

[431] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.
[432] Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации".
[433] Adorno T. W. Valéry Proust Museum // Prisms: Cultural Criticism in Society. London: Neville Spearman, 1967. – 176 p.

соединяющий понятия музеефикация и мумификация. Такая позиция способна служить самостоятельным обоснованием множественности воплощений объекта культурного наследия.

Как подмечает профессор И. И. Евлампиев, анализируя художественную культуру XIX века, «во второй половине века музей становится главным из возможных мест существования произведений искусства»[434]. Соответственно, с учётом дальнейшего размещения, меняются формы и масштаб художественных произведений; трудно представить крупную инсталляцию в жилом интерьере. Художники и скульпторы переходят от камерных произведений к более значительным по размеру, рассчитанным на восприятие экскурсионной группой, причём на достигаемой преимущественно в музейных условиях дистанции. Подходы малых голландцев становятся невостребованными у современных творцов.

Таким образом, позиция музея в отношении произведения искусства колеблется в широком диапазоне от единственно возможного пространства существования до «усыпальницы» и «склада». Такой широкий разброс, естественно, отражается и на понимании функции современного музея.

Изложенные положения выводят на поверхность проблему, заключающуюся в том, что «современное законодательство в сфере музейного дела имеет определённое несовершенство с точки зрения философской традиции интерпретации»[435]. С учётом существующих практик нельзя забывать о том, что действующее российское законодательство признает лишь музейные предметы, имеющие материальное выражение.

В зависимости от подчинения и признака принадлежности музеев, выделяются государственные, ведомственные, общественные,

---

[434] Евлампиев, И. И. Идея музея в контексте европейской модели культуры и ее постмодернистское отрицание // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 108.

[435] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

муниципальные, частные, церковные музеи. По профилю выделяются исторические, художественные, литературные, музыки и театра, естественнонаучные, науки и техники, промышленные, педагогические, комплексные музеи[436]. Существуют авторские варианты систематизации музеев, рассмотрение которых, однако, не способствует решению задач нашего исследования.

Методология музейной деятельности

Формирование методологии музейной деятельности осуществлялось одновременно с генезисом музея как социального института. Теоретическое оформление понимания своеобразия музейного пространства в контексте актуализации наследия является российским достижением. На рубеже XIX-XX веков основатель философской интерпретации музея Н. Ф. Фёдоров отмечал, что «от памяти, т. е. от всего человека, родились музы и музей. Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мёртвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями. Музей есть выражение памяти, общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц»[437]. Развитие кураторского подхода в создании экспозиций и

[436] Чувилова, И. В. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20-25.

[437] Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Соч. / общ. ред. А. В. Гулыга, вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семеновой. – М.: Мысль, 1982. С. 575-604.; Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – Т. I. – 518 с.; Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – Т. II. – 498 с.; Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Традиция, 1997. – Т. III. – 744 с.; Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Традиция, 1999. – Т. IV. – 688 с.; Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. /

музеев привело, так же, как и в режиссерском театре, к формированию набора штампов. Общепринятые приёмы, некогда ставшие творческой удачей, после многократного повторения утрачивают свою результативность и становятся зримыми символами профессии, но не профессионализма. Для краеведческих музеев подобным приёмом является устройство условной афишной тумбы, обклеенной фотокопиями объявлений и афиш, для художественных – имитация дворцового интерьера в залах живописи XVIII-XIX веков, для военных – парк военной техники под открытым небом. Обратимся к излюбленному, но уже потерявшему былую свежесть приёму – созданию реплики афишной тумбы. Граненая или цилиндрическая тумба, установленная в интерьере, позволяет создать иллюзию присутствия на открытом пространстве. Особенно часто тумба устанавливается в экспозициях, посвященных периоду рубежа XIX-XX веков, а также экранному или театральному искусствам. Тумба позволяет разместить на экспозиции копии афиш, объявлений, в целом выступает в качестве средообразующего элемента. Важным свойством является то, что оригиналы афишных тумб в коллекциях музеев практически не встречаются, что позволяет избежать конфликта подлинника и муляжа, исказившего не одну музейную экспозицию.

В настоящее время одной из важных тем, стоящих перед профессиональным сообществом, является вопрос музейного маркетинга. Указанная работа позволяет привлечь в музей новые аудитории посетителей, обратить внимание на музей и его коллекции, и т.д. Ряд успешных музейных проектов, реализованных в последнее время в крупных художественных музеях и выставочных объединениях, даёт достаточное представление о масштабе этих проектов.

Понятие интерактивного компонента в концепции современного музея трудно переоценить. Музейная сфера в настоящее время связана с обилием

Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Традиция, 2000. – Т. Дополнения. Комментарии к Т. IV. – 638 с.

новых участников процесса – частных и корпоративных музеев, вносящих известные новеллы в извечную гонку за посетителем. Желание увлечь гостя, привлечь его к себе и создать условия для повторных визитов стимулируют музейщиков использовать формы культурно-массовой и клубной работы. В некоторых случаях музеи становятся подобием аттракциона, что может вызвать справедливую критику со стороны маститых коллег. Однако интерактивные формы работы, между тем, активно входят в арсенал всех музеев, независимо от формы собственности.

Интерактивные формы работы, как уже неоднократно отмечалось, формы, нацеленные на то или иное вовлечение посетителя, требующее обратной реакции, подчас самой неожиданной. В целом при этом формируется определённая эмпатия посетителя к музею, поскольку в самом музее уже есть доля сознания самого посетителя.

Традиционное для академического музея собрание художественных и исторических коллекций не требует отзыва, оно нуждается в неторопливом скрытом индивидуальном осмыслении. Уже форма экскурсии, предполагающая сжатый рассказ, сопровождающийся показом предметов и коллекций как вид коллективного ознакомления, в известной мере купирует самостоятельную реакцию посетителя. Однако это форма на рубеже XIX-XX веков позволила музеям справиться с возросшим вследствие ряда причин туристическим потоком. Однако сейчас экскурсия, в своё время новаторский метод, воспринимается как чрезвычайно архаичный формат работы с посетителем. Со временем интерактив, возможно, постигнет та же участь.

Рассмотрим кратко основные виды интерактивных форм работы. Интерактивная экскурсия предполагает, как правило, небольшой фрагмент обоюдного, двустороннего общения экскурсовода и экскурсанта. Экскурсовод может при этом ограничиться парой вопросов к публике, чтобы несколько оживить аудиторию, либо развить целый сценарий, предусматривающий активные действия со стороны музейного посетителя. В подавляющем

количестве случаев такая форма работы приветствуется музейными гостями. Театрализованная экскурсия обычно внедряет в сознание зрителя и участника один или несколько образов, связанных с темой экскурсии. Игровая программа предусматривает освоение тем и смыслов в формате игры на определённые мотивы, связанные с профилем и тематикой музея. Новое развитие в последнее время получили музейные квесты. Достижение цели по заданному сценарию позволяет участникам программы воплотить образы, отраженные в музейной экспозиции.

В данном случае сохраняется основной принцип экскурсии – последовательный рассказ с показом предметов или коллекций. Количество персонажей при этом может варьироваться от одного до бесконечности, причём количество в данном случае вовсе не гарантирует качества. В современном этапе есть момент совмещения фигур экскурсовода и персонажа. «Заметим, что все рассмотренные виды интерактивных форм работы нередко используются в составе одной программы, что позволяет выстроить цельный сценарий и сформировать конкурентоспособный туристический продукт»[438]. В случае, когда это совмещение органично, это позволяет получить нужный эффект.

К настоящему моменту музейная сфера представляет вполне сформировавшуюся самостоятельную отрасль. Существуют основные участники музейного процесса – музеи и их аудитория. Существуют специализированные образовательные и научные организации, вспомогательные организации, в том числе творческие музейные мастерские, реставрационные мастерские, предприятия по производству выставочного оборудования, программного обеспечения, общественные организации и профессиональные объединения. Все органы власти, курирующие сферу культуры, за небольшим исключением, имеют специализированные

[438] Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

структурные подразделения, осуществляющие контроль и управление музейной сферой. Наконец, существует комплекс нормативных актов. Естественно, при таком серьезном обособлении, неминуемо возникает профессиональный музейный жаргон и своеобразный комплекс шаблонов и штампов в деле интерпретации культурного наследия.

Ярким примером является презентация значительного числа мелких по размеру однотипных предметов в композиции «золотой рог». Возможность представить концепт обилия на музейных предметах недвусмысленно сообщает о богатстве коллекции, что в переносном смысле может сообщать и о культурном и духовном богатстве. Таким образом известный образ античной культуры находит себя в нашей современности. К примеру, нередко клад монет экспонируют россыпью, закомпонованной с керамическим сосудом или сундуком. Такое решение, применённое ещё в экспозициях XIX века, к настоящему моменту уже потеряло былую свежесть. Однако это не отменяет возможностей реинкарнации подобной композиции.

Во многом причиной этого явления является музейный бум, в несколько этапов увеличивший количество музеев в мире до современного уровня. Первым этапом можно назвать период внимания к национальной идентичности на рубеже XIX-XX веков. В желании сохранить артефакты национальных и государственных культур музей становится наиболее удобным инструментом сохранения и трансляции наследия. Неслучайно именно в это время активно расширяется количество публичных музеев, уже в конце XIX века составляющих большинство от общего числа. Антропоцентричная природа 1960-х годов, укрепившая веру в человека и его достижения, значительно расширила диапазон музейной деятельности. Музеи техники, природы, архитектуры и этнографии становятся не только распространённым форматом, но и образуют целые сети со значительным региональным присутствием.

Очередной пик формирования музеев в 1990-х годах в России возникает на фоне попыток формулирования национальной идеи. Для поиска локальной идентичности решением становится массовое оформление местных музеев. При этом все этапы музейного бума не сопровождались таким же скачкообразным увеличением количества подготовленных профессионалов. В итоге обилие специалистов из иных отраслей привело к расширению поверхностного подхода к интерпретации культурного наследия.

По итогам анализа вышеизложенного, возможно обратиться к механизмам музейной работы с целью систематизации интерпретации как метода человеческого мышления. Аналогичные механизмы интерпретации действуют и в музейной работе. Как отмечают исследователи, «привлечение других собраний может дополнить экспозицию и представить зрителю совершенно новый исторический взгляд»[439]. Основой музея, как и ранее, являются музейные предметы и музейные коллекции, составляющие музейное собрание. В соответствии с контекстом предмет обретает определённое значение, влияющее на его смысл, который, естественно, зависит от многих обстоятельств.

Презрение к наследию, выраженное желанием «сдать его в музей», необязательно гарантирует забвение. Хрупкое и непонимаемое, наследие нуждается в особых условиях для того, чтобы быть по́нятым. Необходимой рамой, подчеркивающей своеобразие наследия и зримо демонстрирующей его ценность, и является музей.

Музей способен сократить разрыв между желаемым и действительным, выстроив отличную от реальной картину мира, опираясь на артефакты. Подобной платформы для разрешения противоречия мы ещё не видели до сих пор. Подводя итог, мы можем заключить, что «”Музей” в современном

[439] Хасегава, Ю. Новое музееведение и кураторская практика / Актуальные проблемы теории и истории искусства - 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. - СПб.: НП-Принт, 2018. С. 930-931.

значении – это не только здание для экспозиции коллекций, но и сама коллекция, экспонат, все накопленное за годы и переработанное в архитектуру; это память о многих разных музеях, о событиях, происходящих в нем; совершенно иной образ, иной смысл»[440]. Музей в настоящее время явно преодолевает собственные, как физические, так и ментальные границы, превращая в музей всё, что встречает на своем пути. Угол обзора музея постоянно растет, обращаясь в полный круговой обзор.

Музеи всегда предлагают иную реальность, организуя артефакты в ином порядке, способном подчеркнуть их особые качества. Искусственность этой новой реальности подчеркивается условиями восприятия. Как известно, определённая доля посетителей музея не столько внимает уникальным творениям искусства и памятникам истории, сколько примитивно любуется на чистые полы, высокие потолки, украшенные лепниной – словом, впитывает те новые для себя нетрадиционные условия, являющиеся рамой холста наследия.

Музей есть воспроизведение мира в ином изводе. За счёт изобразительных средств у экспозиционера возникает уникальная возможность показать мир иным, обладающим другими качествами. Нередко возникает возможность углубиться в утопию.

Музей позволяет придать организованный систематизированный характер изучению предмета. Разрозненность исследований, свойственная, к примеру, для Смоленской крепости, может и должна смениться на единый структурный вектор, вовлекающий исследователей на благо темы исследования. Музейная задача в этом случае прозрачна и понятна. К тому же это много делает для укрепления музейного авторитета.

В музейной деятельности чрезвычайно важен баланс негатива и позитива. В музеях военно-исторической тематики, к примеру, непросто

[440] Ермоленко, Е. В., Явейн, О. И. Летние павильоны галереи Серпентайн. Временная архитектура для временного искусства? // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. - М.: МАРХИ, 2001. С. 197.

представить трагические события таким образом, чтобы у посетителя не возникало мощного отторжения к этой информации в принципе. Одновременно профилактическая роль музеев в предупреждении рецидива страшных событий предусматривает обращение к трагическим страницам истории. Необходимость известной адаптации информации не должна означать её подмену. Адекватное методическое сопровождение должно точнее преподносить смысл, с учётом индивидуальных особенностей восприятия.

Соответственно, возможно выделить следующие этапы музейной деятельности:

1. Обзор общей картины, объединяющей несколько потенциальных объектов интерпретации. Объект признаётся артефактом;
2. Выявление отдельных объектов интерпретации, привлекающих внимание интерпретатора;
3. Приобщение объекта интерпретации и субъекта интерпретации, формулировка ценности объекта интерпретации. Объект становится музейным предметом;
4. Изучение объекта интерпретации;
5. Формулировка смысла объекта интерпретации, его трансляция для иных субъектов интерпретации. Объект становится экспонатом.

Таким образом, музей следует рассматривать в качестве примера одного из наиболее специфичных и последовательно созданных пространств, сформированных в целях полноценной интерпретации культурного наследия, а представленные этапы – возможно транспонировать в отношении интерпретации других объектов культурного наследия.

2.4. Культурфилософское осмысление интерпретации культурного наследия как инструмента манипуляции

Потенциал культурного наследия в качестве инструмента манипуляции, в первую очередь, объясняется тем, что «культура человечества – это активная память человечества, активно же введённая в современность. Запоминается то, что нужно; путём памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, общественные институты»[441]. Согласно одному из определений, культура – «это не то, что можно непосредственно наблюдать в действительности, а то, что мы выделяем в ней в качестве чего-то для нас важного и ценного»[442]. Такая трактовка допускает возможность искусственного выделения «важного» и «ценного».

Кроме этого, культурное наследие способно преображать действительность, выступать в качестве инструмента усложнения, масштабирования локальной идентичности. От восприятия современности к постижению многомерной локальной идентичности. Наследие даёт возможность обратиться к путям развития и исторической миссии территории, достижений и триумфов предков, спроецированных на современные реалии, что способно служить инструментом культурного и идеологического развития в целом. Стоит отметить, что указанные методы вполне применимы для территории любого масштаба – от локальной до межнациональной.

Одновременно с этим, к сожалению, наследие воскрешает и негативные образы прошлого. Однако поколения специалистов по интерпретации истории научились обращать эти образы на пользу. Возможным сценарием является формирование сравнительной связи между негативом, иллюстрируемым объектом наследия и позитивом, декларируемым

[441] Лихачёв, Д. С. Письма о добром. Письма к молодым читателям. Письмо сорок первое. Память культуры. СПб., 1999. // Грани эпохи: электрон. журн. URL: http://grani.agni-age.net/edu/likhachev14.htm (дата обращения 07.05.2019).
[442] Межуев, В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. - М., 2006. С. 277.

современной средой или потенциальным будущим. Соответственно, этот инструмент также предполагает интерпретацию культурного наследия.

Наследие способно примирять противоборствующие стороны, через приобщение к нему – реализовать стремление человека к познанию мира и осмыслению человеком своего места в нём. Наследие как созданный человечеством артефакт по определению вызывает у человека эмпатию, поскольку сопричастно как прошлому, так и настоящему. Культурное наследие – высшая ценность государства, осязаемый авторитет прошлого, служащий укреплению авторитета настоящего.

При этом С.А. Семедов обращает особое внимание исследованию русофобии, проявившейся, в первую очередь, в игнорировании «… роли и значения и вклада великой русской культуры в мировую»[443]. Культурное наследие в условиях «отмены культуры» обречено стать жертвой сиюминутных непродуманных действий. С учётом невозобновимости наследия последствия отдельных принятых решений могут быть угрожающе масштабными.

Как отмечают современные исследователи, «одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед современными государствами, является обеспечение национального мира и единства, формирование общенациональных социальных и духовно-культурных основ общества»[444]. Естественно, что само «обеспечение мира» как самостоятельное понятие находит большое количество вариантов интерпретации и не менее значительное количество сценариев реализации. Заметное внимание в данном случае уделяется созданию желаемого информационного поля, что в известной мере зависит от восприятия и интерпретации как отдельных

[443] Семедов, С. А. Противодействие экстремизму и терроризму как проблема национальной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 8 (466). С. 10–20. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10802.

[444] Швецова, А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 653.

событий, так и культурных ценностей и культурного наследия. «Возвращаясь к прошлому, люди в очередной раз надеются найти там свою мечту о “золотом веке”. Именно в прошлом ищут доказательства величия нации, а неудачи подвергаются забвению»[445]. Культурное наследие, во многом формирующее национальную и региональную идентичность, нередко в таком случае становится ресурсом в достижении желаемого: «результаты переформатирования культурного кода (не требующие прямого использования военных или экономических рычагов) могут сравниться с последствиями применения оружия массового уничтожения или крупного военного конфликта»[446]. Обособление культурного пространства невозможно без зримых символов и их осмысления. Выбор символов и предлагаемого догматического осмысления являются исключительно идеологическими мероприятиями, требующими интеллектуального ресурса.

Как известно, «всякая творческая деятельность основывается на ценностной системе»[447]. Важнейшим следствием творческой деятельности является трансляция этих культурных ценностей. Кроме этого, культура способна выступить инструментом формирования мотивации. Принятие любых решений базируется на анализе условий, при которых принимаются решения. В случае, когда весомым условием среды становится любовь к родине, стремление оказать поддержку близкому региону или локальной территории, естественным будет принятие решения с учётом вышеизложенных и подобных им факторов. Мотивационная роль культуры напрямую связана с понятием культурного суверенитета, введённого С. Ф. Черняховским[448]. А. Л. Казин в указанном контексте применяет понятие

---

[445] Емельянова, Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 95.

[446] Ахромеева, Т. С., Малинецкий, Г. Г., Посашков, С. А. Культура. Самоорганизация. Моделирование // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 3. С. 261.

[447] Коростелев, Н. Ю. О роли и значении современной государственной культурной политики // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 106.

[448] Черняховский, С. Ф. Политическая культура : государственная политика и философия будущего. [Текст]: монография / С. Ф. Черняховский, отв. ред. С. Ф. Черняховский;

интерпретативной политики[449]. Как в рамках разработки указанного проблемного поля утверждает А. Л. Казин, «Медиакратия является сегодня универсальным инструментом анонимной власти, выстраивающей “общество спектакля”, где любая жизненная и культурная ситуация подаётся как материал для зрелища»[450]. Интерпретация ранее адаптированного материала обладает известной предсказуемостью, а её результат может быть с большой долей вероятности спрогнозирован.

Как указывают современные исследователи, «избирательность человека по отношению к тем или иным сторонам культуры, с которой он себя идентифицирует, поддаётся высокой степени воздействия извне»[451]. При этом, помимо моды, массовых вкусов и стереотипов, данный процесс благодаря применению «гуманитарных технологий» может корректироваться множеством заинтересованных сил. Ведущей силой среди них в отечественных реалиях стоит признать государство, реализующее комплекс мер в рамках реализации государственной политики в сфере культуры и образования. Исследователи утверждают, что «действие искусства на разум может оказаться вредным в двух случаях: во-первых, оно заставляет верить в то, во что без него не поверили бы, и, во-вторых, заставляет думать о вещах, о которых иначе не думали бы, некстати и бесцеремонно вводя эти вещи в круг повседневных мыслей»[452]. Как отмечают исследователи, «поэтому ложные знания <…> лежащие в основе фундамента современного общества, привели к тому, что люди сами создают себе “конец света” и позволяют манипулировать собой с помощью средств массовой информации»[453].

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. - М. : Институт наследия, 2019. - 254 с.

[449] Казин, А. Л. Культура и государственность: учебное пособие / РИИИ. СПб., 2019, 132 с.

[450] Казин, А. Л. Культура и государственность: учебное пособие / РИИИ. СПб., 2019. С. 29.

[451] Иконникова, С. Н., Леонов, И. В. Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 9.

[452] Рёскин, Дж., Лекции об искусстве. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2006. С. 98.

[453] Викторов, А. Ш. Противостояние «пустого и полного мира» как кризис современной цивилизации // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении

Представленные тезисы лаконично объясняют весомость потенциала манипуляции в данной сфере.

Культура любого социума характеризуется, в значительной части, характерными для неё архетипами. Нередко культурные архетипы выступают основным мерилом границы свой-чужой. Хрестоматийным примером является использования американскими часовыми образа Микки Мауса на фронтах Второй Мировой войны для идентификации военнослужащих. Подобных примеров мы можем найти множество. Победа в Великой Отечественной войне является важной культурной ценностью[454], символическим капиталом, служащим ресурсом достижения общественного согласия.

Рассмотрение цивилизации как «уникальной суперэтнической социальной общности, развернутой в истории и охватывающей собой всю совокупность человеческих практик – духовных, культурных, государственных, технологических»[455] даёт понимание о месте и ценности культуры. Также возможно встретить трактовку цивилизации как «области присутствия человека в мире, освоенной и произведенной человеком (имманентной ему) сферы существования»[456], то есть окультуренного пространства. Наиболее лаконичным является определение И. М. Угрина: «цивилизация – это культура, которая нашла форму для своего окончательного

глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 111.

[454] Арсланова Е. Б. Великая Победа 1945 года как основополагающий ритуал России (в контексте национальной идентичности) / Е. Б. Арсланова (Михайленко) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. - 2011. N 1 (86). С. 13-25.

[455] Беспалова, Т. В. Мировоззренческие основания цивилизационного подхода: к постановке проблемы // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018-2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 33.

[456] Казин, А. Л. Культура и государственность: учебное пособие / РИИИ. СПб., 2019. С. 16.

выражения»[457]. Как видно, цивилизация и культура являются родственными понятиями.

Как отмечают исследователи, в настоящее время культурному наследию отводится особая роль «… как фактору национальной идентичности, укрепления социальной сплоченности, активизации гражданского сознания, формировании чувства сопричастности территории»[458]. Обеспечивая преемственность поколений, наследия также выполняет ритуальную роль. Осознание особого значения артефакта в результате повторяющихся процессов способно по-своему решить задачу сохранения.

Те идеалы, которые пронизывают создание произведений искусства, зачастую созвучны темам государственности. Искусство в нашей стране всегда воспринимается как служение идеалам государственного строя, православия или иной ценностной системы. Следовательно, отношения государства и творца, в особенности в России, всегда представляет собой сложный многоаспектный процесс, наполненный драмой, конфликтами.

Понятие культурной политики зачастую трактуют как комплекс целей и задач, методов, форм и подходов, позволяющих достичь желаемого в сфере культуры. Такое определение следует признать неполным. В. С. Жидков и К. Б. Соколов «трактуют культурную политику как специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни, сводящийся к воздействию на личность с целью формирования её картины мира»[459]. Прямое влияние на результат интерпретации действительности как практический результат осуществления культурной политики требует дополнительного рассмотрения.

---

[457] Угрин, И. М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; И.М. Угрин. – М. : ИФ РАН, 2017. С. 88.
[458] Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А.Я. Рубинштейна – М.: Государственный институт искусствознания. 2016. С. 5.
[459] Жидков, В. С., Соколов, К. Б. Культурная политика России: теория и история: Учебное пособие для вузов / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. - М., 2001. С. 64-112.

При трактовке политики как искусства управления обществом, понятие культурной политики следует в общем смысле расшифровывать как искусство управления ценностями и смыслами общества. Понятие культурной политики введено в научный оборот в докладе ЮНЕСКО «Политика в сфере культуры – предварительные соображения» 1967 года: «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры, всю сумму сознательных и обдуманных действий <...> в обществе, направленных на достижение определённых культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время»[460]. По нашему мнению, оптимальное использование духовных ресурсов предусматривает, в том числе, и актуализацию культурного наследия.

Анализируя очерченную проблематику, заметим, что «ключевым субъектом государственной культурной политики следует признать государство, располагающее наибольшими ресурсами и возможностями воздействия на культурную жизнь. В данном случае инструментами государства становятся определённые методы управления наукой, искусством, религией, результат которых заключается в выработке и транслировании государственной идеологии с помощью системы образования и средств массовой коммуникации»[461]. В российских реалиях понятие государственной культурной политики или политики государства в области культурного развития зафиксировано законом Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»: «Государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) – совокупность принципов и норм, которыми

[460] Cultural policy: a preliminary study. (Paris: UNESCO, 1969). P. 5, 7.
[461] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html

руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры»[462]. При этом Основы государственной культурной политики (утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, далее дополнены) предлагают иное определение понятия: «культурная политика – действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»[463]. Помимо прямого обращения к теме сохранения наследия, в базовой трактовке декларируется обращение к сформировавшейся, то есть уже укоренившейся и доказавшей собственную состоятельность системе ценностей.

Следует заметить, что культурная политика прямо или косвенно отражена и в других документах стратегического развития Российской Федерации[464]. Целями государственной культурной политики закреплены приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основа экономического процветания, государственного суверенитета и

[462] Закон от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

[463] Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, с изменениями).

[464] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683; Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы, утвержденная приказом Министерства культуры Российской Федерации от 17.12.2008, № 267; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666; Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683.

цивилизационной самобытности страны[465]. Тем не менее, реализация культурной политики находит немало потенциальных конфликтов, в том числе конфронтацию творца и государства, и другие.

Современные исследователи[466] называют внедрение культурного наследия в актуальную культуру и культурную политику одним из важнейших направлений реализации современной культурной политики. При этом особо отмечается необходимость неконфликтного восприятия артефактов в свете позитивных оценок. «Государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии как инструмента новым поколениями свода нравственных, моральных, этических ценностей, которая составляет основу национальной самобытности»[467]. Созидательная задача наследия в этом направлении очевидна и не является новеллой российской практики, а служит общеупотребительным вектором.

Проводя преварительное обобщение, примем во внимание, что «идеологическое наполнение культурной политики традиционно воспринимается в качестве основного вектора манипуляции в сфере культуры»[468]. «Отказ от идеологии есть также отказ и от универсальных принципов, за счёт которых происходит организация политического пространства. В реальности такие принципы всегда существуют»[469], утверждает И. М. Угрин. «Конституция России, провозглашая высшей ценностью права и свободы человека, одновременно отказывается от

---

[465] Основы государственной культурной политики (утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, с изменениями).

[466] Региональная культурная политика: методология, институты, практики : Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т наследия, 2019. С. 57.

[467] Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2019 году. - М.: Министерство культуры Российской Федерации. С. 4.

[468] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html.

[469] Угрин, И. М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; И.М. Угрин. – М. : ИФРАН, 2017. С. 66.

идеологии и формирует её. С учётом этого, можно упростить определение идеологии до сформированного приоритета одних ценностей над другими»[470]. Как отмечают исследователи, «хитрость идеологии заключается в её мимикрии – она подстроилась под научность и оказалась особой качественно новой отраслью, которая стоит на границе культуры»[471]. «С современной точки зрения, культурная политика является объектом теоретических исследований, заявляющих своей целью определение и интерпретацию понятий, типологизацию моделей, выявление структурно-функциональных взаимосвязей и т.д.»[472]. Выстраивание социокультурной системы, выступающей логической платформой для фиксации современного состояния и формирования векторов развития, также можно отнести к проблематике культурной политики.

Нечасто рассматривается консолидирующая роль культурного наследия. Между тем, существование культурного наследия как примиряющего арбитра, следует признать фактически неоднократно доказанным. Одновременно исследователь указывает: «ценности не воспринимаются всерьез, пока они не наполнены политическим содержанием»[473]. Отметим, что «политический факт означает мифологизированное и переведенное на язык морали событие, ставшее предметом пропаганды. В современном мире власть реализуется через формирование таких искусственных политических фактов и управление ими»[474]. При этом воплощение смыслов, их визуализация в понятных и

---

[470] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html.

[471] Горелов, А. А. Эволюция культуры и экология. - М.: ИФРАН, 2002. С. 163.

[472] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html.

[473] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 25.

[474] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 141.

публично принимаемых и одобряемых образах требует обращения к артефактам наследия.

Анализируя механизмы реализации властных полномочий и опору власти на мифы, А. Кольев сообщает: «Власть не может быть понята исходя из рационального выбора людей – в ней всегда присутствует божественный, мистический компонент, чаще всего играющий решающую роль по сравнению с рационально-формальными компонентами»[475]. Осуществляя анализ информационной монополии государства, Пьер Бурдье сообщает: «Государство накапливает информацию, обрабатывает её и перераспределяет. А самое главное, совершает теоретическое объединение»[476]. В том числе, это касается и паспортизации объектов культурного наследия. Эта важная задача возложена на государство. Поскольку «власть реализуется через обладание различными видами капитала (экономический, культурный, социальный, символический»[477], мы должны особо отметить культурный капитал. Ряд исследователей отмечает, что «власть должна постоянно восстанавливать у подвластных свой зримый образ и будить соответствующие национальные архетипы. Тогда коммуникативное управление заменяется отсылкой к символам, которые ясно свидетельствуют о распределении ролей и подчинённом состоянии подвластного»[478]. В рамках нашего исследования будет уместно заметить, что применение более очевидных символов, чем артефактов прошлого, в данном случае представить невозможно.

Наиболее очевидными символами власти, обладающими свойствами уникальности, эмоциональности и невозобновимости, являются артефакты

---

[475] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 174.
[476] Бурдье, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук «Поэтика и политика». М.: Институт экспериментально социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 125-166.
[477] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 192.
[478] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 195.

культуры. Именно наследие способно служить формированию и укреплению государственного суверенитета, трактуемого как «установление тождества и монополии государства на верховную власть в обществе»[479]. Понятие культурного суверенитета существует в качестве ключевого для культурной политики оснований. В понятие суверенитета вкладывается комплекс характеристик, обеспечивающих устойчивость государства. «Суверенитет создаётся актом признания, но не всегда, а лишь в определённых условиях»[480]. Одновременно сложно признать то, что наследие может выступать основой картины будущего. Свойственным объекту наследия качеством является, как кажется, обращение к прошлому, к его успехам и достижениям. Однако укреплённое внимание к позитиву прошлого призвано добиваться положительного результата в будущем. Эвристическая функция наследия состоит в определении нового в старом. Именно наследие позволяет с большой точностью спрогнозировать будущее через достижения прошлого. Результатами этой мыслительной работы должны стать определение новых истин и предвидение будущего. Конечным результатом мы можем обозначить формирование уверенности в принятии решений через символы прошлого и отказ от повторения пройденных на ранних цивилизационных этапах ошибок.

В таком случае объект как материального, так и нематериального наследия служит элементом в выстраивании картины будущего. В таком случае широкими мазками выписываются необходимые качества – предприимчивость, отмеченная купеческими особняками, стойкость веры – храмами, военная доблесть – крепостями и памятниками героям. Подобная матрица выстраивает мировоззренческую систему, в которой необходимые качества человеческого характера культивируются средой. Как отметил Д. С. Лихачёв, Россия велика «прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки,

[479] Fried M.H. The State // International Encyclopedia of Social Science. N.Y., 1961.
[480] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 222.

изобразительного искусства»[481]. Обращение к образам прошлого одновременно зримо и устойчиво, непреодолимо и недвижно, поскольку продемонстрировано артефактами, не допускающими их игнорирования.

Размышляя о структуризации изложенных тезисов, «О. Н. Астафьева выделяет два сущностных пласта в понимании культуры: первый, связанный со стремлением человека представить окружающий мир как сложную систему культурного многообразия»[482]; второй – имеющий отношение к необходимости «быть субъектом, осуществляющим регулирование этих сложнейших процессов, будучи включённым в структурно-функциональные рамки системы социального управления»[483]. Одновременная вовлечённость в процесс и зависимость от его развития во многом определяет сложность проблематики исследования.

Как отмечают исследователи, «современная массовая культура в её стереотипности и шаблонности, универсальности и общедоступности, вненациональности и мифологичности стремится к трансляции культурного наследия посредством обращения к культурным кодам, являющимся базой культуры и условием её бытования»[484]. Неслучайно, массовая интерпретация культурных ценностей, характерная для эпохи расцвета социума, нации, цивилизации, может являться весомым идеологическим оружием и формировать государственный заказ в сфере культуры и искусства. В

---

[481] Лихачёв, Д. С. Великая культура примирительна по своей сути / Международные Лихачёвские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015) / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. - СПб. : СПбГУП, 2015. С. 22.

[482] Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. - 2023. - № 9. С. 78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html.

[483] Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 1–3) // Культурологический журнал. 2010. № 2. С. 5.

[484] Ерохина, Т. А. Массовая культура как механизм трансляции культурного наследия // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. - М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 89.

некоторых случаях это способствует созданию на основе исторических событий мифов, формирующих массовое сознание на многие поколения вперед, в том числе и в части создания новых культурных ценностей. В этом случае интерпретация создаёт предпосылки для бесконечного влияния на современность.

На текущий момент «на смену прямому давлению и вооруженному захвату пришли влияния информационные, экономические, спортивные и пр.»[485]. Культурное наследие способно сыграть важную роль в оказании подобного существенного влияния.

Именно культура позволяет выстроить наиболее основательные мосты между нациями и государствами. При этом одновременно культурное наследие выступает ресурсом укрепления роли и статуса территории в сравнении с иными. Для объектов культурного наследия важнейшим рейтингом является перечень объектов всемирного наследия UNESCO. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года № 326-р, учитывает рост числа подобных объектов в нашей стране. «Насущная задача культурной политики в том, чтобы ценностно-нормативная основа была ориентирована на гармонизацию системы общественных отношений»[486]. Можно согласиться с Л. П. Репиной в том что по своей сути культурная память представляет собой «хранилище культурных кодов, мифологических представлений, традиций, верований, эстетических воззрений и, следовательно, составную часть самосознания общества»[487]. Учитывая особую опасность возникновения взаимного непонимания на почве специфики

[485] Игнатьева, И. Ф. Многомерность туризма: философский, экономический, политический аспекты // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 312.
[486] Региональная культурная политика: методология, институты, практики : Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т наследия, 2019. С. 22.
[487] Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). - М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 21.

идентичности, мы должны заметить, что «конфликт идентичностей оказывается неизбежным и неизбежно приобретает политический характер»[488]. С другой стороны, активное внедрение объектов наследия в повседневность грозит сделать наших современников заложниками артефактов прошлого. Ответ на вопрос об обретении нужного компромисса способна дать исключительно практическая работа и индивидуальный подход к артефактам.

Важным аргументом в пользу актуализации культурного наследия являются разработки исследователя Фридриха Майнеке. В 1907 году он выделил два типа нации: государственную и культурную. Если идеологическим стержнем первой является объединяющая сила политической истории и конституции, то вторая базируется на культурном наследии. Вторит исследователю Э. Геллнер, разработавший теорию происхождения наций из объединения культуры и политики[489].

Произведения искусства, кроме функции смысловых порталов, создают чёткое ощущение преемственности. Орган власти, использующий те же здания, что и предшествующая структура, в сознании большинства уже в определённой степени легитимна. Размещение резиденции Президента Российской Федерации в Московском кремле, служащем с XIV века центром принятия решений, обязательных к исполнению на территории Московского княжества, Московии, Российской Империи, Советского Союза формирует благоприятный ореол, подпитываемый как подлинными объектами культурного наследия, так и воссозданными сооружениями. Власть одновременно визуализирует себя в архитектуре и растворяется в архитектурных образах, символизирующих власть.

Так же, как в феодальном обществе была распространена модель богоизбранности властителя, обосновывающая права на престол одного из претендентов, в настоящем современном обществе можно говорить о

[488] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 312.
[489] Gellner, E. Nations and nationalism. Oxford: Blackwell. 1983. P. 48-49.

«архитектуроизбранности». Ярчайшим примером стала инаугурация Президента РФ, в ходе которой избранный Президент осеняет себя наследием, начиная от средневековой Грановитой палаты и Соборной площади до анфилады залов Большого Кремлевского дворца. Церемония проходит не в модернистских интерьерах Государственного Кремлевского дворца, классицистических залах Сената дворца или даже знакомых туристам пространствах кремлевских соборов. Церемония не связана с наследием иных городов России. Тональность инаугурации в начале XXI века определяется именно светскими интерьерами Кремля, символизирующими расцвет Московского княжества Ивана III и Российской империи Николая I. Это говорит о необходимости верно интерпретировать событие. Исторический фон превращается из декорации в полноценного участника событий, в пространство, организующее в себе и несущее собственное смысловое наполнение. Интерпретация этой церемонии сделана четко и буквально осязаемо однозначной. Поддержка исторического наследия позволяет осуществить зримую преемственность и визуализировать легитимность власти. Пример подобного мероприятия является ярким свидетельством потенциала историко-культурного наследия в развитии общества и государства.

Возможно отметить, что науки и искусства без базы, без формирующих мировоззрение творцов предпосылок, не существует. Любой труд и любое творчество своим процессом и создаваемыми ценностями как своим результатом утверждает определённую духовную истину.

В данном случае возможно напомнить известную притчу о каменщиках. Два каменщика на стройке собора везли одинаковые тачки с камнями. Когда их спросили о том, чем они заняты в настоящий момент, один ответил, что везет тачку с камнями, а другой – заявил, что строит прекрасный собор. На этом примере мы можем не только утверждать, что, во-первых, в любом деянии по определению есть изначально заложенный смысл. Однако,

при этом, во-вторых, при внешнем сходстве смысловое наполнение может быть различным и может быть по-разному интерпретировано.

Размышляя об отечественной специфике актуализации наследия, отметим, что «героические образы России, наше великое историко-культурное наследие запечатлены в памятниках архитектуры, скульптурах, живописи, литературе, кинематографе. Они стали символами национального единства: государственного, народного, религиозного – независимо от времени, призваны воспитывать молодое поколение, чтить память предков и вдохновлять на новые творческие свершения. Чтобы они стали щитом и неодолимой крепостью в противостоянии нации перед лицом разрушительного духовного нашествия, необходимо, прежде всего, домостроительство внутреннее, духовное, культурно-образовательное»[490]. Таким образом культурное наследие становится результативным инструментом в решении задач государственной культурной политики. Объекты наследия способны служить верстовыми камнями, фиксирующими физическое и духовное пространство, а также их принадлежность к определённой культуре. Бесспорность территориальной принадлежности даёт возможность рассматривать культуру в качестве основополагающего вида деятельности. Государственное участие в сохранении наследия, таким образом, прямо отражается и на оценке суверенитета.

Наследие, слагающее фундамент мировоззрения человека, не может быть исключено из духовного оборота человечества. Без участия наследия в сознании человека способна сформироваться искажённая система самоопределения и самоидентификации, что влечёт за собой формирование личности человека в иной парадигме. Воспитательное значение объектов наследия во многом ещё недооценено.

---

[490] Закунов, Ю. А. Символические войны против цивилизационной идентичности России // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018-2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 352.

Наследие также даёт возможность зримо представить идеал, служащий визуальным и смысловым каноном в развитии человеческого общества, эквивалентом зрелости и целесообразности. В таком случае мы можем говорить о наследии как зримом, зачастую материализованном ориентире, позволяющем выстраивать наши дальнейшие шаги. Такой внятный пример, иллюстрирующий открывающиеся возможности, делает будущее осязаемым и детально прогнозируемым.

Отметим, что дискуссионным вопросом является то, насколько духовная матрица прошлого непоколебимо отвечает современным запросам. Примем принять за аксиому то, что исключительное использование идеалов прошлого является примером категоричного подхода. Одновременно отметим, что конкретный баланс минувшего и будущего будет индивидуальным для каждой ситуации. Максимальный эффект в данном случае даёт созвучие старого и нового, формирующих единый комплексный эффект.

В завершение главы позволим несколько обобщающих предварительных выводов в порядке резюме.

Как мы можем заметить, столь важный показатель, как легитимность власти, также зачастую обусловлен обладанием или использованием наследия. Причастность тех или иных артефактов властным лицам подчёркивает их выделяющийся статус, придавая за счёт свойств наследия, рассмотренных в первой главе исследования, уникальный характер воспринимаемому человеку и его особому статусу.

От этого тезиса происходит важнейшая идеологическая функция наследия, выстраивающего собственную систему основополагающих идей и понятий. Наследие, аккумулирующее государственные и ценностные идеи и ориентиры, в качестве визуального символа идей способно влиять на общественную жизнь. Отметим, что важнейшим положением остаётся стабилизирующая роль наследия в социокультурном развитии.

Как отмечает исследователь[491], искусство заключается в том, чтобы художественными средствами «проиграть», интерпретируя, различные стороны человеческой жизни. Эта игра позволяет рассказать главное, кратко пережить события, обратить внимание на проблемы и их решения.

Так же и объект культурного наследия способен стать необходимым катализатором в игре человека. Несложно представить себе посетительниц музеев, рассматривающих тонкие веера с росписью по шелку или слоновой кости. Этот атрибут куртуазной эпохи переносит сознание человека в минувшие времена, наполненные страстями, нередко желанными нашим современницам. Пусть эта эпоха известна большинству потенциальных посетительниц музеев лишь по краткому курсу истории, пройденному в школе и паре современных любовных романов, но веер как отправная точка игры в другую эпоху готов запустить желаемый мыслительный процесс.

Одна из важнейших для культурного наследия задач состоит в формировании и усилении эмоционального эффекта. На достижение этого результата могут быть обращены различные инструменты. Для человека, во-первых, нет более важной и близкой темы, чем человеческая судьба. Возможно близкие или даже тождественные собственной судьбе события, иллюстрируемые объектом наследия, определённо могут выступать триггерами для возникновения яркой эмоции. Без сомнения, на решение этой же задачи направлены и исследования, и реставрация, и музеефикация артефактов прошлого.

При этом отметим, что фактически не имеет особого значения тональность эмоционального восприятия. Иначе – артефакт может шокировать и даже пугать. Отрицательную эмоцию традиционно проще вызвать; эффект от неё является более устойчивым и действенным. Естественно, искусственно стремиться к негативу восприятия наследия не

[491] Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 228 с.

стоит, но и отвергать возможности, даруемые неожиданными эмоциями, нежелательно и даже контрпродуктивно.

Одновременно обратим внимание на важную в деле актуализации культурного наследия последовательность действий. Создаваемый образ должен быть цельным. В случае с наследием это, в первую очередь, значит, что образ должен восприниматься ярко на различных дистанциях – как в общем восприятии, так и при детальном приближении. Также образ должен трактоваться разными людьми максимально однозначно при различном сочетании внешних факторов. Мы можем представить, насколько многогранная и сложная работа должна быть проведена для того, чтобы обеспечить эффективное образное решение, благотворно влияющее на актуализацию артефакта.

С каждым годом всё более популярными становятся средовые музеи, позволяющие, наподобие съемочной площадки, обеспечить целостное пространство и за счёт этого запускающие игру сознания. В случае, если воздействие оказывается на все органы чувств, в том числе на вкус и обоняние, подобный музей имеет все шансы на успех.

При этом крупные по размеру объекты наследия способны, в свою очередь, доказать состоятельность в качестве наиболее весомых инструментов преобразования пространства. Одними из древнейших объектов материального культурного наследия, активно используемых и сейчас, стоит признать градостроительные структуры древних городов. Трассировка улиц, расположение основных узловых пространств, и даже, в некоторых случаях, их габариты, способны оставаться неизменными на протяжении значительного времени, в отдельных случаях – нескольких тысячелетий. При этом важно отметить, что и их функциональное наполнение практически неизменно. Конечно, зачастую движение транспорта сменяется на движение пешеходов, а площади, предназначенные для проведения плац-парадов и ярмарок, заполняются элементами благоустройства и ландшафтной

архитектуры. Однако очертания градостроительных единиц на протяжении веков способны сохранять как своё расположение, так и параметры, что в целом делает их одними из наиболее стабильных во времени объектов культурного наследия.

Подводя предварительный итог разделу нашего исследования, можно заключить, что сохранение наследия определяется степенью его интегрированности в культуру современности. Наследие, таким образом, можно назвать ведущим фактором формирования личностной идентичности.

Следовательно, масштабирование созидательной составляющей наследия позволяет говорить о масштабном конструировании как отдельно взятых социальных групп, так и общества в целом.

Интеграция культурного наследия в повседневность заключается в систематических непосредственных контактах общества и наследия, а значит, будет результатом создания условий для повышения частоты таких контактов. Мы можем и должны применять ценностно-психологический подход к культурному наследию.

ГЛАВА 3. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

3.1. Иллюзорность определения понятий субъекта и объекта в интерпретации культурного наследия

Несмотря на, казалось бы, детальную проработку тем, в системе философского знания обнаруживается концептуальный вакуум, который требует обстоятельного анализа и компенсации. В условиях современного мира, активной трансформации предмета культурного наследия, и расширения вторичной интерпретации и информационных потоков, окружающих человека, всё более весомым становится образ объекта культурного наследия, создаваемый в сознании интерпретатора.

При рассмотрении процесса интерпретации в динамике становится очевидной определённая динамика наполнения рассмотренных выше понятий. Сфера культурного наследия, в значительной части родственная искусству и художественной культуре, отличается высокой долей неоднозначности и сложна в анализе с привлечением распространённых методов. Поэтому при рассмотрении процесса интерпретации культурного наследия, по нашему мнению, следует использовать методики, применимые при исследовании неустойчивых сред. При определённом рассмотрении можно утверждать, что сам процесс интерпретации, различные стадии которого рассмотрены выше, напоминает игру: «человеческая игра – это такая деятельность, в которой воссоздаются социальные отношения между людьми вне условий непосредственно утилитарной деятельности»[492]. Человеческое воображение выстраивает образ объекта в сознании интерпретатора зачастую на основе исключительно субъективных обстоятельств среды.

[492] Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 228 с.

Отметим, что результат интерпретации, по определению индивидуальный, не обладает безусловной ценностью. В зависимости от ряда факторов отражение интерпретируемого объекта в сознании интерпретатора будет вариативно трансформироваться в большом количестве отражений. В рамках нашего исследования более значим процесс интерпретации.

Человек позволяет себе за счёт наследия представить самого себя в иной роли. Артефакт выступает триггером, провоцирующим человека на воплощение в своей деятельности архетипов поведения. Итоговым результатом интерпретации культурного наследия, таким образом, становится коррекция человеческого поведения. Благодаря практическому итогу интерпретации артефакт, духовная ценность которого превалирует над практической, получает возможность быть сохранённым. Одновременно заметим, что известная непредсказуемость субъективной оценки с равным успехом способна привести и к утрате объекта. Стремление забыть какие-либо исторические факты и превратить в тлен объекты наследия, иллюстрирующие их и выступающие неоспоримыми доказательствами их существования, может воплотиться и в уничтожении наследия: «общество не способно сформировать четкую стратегию запоминания и забвения: то, что сегодня кажется значимым, завтра может оказаться на периферии актуальности»[493]. На современном этапе продолжается пересмотр тяжести деяний, совершаемых с объектами наследия. Общепризнанной является позиция, осуждающая и порицающая уничтожение артефактов. Однако отдельные факты утраты в связи с военными событиями или религиозными разногласиями продолжают выстраиваться в общую картину. Недопущение подобной ситуации является важной задачей, для реализации которой необходимо привлечь значительные материальные и интеллектуальные ресурсы.

[493] Шуб, М. Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 5.

Тем не менее «в глобальном плане роль наследия состоит не в формировании комплекса правил по его собственному сохранению, а в сохранении исторической памяти, наглядной визуализации прошлого для обеспечения поступательного развития в будущем»[494]. Как утверждают исследователи, «память не склад информации, а механизм её регенерирования»[495]. «Хранимая культурным наследием информация пробуждается, как семя в земле, при определённых условиях»[496]. Ю. М. Лотман поясняет: «чтобы эта информация “проснулась”, символ должен быть помещён в какой-либо современный контекст, что неизбежно трансформирует его значение»[497]. «Как отмечают исследователи, объект оказывается в познавательном отношении к субъекту в том случае, если приходит в состояние, благоприятствующее познавательным действиям»[498]. Создание подобной благоприятной среды является важнейшим условием восприятия.

Для выявления сути данной последовательности процессов имеет большое значение то, что «в исходной трактовке познавательный акт на одной стороне имеет познающего (субъект), на другой – познаваемое (объект), характер и основание»[499]. «В самом общем и абстрактном виде в познании выделяются только его субъект и его объект, к субъекту сводятся все возможные существа, осуществляющие акт познания, это их предельная

[494] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.
[495] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 618.
[496] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.
[497] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 618.
[498] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.
[499] Ивин, А. А. Человеческие предпочтения [Текст] / А.А. Ивин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. С. 12; Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

вершина обобщения, к объекту – все возможные предметы познания»[500]. Идеальная схема восприятия в случае интерпретации артефактов наследия дополняется комплексом дополнительных обстоятельств.

Поколения исследователей отмечали, что «необходимо учитывать, что интерпретатор, историк, подходя к тексту, всегда уже имеет определённое предварительное его понимание (предпонимание), детерминированное условиями (семья, общество, государство), в которых он живет. Это предпонимание носит характер предрассудка <…> Сам по себе предрассудок означает суждение, которое выносится до окончательной проверки всех предметно определяющих моментов»[501]. Также заметим, что «субъект воспринимает не весь объект, а лишь его часть, составляющую качество, в котором тот представлен ему вследствие сложившегося между ними отношения»[502]. В перманентной динамике, в конфликте, в создании и разрешении противоречий, существует система человеческого восприятия. Анализ её составных частей позволяет приблизиться к пониманию общих взаимосвязей и механизмов восприятия.

Размышляя о последовательности стадий восприятия отметим, что «… субъект-интерпретатор изначально ограничен в своём понимании объекта. Несамостоятельность субъекта позволяет рассматривать применение некоторых отличительных свойств в отношении объекта, и наоборот. Такой анализ призван рассмотреть специфику интерпретации культурного наследия в отношении процесса интерпретации и составляет новизну исследования»[503]. Одновременно благодаря специфике интерпретации возникает возможность

---

[500] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

[501] Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. С. 15.

[502] Андрюшенко, М. Т. О принципах социального познания, их эффективности и целесообразности уточнения // СВЕЧА-2005. ИСТОКИ: Религия и личность в прошлом и настоящем. Материалы международных конференций. Том 13. – Владимир-Москва: Издательство Владимирского государственного университета. 2005. С. 26.

[503] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

формирования большого количества оттенков и нюансов в генерации образа артефакта в сознании интепретатора.

Несомненно значительное влияние контекста на интерпретацию наследия. Понимание контекста позволяет сделать восприятие культурного наследия более глубоким, однозначным, приближенным к совершенному: «интерпретация, в свою очередь, предполагает диалогическое отношение познающего субъекта с особым предметом, выделяемым из исторического, культурного, бытийного и со-бытийного контекстов с учётом специфики последних»[504]. Учёные отмечают, что «образ имеет сложную структуру, и что его истинная суть закрыта чем-то очевидным, а во-вторых, что не только содержание образа важно для воспринимающего, но и связи первого с культурной средой, то есть контекстом»[505]. Сравнение возможно исключительно при наличии условного ориентира, модели: «основанием оценки может быть не только чувство, но и некоторый образец, идеал, стандарт»[506]. В данном случае мы сталкиваемся со случаем сравнения интерпретируемого артефакта с неким примером. Интерпретатор, не планируя этого самостоятельно, формирует в сознании условную матрицу, объединяющую несколько ключевых характеристик, служащих сравниваемыми признаками: объём, форма, цвет, продолжительность и т.д. Восприятие в таком случае упрощается, не требует от интерпретатора значимых усилий. По специфике механизма мы можем отнести подобный процесс к предпониманию.

Исследователь И. Меркулов предлагает собственную теорию структуры познания, отмечая, что «познание есть отношение между

---

[504] Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. - М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 8.
[505] Реутов, А. С. Визуальные исследования современной культуры : феноменологический аспект : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Реутов Антон Сергеевич; [Место защиты: Нижегор. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина]. - Нижний Новгород, 2018. С. 8.
[506] Ивин, А. А. Человеческие предпочтения [Текст] / А.А. Ивин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. С. 15.

субъектом, объектом и тем, что познается в качестве объекта – предметом»[507]. Значительное количество обстоятельств, влияющих на результат познания и интерпретации, было рассмотрено нами выше.

Как уже было отмечено выше, особое значение в интерпретации культурного наследия имеет контекст и общий «горизонт» понимания, которые влияют на результат интерпретации, но находятся за пределами субъектно-объектной связи. Нередко возникает очевидное желание упростить объём информации, сделав её максимально доступной для понимания. Профанация – результат и цена адаптации знаний, рассчитанных на профанов. Исследователи приводят различные примеры, наиболее наглядным из которых является следующий. «Дом (жилой) и храм в определённом отношении противостоят друг другу как профаническое сакральному. Противопоставление их с точки зрения культурной функции очевидно и не требует дальнейших рассуждений»[508]. Одновременно отметим, что профанация культурного наследия как понятие в настоящий момент не существует. В рамках настоящего исследования мы продолжим использовать понятие актуализации. Исследователи отмечают, что «общество потребления основано на одноразовости товаров: проще купить новую вещь, чем чинить старую. Это проецируется на всё»[509], к сожалению, и на объекты наследия. Уничтожению подлинного объекта находится при этом соответствующее ситуации обоснование. Упрощение зачастую граничит с занижением статуса подлинного объекта наследия.

---

[507] Меркулов, И. П. Когнитивные способности. - М: Институт философии Российской академии наук., 2005. С. 16.

[508] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 682.

[509] Губарева, О. В. Православная икона в современном мире // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 69.

В современном мире, насыщенном информационными потоками, редкий человек не проникнут стремлением быть по́нятым окружающими. Подтверждением тому служат распространённость «продающих» текстов и социальных сетей, путём видео-, фото-, аудио-, текстового контента, манипулирующих сознанием и создающих некий желаемый образ. При этом каждый человек хочет быть воспринятым, по его мнению, верно. В настоящее время «создание себя в пространстве» едва ли не начинает превалировать над «созданием пространства вокруг себя». Рост вторичной интерпретации приводит к информационному пресыщению, ставшему одной из наиболее актуальных проблем современности.

Соответственно, наибольший интерес на современном этапе привлекает не само существование законов восприятия, сколько возможность их использования с целью достижения полной восприимчивости информации. Отметим, что «та жизнь, которая должна быть, но нету»[510] является особым философским концептом. Конфликт желаемого и действительного особо отчётливо проявляется в поле наследия.

Интерпретативный метод в философии культуры обладает выраженной спецификой творческой деятельности. Как известно, природа познавательных форм отличается двуединством – сочетанием логического и социологического начал. Однако этим созвучие различных дисциплин не ограничивается. Так, А. Койре определил интернализм философских концепций и физических открытий следующим образом: «научная мысль никогда не была полностью отделена от философской мысли … великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением философских концепций»[511]. Символическое пространство «образует сложную структуру, которая всё время “играет” с внележащим ему пространством, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую

[510] Вайль, П., Генис, А. Собрание сочинений: в 2 т. Том 1. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 88.
[511] Койре, А. Очерки истории философской мысли. - М.: Прогресс, 1985. С. 14-15.

активность элементы»[512]. Наследие допускает затухание эмоционального воздействия на человека. Это связано как с состоянием артефактов, так и утратой личных связей ввиду неумолимой смены поколений. Решением является усложнение эмоционального воздействия наследия.

В контексте сохранения артефактов указанная проблема приобретает особую актуальность. «Объект культурного наследия, обладая редким свойством самоисключения из культурного и экономического оборота, приобретает духовную ценность, способную служить залогом дальнейшего сохранения объекта»[513]. Тем не менее, способность увидеть, распознать эту духовную ценность зачастую является редким умением, что является одной из причин незначительного количества фактических объектов культурного наследия от общего числа потенциальных объектов, не имеющих особого охранного статуса или утраченных до его получения.

В данном контексте особо возможно выделить искусство актуализации культурного наследия. В случае оперирования абстрактными понятиями, от объекта культурного наследия зависит не так много в его успешной судьбе. Именно в человеческих руках находятся все инструменты создания положительного имиджа памятника. Перейдем к рассмотрению восприимчивости как особого качества человеческого сознания. В любом случае предел восприятия по сути является совокупностью той информации, с которой интерпретатор может сравнить воспринимаемый объект. Этот тезис объясним тем, что человек никогда не воспринимает мир «с нуля», а сравнивает то, что видит, с тем, что знает. Уровень восприимчивости, таким образом, находится в прямой пропорции с уровнем развития интеллекта и общей эрудицией человека. Как указывает К. А. Кокшенева, «современная гуманитарная парадигма заключает в себе интерпретацию “концепта” как

[512] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 30.
[513] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

взаимодействия между культурой и человеком, указывает на процессы понимания и усвоения культуры»[514]. Следовательно, создание методики интерпретации культурного наследия в качестве его актуализации и сохранения должно, в том числе, базироваться на вышеизложенном принципе иллюзорности субъектно-объектной связи.

Для того, чтобы ценности не воспринимались как нечто недостижимое и категорично навязываемое, жестко заданное и бессмысленное, нужно оказать помощь в постижении жизненных ценностей.

Культурное наследие составляет подлинные ценности человеческой цивилизации, а не преходящие новшества. Поскольку в диссертационной работе культурное наследие рассматривается как философско-антропологический феномен, обратим внимание на культурное наследие как способ межличностной коммуникации. Наследие, как никакой иной феномен, кроме, пожалуй, собственно человека, активно и плодотворно участвует в выстраивании и укреплении междисциплинарных связей. Обобщение методов точных и гуманитарных наук позволяет рассмотреть объекты наследия более подробно и изучить их специфику максимально глубоко.

Именно культурное наследие позволяет человеку создать собственное жизненное пространство, наполненное смыслами и направляемое ценностями. В современной гуманитарной парадигме наследие рассматривается в контексте философской антропологии как автономная часть универсума (самостоятельной системы, состоящей из функционально связанных и взаимодействующих между собой элементов). Важной философско-антропологической проблемой является отсутствие характеристики культурного наследия как особой системы, сложность определения его границ и отношений с иными философскими системами. Особую сложность в анализе этого культурного феномена влечёт невыявленность проблемных полей.

---

[514] Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования [Электронный ресурс] / Капитолина Антоновна Кокшенева. – М. : Институт наследия, 2019. С. 6.

3.2. Факторы влияния на интерпретативную процедуру познания культурного наследия

Очевидной проблемой и зоной осмысления современной философии является ускоряющаяся глобализация, стирающая границы локальных социумов. Рассмотрение глобализации как фактора, оказывающего существенное влияние на интерпретацию культурного наследия, позволит нам обратить особое внимание на природу наследия.

Следует особо рассмотреть актуализацию культурного наследия в контексте мировой глобализации. Позволим уточнить, что глобализация не является новшеством последних десятилетий, но при этом сравнительно недавно глобальные процессы получили мощное ускорение и всё более весомо отражаются на трансформации культуры. Примеры воздействия глобализации на объекты культурного наследия, приведенные далее, позволяют заявить о том, что глобализация в общем смысле возникла вместе с человеком. Следовательно, возможно критически подойти к рассмотрению современной позиции исследователей, утверждающих, что первые симптомы глобализации, тесно связанной с мировоззренческими трансформациями, начались в эпоху Возрождения[515].

Укрепление культурного взаимодействия, развитие взаимосвязи культурных феноменов и различных социальных групп становится не только трендом, но и обязательным условием культурного развития. Отказ от участия в глобализации означает в настоящее время исключение субъекта из процесса развития. Соответственно, анализируя процесс актуализации культурного наследия, невозможно отказаться от детального рассмотрения глобализационного процесса и участия в нём объектов наследия. В данном

[515] Чумаков, А. Н. Культурный код общественного развития: глобальные и локальные аспекты//Культура в условиях глобализации взгляд из России : монография /коллектив авторов ; под ред. А.Н. Чумакова. – М. : КНОРУС, 2017. С. 8-33.

контексте возникает ряд аспектов, требующих особого пристального рассмотрения.

Во-первых, как уже было отмечено в исследовании, культурное наследие является важным фактором формирования культурной идентичности территории. «Национальная идентичность – это отождествление представлений человека о себе с определёнными культурными моделями и социальными отношениями»[516]. При этом, как правило, и к культурной идентичности предъявляются типичные для товара качества – унификация, измеримость, волатильность. Для культурного наследия одновременная уникальность каждого объекта вместе с требованиями стандартизации приводят к подчас непредсказуемым результатам. Массовое потребление и производство культурных ценностей в значительном масштабе приводит к снижению их самодостаточной ценности в сравнении с оригинальными произведениями искусства. Современное выделение массовой и элитарной культуры призвано подчеркнуть возникающие в таком случае противоречия. Обострение поиска собственной идентичности на фоне ускоряющейся глобализации должно было бы, как кажется, к очевидному решению – внедрения наследия в повседневность. Однако желаемого обмена не происходит.

Как отмечают исследователи, анализируя особенности культурного ландшафта, «значительными отличиями для любого государства являются приграничные территории, в которых особым образом обостряются как проблемы сакральной географии, так и ландшафтно-этнические проблемы»[517]. Национальная культурная идентичность требует укрепления именно в том времени и пространстве, где она подвергается влиянию со стороны иных участников культурного процесса. Подлинные объекты культурного наследия,

[516] Шахов, В. А. Генезис и специфика культуры Калининградской области: диссертация ... доктора культурологии: 24.00.01 / Шахов Вячеслав Александрович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»], 2019. С. 32.
[517] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 117.

служащие символами культурной идентичности, исполняют роль незыблемых «маяков», укрепляющих человеческое сознание. «Иными словами, граница наполнена смыслом, и каждое её изменение отдаётся в смысловом поле национального мифа торжеством или унижением»[518]. Итогом размышлений становится осознание того, что «пограничье более проблемно для государства, чем обширные внутренние пространства»[519]. Продолжая тему культурного символа, возможно привести ряд примеров. Наиболее типичным результатом данной деятельности становится выбор определённого объекта культурного наследия в качестве символа определённой эпохи, стиля или даже отдельного исторического события. Экспозиции крупнейших музеев мира обязательно содержат подобные маркеры музейной коллекции, приобщение к которым является для гостей музее обязательным условием посещения. Парижский Лувр на протяжении многих лет ведёт важную работу популяризации трёх «прекрасных дам» – скульптур Венеры Милосской, Ники Самофракийской и портрета Джоконды. Миллионы посетителей, «отметившись» рядом с этими произведениями искусства, зачастую игнорируют иные экспонаты. Нельзя не заметить, что гость музея при этом лишает себя приобщения к ценнейшим, но не столь известным артефактам прошлого. Естественно, подобный подход, позволяющий расширить присутствие музея и его коллекции в информационном пространстве, одновременно затрудняет актуализацию иных произведений искусства. Встраивание объектов наследия в череду образов массовой повседневной культуры, несмотря на применимость подходов «культурного конвейера», даёт мощный импульс в актуализации наследия.

Немаловажным является условие упрощенного восприятия объектов наследия в условиях массовой культуры. Интерпретатор видит не собственно

[518] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 126.
[519] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 117.

объект, а, скорее, некий полуфабрикат, составленный из множества авторских вторичных интерпретаций о нём. За счёт упрощенности этого знания восприятие происходит быстрее, а объект наследия воспринимается более поверхностно. Именно это качество массовой культуры находит наиболее значительное количество критиков и противников. «Процессы стандартизации досуга, коммерциализации культурно-досуговых учреждений, с одной стороны; развитие средств массовой коммуникации и усиление влияния средств массовой информации, с другой, делают досуг формой потребления институционально произведенных продуктов»[520]. Задачи понятности и наглядности на примере музейной экспозиции приводят к стендовой подаче. Нет ничего проще и однозначнее, нежели текст, читаемый посетителем музея на экспозиции. Однако снижение авторской интерпретации обедняет восприятие зрителя. Диапазон снижается до минимума и поэтому стендовую подачу нельзя считать универсальной методикой.

Аналогичный подход действует в отношении памятников зодчества, исторических поселений и государств. Пристальное внимание к отдельным сооружениям и территориям, их достойное представление в информационной среде и создание надлежащей инфраструктуры для возможности их очного осмотра позволяют создать на их базе полноценный объект туристического показа, в значительном количестве – в ущерб аналогичным сооружениям, не охваченным столь активным вниманием.

До сих пор наиболее ярким примером глобализационного процесса можно назвать формирование и распространение мировых религий. Влияние религии на культуру и культурное наследие следует признать бесспорным. Огромное количество примеров, как физического уничтожения объектов

[520] Бундин, Ю. И. Цивилизация досуга: история и современность // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С.135.

наследия, так и напротив – их сохранения или воссоздания, равно как и колоссальный объем ресурсов, используемых для этого, составляли и составляют для религий немаловажную часть их истории, служат свидетельством героизма и формируют историческую память конфессий.

Исторические примеры наглядно показывают, что возможным является и третий путь. Объекты наследия, в особенности обладающие внушительным физическим объемом, могут быть встроены в новую систему координат, получив иное смысловое наполнение. Подобная смысловая «перезагрузка», к примеру, позволила сохранить храм Святой Софии в Константинополе. Естественно, в данном случае следует напомнить и о политическом смысле такой реконструкции. Главный храм поверженного врага, ставший крупной мечетью, выступил также в качестве масштабного трофея, памятника победе османов, созданного без крупных затрат.

За счёт принятия в орбиту собственных интересов местного культурного наследия, его легитимизации в новой системе координат, процесс глобализации может получить новые мощные ресурсы и значительное ускорение. Однако в данном случае следует использовать понятие гибридизации как синтеза местных и глобальных культурных особенностей[521]. Приспособление к иной культуре является ведущим способом управления процессом глобализации. Особо используется понятие альтернативной глобализации[522] как обратного процесса изменения глобальной культуры в угоду локальной.

В продолжение размышления заметим, что в актуальном документе стратегического планирования в культурной сфере впервые для нормативного акта декларируется важное для нашего исследования понятие культурного суверенитета, расшифровываемое как «совокупность социально-культурных

[521] Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. - М.: Аспект Пресс, 2004. - 379 с.
[522] Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. - М.: Аспект Пресс, 2004. - 379 с.

факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищёнными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[523]. Решение данной задачи невозможно без полноценной актуализации культурной наследия.

В современной науке также применимо понятие посредника как свидетельства столкновения цивилизаций. Наследие является инструментом воздействия на групповое сознание, весьма эффективным. Наследие позволяет создать общечеловеческую культурную основу для межкультурной коммуникации.

Наследие формирует коллективный портрет человечества, который способен повествовать об особенностях человеческого быта и культуры, идеях и идеалах. По объектам наследия, артефактам прошлого, мы можем судить об образе и характере людей, населявших и населяющих планету, а также слагающих различные по масштабу социумы – от семьи до народа. Наследие традиционно выступает инструментом идентификации человека, отражая его принадлежность к той или иной культуре.

В контексте культурного наследия подобным примером может являться застройка Московского кремля. Сооружения, созданные в России и имеющие под собой реальную идеологическую основу визуализации концепции «Москва-Третий Рим» одновременно являются памятниками итальянского Ренессанса. «Текст культуры – это текст-образ, который представлен через понимание одного субъекта восприятию другого»[524]. В настоящее время актуализация данной группы объектов культурного наследия

[523] Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, с изменениями).
[524] Симбирцева, Н., А. Тексты культуры : специфика интерпретации : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Симбирцева Наталья Алексеевна; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. - Екатеринбург, 2017. С. 18.

позволяет значительно расширить международную повестку, что, придавая этим памятникам значение символа международного сотрудничества, является залогом их сохранения. Множество противоречий, раздирающих современный мир, ведут к девальвации и релятивизации культурных ценностей. Тем не менее, потребность в сакральном, мировоззренческом стержне культуры не исчезает.

Обратный процесс, носящий название локализации, направлен, как следует из названия, на выявление и активную трансляцию локальной идентичности. Отметим, что процесс локализации возникает и культивируется как ответ на глобализацию, а, следовательно, без неё невозможен. Примерами локализации можно назвать в различной степени активную работу по сохранению народных художественных промыслов.

Возвращаясь к современным проблемам актуализации наследия отметим, что «в постмодерне ведется сокрушительная критика традиционных ценностей, норм и регулятивов – для того, чтобы освободить место новому образу потребителя культуры, для которого информация – культовая ценность. Тем самым постмодерн проявил себя как мощная форма отчуждения человека от целерационального проектирования и социального действия»[525]. В известном положении, сформулированном Фрэнсисом Бэконом – «Знание само по себе – сила» – мы встречаем важное положение. Победа на интеллектуальном поле позволяет одолеть противника и на других фронтах. Победителем в обстоятельствах современного мира станет знаток природы происходящих в мире процессов, способный лучше и разумнее управлять ими, а также определять вектор их развития[526].

---

[525] Савка, А. В. Современность и кризис цивилизации // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 154.

[526] Инюшин, В. В. Кризис гуманитарного знания и реальная картина мира. Место России // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального

Именно наследие служит выразителем основополагающих ценностей общественного жизнеустройства – свободы, справедливости, блага, истины и т.д. «Наиболее ярко это видно хотя бы из того, что в социальнопрактических предложениях современных постмодернистов акцент делается на романтическом возвышении роли культуры, которая должна заменить общество и придать множеству разрозненных индивидов определённую целостность. Что выглядит достаточно привлекательно, ведь обращение к культуре выглядит респектабельно, как и ходить в театр, например, но странно, т.к. в любом обществе культура всегда выполняет интегрирующую роль, но при этом общество не исчезает»[527]. Артефакты культуры выступают в качестве интегративной платформы для формированяи социума.

Культурное наследие неминуемо привлекает законный интерес человека. Любая история народов и времен как совокупность опыта человечества, является кладезем идей, апробированных в минувшие эпохи и доказавших свою состоятельность, или напротив – несостоятельность на определённом этапе развития общества. Культурное наследие при этом закономерно воспринимается в качестве, связующих звеньев, способных служить «порталами» для мысленного проникновения в иное время. Объекты культурного наследия как универсальные образцы художественного опыта человека, художественные эталоны, относительно которых развивается культура и искусство, формируют правила и нормы создания и восприятия культурных ценностей, составляют классику искусства.

нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 462.

[527] Козырьков, В. П. Метаморфозы одичания в советском и постсоветском обществе в контексте цивилизационных процессов // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 283.

Роль эталона предопределяет высокую вероятность и даже необходимость вторичной интерпретации. Так, отдельные произведения искусства рождают бесчисленное количество суждений, мнений, представлений, основанных на субъективном опыте интерпретаторов.

В данном контексте следует обратить внимание на высшую форму эталона в искусстве – канон, который способен служить не только формой создания образа[528], но и зафиксированным смыслом в теории и практике искусства, обозначающим принадлежность к направлению или школе, допускающим возможность атрибуции произведения искусства. Немаловажным является и использование канона не только в создании произведений искусства, но и профессиональном образовании. Обратимся к ключевому высказыванию мыслителя П. А. Флоренского об онтологичности символа: «Бытие, которое больше самого себя, – таково основное определение символа. Символ – это нечто, являющее собою то, что не есть он сам, больше его, и, однако, существенно чрез него объявляющееся»[529]. Те объекты, которые сохранились на протяжении длительного времени, зримо демонстрируют приоритеты общества и государства, основные мировоззренческие ценности, которые важны для них.

В это же время современные исследователи отмечают, что «средоточием культурных процессов становится рекламный рынок, который не только поглощает лучшие творческие ресурсы общества, но и стремится навязывать эстетические тренды и поведенческие модели»[530]. В сфере городской застройки исследователи иллюстрируют этот процесс примерами девелопмента в сфере строительства жилых комплексов. Редкий жилой дом,

---

[528] Луппов, С. П. Книга в России в послепетровское время (1725-1740). - Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1976. С. 22.

[529] Флоренский, П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 3. Ч. 1. [У водоразделов мысли] / сост. А. С. Трубачева ; под общ. ред. А. С. Трубачева. - М. : Мысль, 1999. С. 257.

[530] Коротич, А. В., Чернихов, А. А. Архитектурное образование. Вызов будущего // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2001. С. 289.

комплекс или район не получают на стадии начала строительства индивидуального названия и фирменной символики. Нередко рекламная кампания приобретает по-настоящему «предвыборный» размах и масштаб, достойный лучшего применения.

В сфере наследия практически всегда необходима логическая обработка и расшифровка объектов. Неспроста всегда существует учётная документация, служащая презентации той уникальности, которая свойственна объекту. Современная наполненность сознания символами значительно превосходит ассоциируемый нами с обширными аллегориями XVIII век. Любопытный пример довелось лично увидеть автору. На территории одного из музеев под открытым небом России поставлен верховой овин – сооружение для просушки снопов перед обмолотом. Название сооружения обозначено на информационной табличке. Одна из детских групп, опередив сопровождающих родителей и экскурсовода, оказалась рядом с сооружением. Прочитав название объекта, дети наполнили музейную территорию восклицаниями «Мама, папа, смотрите, это о́вен! Вот он такой!». Пример наглядно даёт представление о понятии горизонта восприятия.

Наследие говорит с нами особым языком, понять который с учётом разности горизонтов восприятия непросто. Усложнение передачи данных является одним из наиболее весомых факторов, оказывающих влияние на интерпретацию культурного наследия. Тем не менее, любое деяние нуждается в символах, в отчётливом выражении, которое должно обладать признаками достоверности, подлинности, многослойности, уникальности. Ничто другое, кроме наследия, не решает эту задачу столь же внятно и подробно.

3.3. Механизмы интерпретации культурного наследия в культурфилософском дискурсе

Сфера культуры обладает сложной природой, для раскрытия которой создан ряд методик. Однако важнейшим способом понять специфику культуры остаётся поиск верного определения самого понятий «культура». Особое мнение исследователей по этому вопросу приводит к появлению такого определения, как «непосредственно нерефлексированное взаимодействие человека с бытием как таковым: не только с внешней средой, с космическим измерением, но и с отражением космоса внутри человека, т.е. вторичными проявлениями этого взаимодействия»[531]. Соответственно, культура предстаёт в качестве процесса и результата взаимодействия, что особо близко целям настоящего исследования. Также современные учёные отмечают, что «с научной точки зрения, любая возрастная, половая, национальная, социальная человеческая группа обладает своей культурой <…> Культура здесь – всё то, что отличает одну группу людей от другой, она как бы расположена на границах между ними»[532]. Мы вновь сталкиваемся с проницаемостью границы между понятиями культуры и идентичности, также рассмотренной выше.

В данном дискурсе «требуется рассмотреть понятие интерпретации культурного наследия в развитии, в процессе. Нередко актуализацию культурного наследия связывают с человеческим стремлением к совершенству

---

[531] Джемаль, Г. Д. Оппозиция философии и культуры как отражение фундаментальной поляризации духа // Философия – философия культуры – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы междунар. науч. конф. 7-9 апр. 2011 г., Белые Столбы / Рос. ин-т культурологии; отв. ред.: Н.А. Кочеляева, К.Э. Разлогов. – М.: Совпадение, 2012. С. 13.

[532] Межуев, В. М. Культура в зеркале философии // Философия – философия культуры – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы междунар. науч. конф. 7-9 апр. 2011 г., Белые Столбы / Рос. ин-т культурологии; отв. ред.: Н.А. Кочеляева, К.Э. Разлогов. – М.: Совпадение, 2012. С. 72.

и красоте»[533]. Учёный А. А. Ивин сообщает следующее: «логика оценок исследует логическую структуру и логические связи оценочных высказываний. Она слагается из логики абсолютных опенок и логики сравнительных оценок, именуемой также логикой предпочтений»[534]. Человеческое познание мира заключается, в том числе, в выявлении уникальных по комплексу своих эстетических свойств объектов или явлений и их обобщении. Нередко объект наследия оказывается не в состоянии преодолеть суровый фильтр человеческого сознания. Не имея возможности однозначно «поразить или удивить, артефакт теряет интерес к нему человека. Понять природу культурного наследия, увидеть его в нередко чуждой для него среде, выделить из многих объектов – редкое умение. Но сделать объект наследия известным, запоминающимся – требует не только профессионализма, но и творческой удачи»[535].

Неотъемлемым свойством артефакта являются его консолидирующие возможности. Наследие, как правило, не оставляет человека безучастным и способно влиять на его желание проявить себя, в том числе и за счёт уникальных характеристик наследия: «культура как качество человека является его конкурентным преимуществом»[536]. Мы выделяем культурного человека, наделяя его положительными свойствами, и наоборот, относимся с иными эмоциями к человеку, не обладающему необходимым по нашему разумению культурным багажом и комплексом навыков и умений. Природу такого различия требуется раскрыть.

Следует особо отметить, что актуализация культурного наследия не означает восстановления первоначального функционала. Объект наследия

---

[533] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

[534] Ивин, А. А. Человеческие предпочтения [Текст] / А.А. Ивин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. - М. : ИФРАН, 2010. С. 46.

[535] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

[536] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

начинает исполнять иную роль, в большинстве случаев лишь отдаленно напоминающую оригинальную.

Рассмотрим в качестве примера использование картин религиозной тематики. Как известно, «предметы религиозного культа обретают сакральный смысл в точке пересечения “естественного” и “божественного” миров, на их стыке»[537]. Так, заалтарный образ, первоначально помещённый в интерьере католического храма, столетия спустя, получив широкую известность, оказывается в частной или государственной коллекции, а затем попадает в музей. О живописном творении судят уже как о произведении искусства, часто избегая упоминания его прочной связи с религиозным мировоззрением.

Присутствие икон в музейной экспозиции обладает собственной спецификой: «Бытование иконы в музее и способы её музейной интерпретации могут считаться проекцией отношений музея и общества, музея и власти и даже самого феномена музея»[538]. Именно поэтому способность выявить культурную ценность, причём, как способную быть воспринятой как здесь и сейчас, так и спустя значительное время, является ценнейшим инструментом в актуализации культурного наследия. Деятельностный подход в возвращении в культурный и экономический оборот объектов наследия на протяжении многих эпох показал свою состоятельность. К примеру, как справедливо отмечает профессор Игорь Евлампиев, новаторство Ренессанса состоит в том, что «в качестве самой сути истории было понято прогрессивное развитие культуры, создание новых образцов, но

[537] Межуев, В. М. Культура в зеркале философии // Философия – философия культуры – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы междунар. науч. конф. 7-9 апр. 2011 г., Белые Столбы / Рос. ин-т культурологии; отв. ред.: Н.А. Кочеляева, К.Э. Разлогов. - М.: Совпадение, 2012. С. 72.

[538] Волкова, Е. В. Икона в музейной экспозиции: к истории способов показа / Актуальные проблемы теории и истории искусства - 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. - СПб.: НП-Принт, 2018. С. 296-298.

через творческое воплощение лучших примеров культурного прошлого»[539]. Использование интерпретации наследия в качестве ключевого метода его освоения стало де-факто одной из основных особенностей европейской цивилизации. Человеческая способность к изменению среды, принятию самостоятельных творческих решений в отрыве от многовекового канона, легла в основу понятий богоподобности и индивидуальности человека.

Как отмечает французский культуролог Андре Мальро, «чтобы христианин увидел в Афродите статую, а не идола, надо было, чтобы произведения были освобождены от замысла, который их создал, от функции, которую они выполняли, и даже, хотя бы частично, от взгляда, которым смотрел на них их создатель. Ренессанс уничтожил божественность богов, которых он воскресил, чтобы превратить их в произведения искусства»[540]. Подобный пересмотр объектов наследия и заключен в рамки понятийного поля актуализации.

Ещё более значителен разрыв в актуализации архитектурного наследия. Возникшие сравнительно недавно понятия реновации и ревалоризации трактуются как смысловая перезагрузка объекта наследия, отказ или коренной слом первоначальной функции. В данном случае первопричиной изменений становится корректировка городской структуры, создание общедоступных пространств на месте некогда закрытых территорий. На базе промышленных или военных сооружений возникают парки, жилые или офисные комплексы. Наследие не только сохраняется, но, как правило, также становится более доступным для человека. При этом первоначальная функция сохраняется в исторической памяти и концепции комплекса, обеспечивая определённый романтический флёр и формируя положительный экономический эффект.

---

[539] Евлампиев, И. И. Идея музея в контексте европейской модели культуры и ее постмодернистское отрицание // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 105.

[540] Malraux A. Le muséeimaginaire. Paris: Éditions du Seuil, 1965. P. 207.

При этом, несмотря на значительный опыт подобных изменений, следует признать, что готового рецепта успешного проекта не существует. В каждом случае комплекс мер, направленных на актуализацию наследия, формируется индивидуально. Наследие следует признать максимально возможным нелинейным инструментом. Нелинейность наследия проявляется, в том числе, в непредсказуемости результата его актуализации. Однако в большинстве случаев этот итог превосходит не только прогнозы, но и объёмы затраченных ресурсов, что позволяет говорить об общей успешности сферы.

С учётом вышеизложенного особую значимость приобретают практические шаги, которые мы можем сделать для формирования должного отношения к объектам наследия. Как кажется, всё необходимое уже выполняется – объекты ставятся на учёт, существует методика их выявления, введены нормы, регламентирующие их эксплуатацию и сохранение. Тем не менее, этот краткий перечень первоочередных мероприятий следует признать неполным. Задачей интерпретации является конструирование необходимого образа объекта наследия в сознании человека. Решение этой задачи, как правило, не может подчиняться готовой методике. Напротив – объём интеллектуальных ресурсов, вкладываемых в её решение, зачастую не позволяет подойти к воплощению задуманных планов. Поэтому эту задачу, несмотря на её масштаб, следует признать решаемой индивидуальной. Рефлексия памятника должна сообщить каждому интерпретатору о неповторимости объекта и ценности не столько для человечества в целом, сколько для отдельного человека в частности. Иначе говоря, обязательным условием сохранения памятника в современную эпоху становится эмпатия конкретного человека по отношению к отдельному памятнику. Соответственно, объект наследия в результате интерпретации обязан быть более многогранным, чтобы с бóльшей вероятностью вызвать эмпатию, выстроив более вероятную связь с интеллектуальной базой интерпретатора.

Отметим, что важной задачей остаётся выстраивание и демонстрация многосложной и объемной ценности объекта наследия.

Исследователи отмечают значительное влияние интерпретации на восприятие: «эффекты коллективной памяти зачастую представляют собой скорее процессы конструирования коллективных интерпретаций, соответствующих целям и ценностям группы, чем собственно воспоминания»[541].

На современном этапе развития общества культура рассматривается в качестве одной из опор устойчивого развития общества[542]. Активность в актуализации артефактов культурного наследия является важным показателем зрелости общества. Внимание к охране памятников истории и культуры, зафиксированное в 44 статье Конституции Российской Федерации, берёт свое начало из философии Просвещения. Любые проблемы в общественном устройстве видны через дискуссии во внимании к прошлому, в том числе выраженному в материальной форме. Воспринимая культурное наследие, человек в первую очередь оценивает себя, интерпретирует собственное отражение в новом пространстве. Объект наследия способен возбудить чувства и воспоминания.

Интересной и актуальной научной задачей является философское осмысление наследия как социального капитала, способного быть неисчерпаемым ресурсом в решении важных задач. Любой объект наследия, создаваемый цивилизацией, является ёмким выразителем достижений человечества. Так кратко и глубоко рассказать о том, что представляет собой

---

[541] Емельянова, Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 7.

[542] Никонорова, Е. В. Культура и устойчивое развитие: контуры интеграции и возможности оценки степени взаимосвязи // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 20-21.

человеческая цивилизация, ничто, кроме наследия, не сможет. Именно поэтому сейчас, в эпоху ускоряющейся глобализации, столь успешной формой приобщения к цивилизационной, коллективной памяти является музей. Одновременно уничтожение наследия дезориентирует человека, лишает его прочной мировоззренческой основы. Следовательно культурное наследие представляет духовный фундамент человеческой цивилизации.

Так называемая «мечта о наследии», претворяемая в жизнь, приводит подчас к чрезвычайно любопытным явлениям. По определению непреодолимое влечение к демонстрации собственной культурной идентичности всегда должно базироваться на наличии собственного материального и нематериального наследия. Именно наследие, иллюстрирующее личную идентичность, способно рассказать о характере исторического развития явления или территории. Сложным процессом, требующим вовлечения большого объёма интеллектуальных и материальных ресурсов, является выявление наследия, характерного для какой-либо темы или территории. Серьезные изыскания, направленные на решение этой задачи, нуждаются в значительном сроке работы. По этой причине определение своеобразия собственной истории зачастую остаётся лишь перспективной научной задачей. Вместе с тем нередки случаи, в которых артефакты, отражающие своеобразие территории, остаются неизвестными нашим современникам. При этом с учётом непреодолимости желания представить «своё лицо» могут быть реализованы различные сценарии. Наиболее плодотворным остаётся проведение полноценных и масштабных научных исследований.

Однако чаще приемлемы иные методы. В эпоху ускорения и ценности быстрых результатов получить желаемый эффект хочется «здесь и сейчас». В таком случае территория предпочитает светить отражённым светом, демонстрируя в порядке экзотики иную культуру. Наиболее анекдотичен в

этом контексте пример застройки центральной части столицы республики Марий-Эл – Йошкар-Олы.

Несколько нейтральнее пример Саранска. Получение городом статуса региональной столицы в 1920-е годы вместе с амбициями региональных руководителей постепенно изменили облик местной застройки. Одновременной с постепенной трансформацией масштаба застройки, что характерно для большинства городов земного шара, в Саранске появились атрибуты городской среды – здание университета, кафедральный собор, новые здания краеведческого музея, обладающие нарочито столичным масштабом.

История предлагает ряд практических вариантов решения задачи использования и соответствующего сохранения объектов наследия. Эта азбука должна быть внимательно изучена для движения вперед. Зависимость получаемого зрителем текста от задач и особенностей сторон диалога вместе со спецификой самого объекта наследия делает получаемые интерпретации бесчисленными.

В системе человеческого знания наследие обладает безусловной ценностью, которую, однако, следует ежечасно поддерживать и публично декларировать. «Несмотря на то, что важность сохранения культурного наследия ни у кого не вызывает сомнений и мысль, что памятники являются обязательным условием развития культуры, общепринята, положение это теоретически недостаточно разработано»[543]. Однако, понимание ценности наследия прогрессирует, трансформируясь от осознания его особого статуса до комплекса мер по его сохранению, завершение этого процесса – в отдалённой перспективе.

Кроме этого, важной задачей, становящейся актуальней с каждым годом, остаётся увеличение объектов наследия. Одним из наиболее интересных и сравнительно малоизученных феноменов, связанных с

[543] Флоренский, К. П. О сохранении памятников культуры. Мысли натуралиста // Памятники Отечества. Книга вторая. - М.: Современник, 1975. С. 46.

культурным наследием, является понимание его объективного недостатка. Редкий объект материальной или нематериальной культуры проницает время и остаётся сохранённым в течение срока нескольких человеческих поколений. Немногим избалованным объёмом наследия территориям и их населению трудно представить, что обильное количество артефактов материальной и нематериальной культуры суммарно составляет лишь незначительную долю потенциальных объектов наследия. Дошедшие до признания в качестве объекта наследия артефакты – редкие примеры, подтверждающие как исключения общее правило. Нельзя не отметить широкие и развивающиеся ныне беспрецедентными темпами возможности цифровизации в направлении гибридной актуализации, использовании цифровых версий артефактов для создания интереса обращения к подлиннику.

По некоторым признакам и механизмов процесс актуализации культурного наследия возможно сравнить с процессом мемориализации. Формирование и поддержка исторической памяти в одном случае возбуждает потенциал исторических событий, в другом – потенциал объектов материального культурного наследия. Культурное наследие представляет неисчерпаемый ресурс. Исследователи отмечают, что «каждый новый шаг культурного развития увеличивает, а не исчерпывает информационную ценность культуры»[544]. В целом механизм выглядит сходно. Инструментами выступают расширение присутствия в визуальной среде и информационном пространстве, формирование и расширение пула партнеров и целевых аудиторий. Локальным брендам типа Снегурочки, или Тульского пряника ставят памятники в бронзе; на объектах культурного наследия появляются информационные таблички, в текстовом формате обосновывающие особый статус сооружений.

[544] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 613.

Однако следует отметить определённый риск, возникающий в данном случае. При этом отметим, что уничтожение подлинного артефакта не может являться единственным способом забвения смысла. Аналогичным по силе воздействия может быть и отсутствие усилий по актуализации объекта наследия. В ряде случаев подобная ситуация позволяет обострённо осознать собственную национальную и локальную идентичность. Усилия специалистов ограничены во времени, а человеческая жизнь, как правило, несравнимо короче срока жизни объекта наследия. На планете существуют тысячи брошенных мемориалов, символизирующих устаревшие или иным способом утратившие актуальность к нашим дням духовные ценности. Нередко материальная ценность таких сооружений вновь начинает превалировать над духовной, что приводит к официально не одобряемому, но зачастую поддерживаемому на местах, мародерству. Наследие по природе своей перерастает масштаб одной человеческой жизни, обобщая более крупное, коллективное выражение каких-либо процессов и явлений. От этого происходит и непонимание, несоответствие культурного наследия и отдельного человека.

В таком случае повреждённый или брошенный мемориал может нанести более значительный ущерб олицетворяемой духовной ценности. Так же и в деле актуализации культурного наследия выцветшая табличка, неаккуратно выполненное благоустройство вокруг редкого сооружения, сообщают в первую очередь о пренебрежении местного сообщества к сохраняемому наследию. В общем необходимо отметить, что работа по актуализации культурного наследия должна быть постоянным мероприятием, не ограниченным во времени.

В завершение главы позволим несколько обобщающих предварительных выводов в порядке резюме.

Сейчас в понятие актуализации культурного наследия в значительном количестве случаев вкладывают наращивание эмоционального напряжения,

расширение аттрактивности. Вновь такой подход диктует обращение к вопросу формы и содержания. Понимание под актуализацией наследия трансформации содержания – такая практика до сих пор не сложилась.

Наследие по результативности работы с ним обладает «эффектом брошенного камня». Сдержанный эффект мероприятий по продвижению наследия может объясняться узостью спектра реализуемых сценариев актуализации.

Результат работы с наследием имеет более серьёзный масштаб, нежели вложенные усилия. Но неисчерпаемая сила культурного наследия нуждается лишь в высвобождении, актуализации. Итогом планомерной работы может в равной степени стать как рост эффективности культурного наследия, так и трансформация цепи символов и смыслов, характерной для конкретного объекта наследия. Иначе – то воздействие вполне может стать разрушительным для сформировавшихся отношений между участниками социальной сферы. Время требует новых подходов в продвижении. При этом набор моделей продвижения не может иметь единый прототип. Одновременно необходимо помнить об уникальном свойстве культуры – способности к самовоспроизведению и саморазвитию. Внешнее управление этим процессом – сложная, но имеющая значительный потенциальный результат задача.

В случае, если мы примем за определение культурного наследия базис человеческой цивилизации, то в определённой степени его следует трактовать как визуализированную идеологию. Соответственно, комплекс мероприятий, высвечивающих и выводящих определённые объекты на первый план, является актуализацией наследия.

Наследие вступает в полемику с современностью, передавая иной взгляд на человека, формируя новые векторы и пути актуализации территорий. Эта дискуссия часто оказывает негативное влияние на наследие, заставляя игнорировать его в принципе, отпуская в забытье. В это же время вызовы

позволяют обеспечить прогресс в отрасли, формируя систему запросов заинтересантов.

ГЛАВА 4. РОЛЬ И МЕСТО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

4.1. Проблемные контуры методов сохранения и трансляции культурного наследия в философском осмыслении

Сохранение культурного наследия, как уже неоднократно отмечалось в настоящем исследовании, является одной из важнейших задач общества и государства. К настоящему моменту исследователями обозначен ряд проблем в сфере сохранения наследия. Ключевые противоречия между текущим состоянием и ожиданиями сформированы, в том числе, субъективными особенностями толкования понятия сохранения наследия.

К примеру, Основы государственной культурной политики закрепляют понятие сохранения культурного наследия, трактуя его как обеспечение физической сохранности объектов материального культурного наследия, собирание, документирование и изучение объектов нематериального культурного наследия, вовлечение в культурный и научный оборот объектов культурного наследия[545]. Приоритеты данного определения, замыкающиеся на физическом сохранении, сформировали, как нами замечено выше, ряд противоречий, исследуемых в настоящей работе. Приведенные ранее выводы обосновывают необходимость иного отношения к объектам наследия. Амбивалентная природа наследия требует слаженной работы в двух направлениях одновременно.

В настоящее время нередким явлением является негативное или безразличное отношение к наследию. Итогом может стать существование артефакта в состоянии «неблагородной» руины, иллюстрирующей всем своим существом понятие увядания. Объект наследия при своей неочевидной

[545] Основы государственной культурной политики (утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, с изменениями).

уникальности требует значительных ресурсов на его поддержание, и ещё более масштабных – на реставрацию. Актуальной темой является рассмотрение культурного наследия в логике моральной ответственности. Принадлежность наследия всему человечеству в целом неоспорима. В этом случае в силу того, что распоряжается наследием в конкретный момент времени конкретное поколение, возникает риск нанесения урона. Ущерб при этом несут наследники – последующие поколения, которые не получат культурное наследие в хорошей сохранности или вовсе не смогут восхититься подлинным артефактом.

Одновременно удивительным фактом остаётся стойкость убеждённости в проблемности наследия, определённо достойная лучшего применения. Это удивляет, поражает и одновременно требует внимательного анализа. Наследие всегда выступает залогом локальной идентичности. Как неповторимо сочетание природных и исторических факторов, оказавших влияние на формирование наследия, так и неповторимо само наследие. Следовательно, наследие следует понимать как мощный фундамент цивилизации, символизирующий ее развитие на разных этапах, как залог будущего.

Однако гул неодобрения чаще слышен по другому поводу. С точки зрения большинства объекты наследия узурпированы узкой аудиторией знатоков, применяющих его уникальные свойства в собственных корыстных интересах. До сих пор редки полноценные и однозначно понятные разъяснения о ценности наследия, определяющие целесообразность его ресурсного снабжения и обосновывающие значительный объём затрат на его сохранение. Отсутствие проработанности ценности наследия и адаптации для максимально широкого восприятия данной информации неминуемо ведет к непониманию реальной цены.

В публичном поле учащаются мнения о том, что наследие сохраняют лишь постольку, поскольку что это нужно единицам. Развивая этот тезис,

можно предположить, что существует почти преступная личная заинтересованность в этой финансируемой деятельности, обилии нормативных актов, формализованных условий и правил. Соответственно, объем инвестиций, необходимых для сохранения наследия, не поддержанный усвоенными широкой аудиторией обоснованиями, не вызывает иногда общественного согласия. Итогом этого является социальное отторжение от наследия, стремление исключить его из собственной жизни путём выстраивания личной дистанции или непосредственно физической ликвидации артефакта. От этого происходит столь резкая реакция. Наследию несложно получить роль основного раздражителя, символа негативных сторон человеческой жизни. Многочисленные примеры революционной поры, иллюстрирующие восприятие населением памятников религиозного искусства основным триггером и знаком угнетения прошлого времени зримо доказывают эту позицию. Важной задачей актуализации наследия является формирования позитивного образа наследия и его понимания в качестве примера успеха и процветания как государства в целом, так и отдельной территории в частности. Наследие, таким образом, на основании неоспоримых и в достаточной мере аргументированных исторических фактов конструирует новую позитивную и желанную реальность, отвечающую личным запросам человека. Артефакт служит инструментом воплощения мечты об идеальном.

С учётом вышеизложенной актуальности отсутствие упоминаний в нормативных документах интерпретации объектов наследия и их дальнейшей актуализации одновременно фиксирует заметную невнимательность государства и общества к этим процессам. Небрежение к наследию как способу моделирования системы общества, прогнозирования будущего человеческой цивилизации не позволяет учесть данную стадию сохранения наследия при формировании планов работы и, что важно, планов финансирования мероприятий по сохранению объектов наследия. «Выявление, изучение, охрана, реставрация и использование памятников

истории и культуры»[546] обозначены в отраслевом законодательстве одной из областей культуры. При этом популяризация, освоение или актуализация наследия в данной формулировке отсутствуют. В документе декларируется, что «современный этап развития России требует максимального вовлечения потенциала культуры в процессы общественного прогресса»[547], но этот желаемый результат не подкрепляется работающими инструментами.

Отметим, что российский опыт в сфере актуализации и интерпретации культурного наследия в целом обладает рядом уникальных преимуществ. Это объясняется, в том числе, многонациональным составом населения, который служит своеобразным коллективным портретом страны, заставляет нас понимать и принимать традиции соседа, воплощённые объектами материального и нематериального наследия. С учётом крупной территории и интересов обеспечения целостности государства наследие не воспринимается как однозначная экзотика, но скорее – как символ локальных различий, требующий уважительного отношения. Российские опыт и отраслевое законодательство однозначно следует признать исключительными по уровню детальной проработанности в мире. Внимание к исторической преемственности, заложенное в основу документов стратегического планирования, также способствует развитию сферы. Отдельные исключения, связанные с переломными эпохами, зримо подтверждают указанное правило.

При этом повышение роли объектов культурного наследия утверждается в качестве одной из задач государственной культурной политики[548]. Философ А. Арнольдов касается темы двойственной природы культурного наследия в контексте его актуализации[549]. Сохранение

---

[546] Закон от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

[547] Основы государственной культурной политики (утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, с изменениями).

[548] Основы государственной культурной политики (утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, с изменениями).

[549] Арнольдов, А. И. Введение в культурологию (новая расширенная редакция). Учебное пособие. – М: Народная Академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. С. 29.

физической оболочки объекта наследия, по мнению исследователя, не столь важно, как сохранение связи со зрителем, способным эмоционально отражать произведение культуры.

В сфере сохранении и воссоздания объектов наследия мы можем увидеть слияние архитектурной теории и философии, в том числе проявленное в трудах Якоба Буркхардта, Зигфрида Гидиона, Андрея Иконникова. Риски воссоздания объектов наследия однозначно формулирует выдающийся исследователь П.А. Раппапорт, указавший следующее: «К сожалению, существует опасная тенденция “воссоздания” древних памятников без документального обоснования, исходя из соображений, которые только самому автору реконструкции кажутся убедительными <…> Такие “новоделы”, конечно, не имеют никакого исторического значения»[550]. Воссоздание объектов наследия является фактически одной из форм тиражирования их физического воплощения, наравне с масштабным макетом, сувенирами и почтовыми карточками. Если тиражировать форму наследия ещё возможно, то содержание – нет. Однако нельзя н забыть о многообразии форм актуализации наследия и её эффективности, напрямую зависящей от использования разноформатных инструментов.

В. А. Крохин упоминает о Никольской церкви села Зачачье Емецкого района Архангельской области[551]. Церковь, датируемая 1679 годом, в 1904 году была «по сущности выполнена из нового материала». Новодел, макет в натуральную величину, не имеющий с подлинником ничего общего, кроме форм и габаритов, по прошествии ста лет воспринимается как оригинальный памятник. Аналогичные примеры есть и в пределах Костромского региона,

[550] Раппопорт, П. А. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. - СПб.: Лики России, 2013. С. 48.

[551] Крохин, В. А. Высотные памятники архитектуры в Архангельском музее деревянного зодчества (из истории переборки срубов. Нагрузки и деформации. Старение срубов) / Музей под открытым небом в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 20-летию Арханг. гос. музей деревян. зодчества и нар. искусства; [отв. за выпуск Т. Б. Черская]. – Архангельск: Арханг. гос. музей деревян. зодчества и нар. Искусства «Малые Корелы», 1995.

наиболее известен пример Никольской церкви в селе Андреевское. Клетский храм 1683 года, разобранный по ветхости, был выстроен заново в 1741 году, с сохранением прежней кривизны плана и архаичной для XVIII века прямоугольной апсиды. Завершение четырехскатной вальмовой крышей с многогранным подкупольным постаментом храм получил уже «по моде» XVIII века[552].

Подобное решение было реализовано на территории Буйского уезда. С конца XIV века здесь действует монастырь, основанный учеником Сергия Радонежского Макарием Писемским. С XV века в архивных документах монастырь именовался «Макарьевой пустынью». В Писцовой книге 1629 года упоминаются «церковь Преображение Христово, да другая церковь теплая Благовещение Пресвятой Богородицы древяны клецки…»[553]. Во второй половине XVII века на месте обветшавших деревянных храмов выстроили новый деревянный храм с шатровым завершением, описанный в 1683 году: «… церковь Преображения с приделом Павла Обнорского чудотворца, верхи шатровые»[554]. В 1786 году деревянный Спасо-Преображенский храм, в подклете которого покоились под спудом святые мощи преподобного Макария Писемского, сгорел[555]. На месте сгоревшего храма была сооружена деревянная церковь, получившая посвящение Преображению. Храм был дополнен приделом во имя преподобного Павла Обнорского. Около 1821 года в 20 метрах к юго-западу от неё на средства прихожан был возведён каменный храм также в честь Преображения Господня с приделами во имя святых Косьмы и Дамиана и преподобного Павла Обнорского[556]. В 1907 году

[552] Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2028. Оп. 1. Д. 1391. Никольская церковь (дер.) 1741 г. С. Андреевское. Сусанинский р-н.
[553] Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел 3-й для Костромской и Плесской десятин. Вып. 5. М., 1912. – 235 с.
[554] Титов, А. Упраздненные монастыри Костромской епархии -. М., 1909.С. 31.
[555] Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск X. Буйский район. Сусанинский район / И. Ю. Кондратьева. Е. Г. Щеболева (ред.). - Кострома : департамент культурного наследия Костромской области. 2008. С. 142.
[556] Известия Императорской Археологической комиссии. Выпуск 31 (Вопросы реставрации, вып. 8). - СПб. : Типография Главного Управления уделов, 1909. С. 132.

деревянная церковь опять сгорела, и на её месте в 1909-1912 годах возвели деревянную церковь во имя преподобного Макария Писемского. Композиция нового храма, по-видимому, повторила объёмную композицию предыдущего храма[557].

Исследователи единодушно отмечают церковь как «редкий для начала XX века образец деревянного многоярусного храма, архитектура которого отличается ретроспективными формами, воспроизводящими композицию предшествующего храма»[558]. На нижний приземистый четверик водружен четверик меньшего размера и два последовательно уменьшающихся восьмерика, увенчанные крупной главой. С востока к четверику примыкает пятигранная алтарная апсида, с запада – крупная четырехгранная трапезная и притвор с одномаршевым крыльцом. В интерьере бревна отесаны. Снаружи стены храма обшиты тесом, выкрашенным в белый цвет. Храм покрыт металлической фальцевой крышей; карнизы ярусов оформлены подзорами. Воссозданный храм украсил новый иконостас, выполненный в русско-византийской стилистике.

При этом новое строительство позволило существенно усовершенствовать технологию возведения храма. Здание поставлено на высокий кирпичный цоколь, устроен широкий проём между четвериком и трапезной, увеличивающий пространство для прихожан и пристроено широкое пологое крыльцо. Данные учётной документации отмечают хорошее состояние памятника. Стоит отметить, что первое обследование и постановка на учёт этого здания как памятника истории и культуры были проведены спустя 37 лет после начала строительства[559], что объяснимо его

[557] Баженов, И. В. Краткие статистические сведения о приходских церквах Костромской епархии. Справочная книга. – Кострома: Губернская типография, 1911. – 407 с.
[558] Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск X. Буйский район. Сусанинский район / И. Ю. Кондратьева. Е. Г. Щеболева (ред.). – Кострома : департамент культурного наследия Костромской области. 2008. – 343 с.
[559] Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 130. Оп. 2. Д. 3802. ц. Преображения Буйского района.

интерпретацией как древнего сооружения, наследующего ещё более архаичные формы. В настоящее время храм продолжает использоваться по первоначальному назначению.

Современные исследователи в работах, посвящённых различным смыслам основополагающего понятия памятника как объекта наследия, отмечают следующее: «памятник – это не что иное, как сигнал для памяти, пробуждающий какое-то воспоминание»[560]. Таким объектом может стать народная песня, воскрешающая в сознании путешествия или детские годы, деталь орнамента, знакомая по каким-либо произведениям искусства. Безусловная ценность подлинника нередко подвергается сомнению, что может быть аргументировано в целом утратой системы ценностей: «Во второй половине XX века началось размывание ценностных критериев в культуре, связанное сначала с практикой репродуцирования произведений искусства (от чего теряется представление о ценности подлинника), позднее – с распространением идеи плюрализма»[561]. Корректировка образов, связанных с наследием, грозит заменой смысловых ориентиров, перестройкой мировоззрения значительных социальных групп.

Адаптация наследия, фактически направленная на создание серии повторений значений артефакта, доступных для понимания, нередко приводит к сокращению ценности памятника.

Продолжая тему возникающих с подачи символов воспоминаний отметим, что в настоящее время продолжает быть актуальным направление устройства полноразмерных копий живописных, скульптурных, архитектурных произведений. Целью подобных акций является возбуждение

---

[560] Горлова, И. И., Коваленко, Т. В., Зорин, А. Л. О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох // Культурное наследие России № 4 (октябрь-декабрь) 2018. С. 4.

[561] Щенков, А. С. Архитектурно-градостроительное наследие в научных исследованиях РААСН // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году: науч. тр. РААСН: в 2 т. Т.1 / РААСН, Иван. гос. архит.-строит. ун-т; под ред. А.П. Кудрявцева [и др.]. - М. - Иваново, 2010. С. 51-52.

социальной памяти, напоминание через копию артефакта о фактах, связанных с его бытованием. П. А. Раппопорт уточняет: «Возведение архитектурного сооружения – слишком сложный процесс, чтобы его можно было оговорить словами»[562]. Данный тезис доказывает особую актуальность выделенного направления.

Как отмечают современные исследователи, актуальные методы сохранения объектов культурного наследия по ряду обстоятельств уделяют наиболее заметное внимание физическому состоянию объектов. концентрируют внимание на физическом сохранении объектов. Зачастую работа в данной сфере ограничивается тем, что видно и заметно обывателю и может быть по содержанию приведено к одному из двух принципов: «первый – создание условий для сохранения (недопущения исчезновения) и обеспечения жизнеспособности объектов культуры, второй – обеспечение индивидуальных прав граждан на доступ к культурному наследию и возможность вносить вклад в его обогащение»[563]. Однако «при этом заметным становится взгляд, при котором объект культурного наследия воспринимается как источник, вдохновляющий на создание нового культурного, творческого продукта»[564]. При этом результатом вдохновения вполне может стать как качественно новый продукт, так и «повторение пройденного» исторического этапа. Немалое количество объектов, к примеру, архитектуры, после их утраты вновь восстают из пепла как по мановению волшебной палочки: «Сотни замков, крепостей, соборов – фактически «новодел». Думаю, ничего плохого не будет в том, что появятся новые “муляжи”, которые всего лишь напомнят

[562] Раппопорт, П. А. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. - СПб.: Лики России, 2013. С. 155.
[563] Неретин, О. П., Томашевская, Е. А. Традиционные знания и традиционные выражения культуры как аспект интеллектуальной собственности: проблемы выявления и охраны // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 540.
[564] Пиляк, С. А. Проблемные контуры методов актуализации наследия в философском осмыслении // Ценности и смыслы. 2022. № 2 (78). С. 18–27. https://doi.org/ 10.24412/2071-6427-2022-2-18-27.

прошлое»[565]. Сложности воплощения этого варианта в текущей правоприменительной практике оправдываются целью. В компетенции суверена «… должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция»[566]. Методика работы с культурным наследием практически всегда включает подобные случаи.

Взамен вдумчивой актуализации наследия возник нереализованный план Вуазен Ле Корбюзье и реализованный проект проспекта Калинина (Новый Арбат) Михаила Посохина. На наш взгляд, взамен резким действиям в этой сфере должна прийти актуализация и общий компромиссный подход. Методическая проработка этого процесса – важная и актуальная задача современности.

Как отмечает А. Левинсон, возведение памятника или любая иная мемориализация факта или пространства возможны лишь в том случае, если определённая версия прошлого вольно или невольно признаётся обществом[567].

В целом сказывается понимание наследия как субстрата прошлого, некоего массива, отторгнутого за борт современности. Это в целом объясняется известным феноменом самоисключения наследия из действительности. Однако, понимая высокий потенциал наследия, на наш взгляд, следует в определённой степени пересмотреть общепринятые представления о нём.

Наследие, обобщающее материальные и нематериальные артефакты, впитывает наслоения сменявшихся друг друга исторических эпох, как нельзя лучше отражает традиции территории и периода, государства и города. Особо

---

[565] Лежава, И. Г. Будущее городов // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году: науч. тр. РААСН: в 2 т. Т.1 / РААСН, Иван. гос. архит.-строит. ун-т; под ред. А.П. Кудрявцева [и др.]. - М. - Иваново, 2010. С. 26.

[566] Шмитт, К. Политическая теология. – М.: Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. С. 15.

[567] Левинсон, А. Фундаментализм и категория исторической вины // Неприкосновенный запас. 2010. Вып. 3 (71). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/fu6-pr. html (дата обращения: 15.11.2016).

заметным это свойство становится при выборе символа – им, как правило, становится именно наследие.

С учётом вышеизложенного очевидной проблемой становится вопрос целеполагания. Необходимо делать, но что именно? Конкретный комплекс мероприятий не утверждён в действующей нормативной базе и, следовательно, не может быть профинансирован.

Эта стратегическая проблема касается всех объектов наследия, но наиболее чётко она сформирована на примере архитектурных памятников. Что можно считать более приоритетным для сохранения объекта наследия – конкретный материал, из которого он создан, или его облик? Сохранение одного возможно лишь с нанесением прямого и существенного урона для другого.

Отметим, что мнение профессионального сообщества во многом поляризовано. Отказ от воссоздания как метода или абсолютная приверженность ему как способу относительно реалистичной презентации наследия, ранее существовавшего в физическом воплощении, разделили сообщество на два профессиональных лагеря. При этом более всего современность занимает воплощение артефактов мира идей – символов прошлого, не получивших ранее современности воплощения. Созвучие современности минувшим эпохам заставляет возвращаться к зримым символам и образам, получающим в таком случае роль культурного связующего моста, выстраивающего параллели между в чём-то родственными временами.

Физическое воплощение объекта культурного наследия, как правило, является явным, заметным, и подлежащим сохранению по предписанным для материальных объектов нормам. Форма вновь поглощает содержание. Памятник утрачивает своё значение и саму возможность его в дальнейшем каким-либо образом предъявить. По мысли Ю. М. Лотмана, «хранить – означает регенерировать, воссоздавать заново». Важнейшее свойство работы

с культурным наследием состоит в его постоянной актуализации. Каждый объект наследия предстаёт в сознании каждого человека заново и неминуемо приобретает новые грани своего образа. Взамен распространённой современной трактовки невозвратности (трактуемой в ряде случаев как нецелесообразность) трат на ремонтно-реставрационные работы следует перейти к пониманию этих расходов как инвестиций, вкладу нынешнего поколения «культурных наследников» в собственную культуру и жизнь наследующих им поколений.

Вместе с тем «… объекты материальной культуры, будь то объекты недвижимости или движимые ценности, также отражены в смежном гражданском законодательстве, что, в свою очередь, позволяет регламентировать работу с ними и в сфере культурного наследия. Однако стоит заметить, что получившее широкое распространение полное воссоздание объектов или замена подлинника суррогатом, до сих пор не имеет детального отражения в отечественном законодательстве, разработанной правоприменительной практики и чётких границ применимости.

Третьей проблемой, смежной с указанными двумя, следует указать то, что в сравнении с физическим воплощением духовная сторона объекта наследия регламентируется более поверхностно»[568]. В соответствии с парадигмой, сформированной работами учёного А. С. Панарина[569], «культура в современной цивилизации испытывает кризис одновременно в трёх направлениях: в доминировании утилитарно-прагматического принципа, в падении общего жизненного тонуса цивилизаций, в утрате идеалов и размывании базовых понятий культуры. В итоге возникает кризисная ситуация подмены стратегических приоритетов тактическими интересами»[570].

---

[568] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

[569] Панарин, А. С. Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Цивилизация и культура. Вып. 3. - М., 1996. С. 29-30.

[570] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

Одновременно важное поле культурной сферы рассматривается в качестве пространства идеологической битвы: «наибольшую интригу в аналитике кода западной цивилизации представляет собой принцип отделения ценностей от интересов. Здесь наблюдается ситуация, при которой из политической сферы удалён блок высших смысловых вопросов бытия»[571]. Данное проблемное поле привлекает внимание значительного количества экспертов. К примеру, кандидат исторических наук, главный археолог Москвы Л. В. Кондрашев отмечает, что «таким образом происходит смещение акцента с практики сохранения культурного наследия к актуализации наследия – деятельности, направленной на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру»[572]. Таким образом, сформулированные выводы подтверждаются заключениями ведущих экспертов, осуществляющих деятельность в области сохранения материального культурного наследия.

С учётом современного расширения практик концептуализма, характеризующихся особым отношением к стержневой идее, замысле произведения как самостоятельного авторского проекта[573], трансформируются инструменты продвижения и репрезентации объектов культурного наследия. Эта сложная антропологическая проблема отвечает актуальным научным задачам. «Современная наука поднялась на огромные высоты в сфере различных знаний, но в центре её внимания всё же должен стоять человек и всё, что связано с его жизнедеятельностью и его потенциальными возможностями, так как только от человека зависит существование

---

[571] Муза, Д. Е. Глобальное варварство как катализатор роста постцивилизационной онтологии (к логике тотального «вызова» и цивилизационных «ответов») // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. - М. : Институт наследия, 2019. С. 103.

[572] Кондрашев, Л. В. Археология Москвы: древние и современные черты московской жизни / Леонид Кондрашев. - М.: Издательство «Э», 2018. С. 227.

[573] Балаш, А. Н. Современная художественная выставка как междисциплинарный проект // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 17.

цивилизации и всего человечества»[574]. Обращение к наследию остаётся важнейшим для человеческой культуры условием.

Четвертая проблема, на которую в контексте настоящего исследования необходимо обратить особое внимание, является субъективное отношение к объектам наследия. Особо стоит рассмотреть зависимость культурного наследия от человека. Утрата материального воплощения объекта наследия зачастую зависит от отдельного человека. Внимательное отношение к памятнику является залогом его сохранения. Также возможно рассмотреть и обратный процесс зависимости человека от наследия. Настоящее зачастую рассматривается как проживание будущего через призму прошлого. Незнание прошлого, отдалённость от него гарантирует формирование комплекса проблем и сокращение диапазона перспективных возможностей. Намеренное уничтожение артефактов по военных или религиозным основаниям напротив, позволяет в полной мере оценить значимость артефакта. Наследие следует признать наиболее незащищенной жертвой в, к примеру, межрелигиозных конфликтах. Буквальное уничтожение наследия в таком случае приводит к разрыву духовных связей между территорией и присущей ей национальной культурой.

В продолжение темы заметим, что серьезную сложность в актуализации культурного наследия нередко представляет несоответствие, возникающее между артефактом и архетипом. Как отмечают исследователи, распространённым решением может стать «… использование памятника в роли цитаты»[575]. В некоторых случаях активное вторжение в структуру

---

574 Некрасов, А. С. Философский анализ творческого потенциала в человеческом и социальном измерении : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.13 / Некрасов Андрей Сергеевич; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. - Москва, 2020. С. 35.

575 Слюнькова, И. Н. Наука и актуальные вопросы сохранения идентичности историко-архитектурного наследия // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2016 году: Сб. науч. тр. РААСН. Т. 1. - М.: Издательство АСВ, 2017. С. 226.

подлинного здания и его множественная поэлементная замена способна превратить здание в цитату самому себе, лишив оригинальности. Как известно, «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее»[576]. В этом состоит особый потенциал культурного наследия в качестве вневременного символа культурной идентичности.

В таком случае объект наследия даёт ответ на вопросы, актуальные как для отдельного человека, так и человечества в целом. «Постоянно находящимся в состоянии стресса людям рынок предлагает временно забыться, погрузившись в своеобразное “псевдопрошлое”, представляющее собой некую смесь суррогатов далекого “золотого века”, “ностальгии по старине”, а также естественности, экологичности и психологической устойчивости»[577]. Участие подлинных памятников в имитационных, развлекательных и коммерческих процессах невозможно прекратить полностью, но, тем не менее, требует известного ограничения.

Переход от сохранения подлинного наследия к имитации ценности наследия нельзя назвать желаемым результатом. Тем не менее, зачастую реализуется именно представленный сценарий, закономерно вызывающий критику профессионального сообщества. Нарушение подлинности памятника в угоду рынка культурных услуг наносит вред не только наследию, но и самому сохранению исторической правды.

Вышеизложенные тезисы акцентируют внимание на то, что работа с наследием представляет пример ценностного мышления и нестандартной логики. Адекватность инструментария возможна исключительно при реализации творческого потенциала.

---

[576] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. - СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 241.

[577] Горлова, И. И., Коваленко, Т. В., Зорин, А. Л. О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох // Культурное наследие России № 4 (октябрь-декабрь), 2018. С. 6.

4.2. Интерпретация как метод сохранения культурного наследия

Интерпретация, понятийное поле которой охватывает репрезентацию и трансляцию, ранее не подвергалась рассмотрению в качестве самостоятельного инструмента прямого и косвенного сохранения объектов культурного наследия. Сформировавшаяся методика фиксации, профилактики утраты и выборочного воссоздания рассматривала объект наследия как артефакт, сохраняющийся в веках и имеющий потенцию быть утраченным навсегда.

Проблематика современности диктует необходимость трансформации подхода. Важнейшим условием сохранения объекта наследия является переход от интерпретации к актуализации. При осуществлении такого перехода возникает ряд проблемных моментов. Отметим, что наиболее часто встречающейся словесной характеристикой наследия является «проблема». Трудно подобрать более стойкое сочетание, что в полной мере характеризует сложности развития этой сферы. Тем не менее, автор склонен к более оптимистичному сценарию. Для культурного наследия в целом характерен оптимизм, позволяющий наперекор объективным изменениям во времени и смене парадигм человеческих социумов сохранить информацию и художественные образы, заключенные в каждом артефакте.

Во-вторых, как правило, материальное культурное наследие за значительное время если не исчезает полностью, то претерпевает различные утраты. Восстановление функции или визуальной целостности в ходе, к примеру, реставрации, зачастую не способно полностью вернуть свойства предмета и обеспечить возможности его использования. Следовательно, его использование должно осуществляться с учётом его особого статуса. Характерным примером может стать археологическое наследие. Фрагменты материальной культуры минувших эпох: остатки зданий, черепки керамических сосудов определенно не будут использоваться по

первоначальному назначению. При этом подобная неполноценность с точки зрения введения объекта в экономический оборот не снимает обязанность охраны подобного наследия.

В-третьих, немаловажным условием является субъективность актуализации культурного наследия. Неоспорим тот факт, что в культурном наследии человек видит самого себя. Иначе, артефакт минувшей эпохи позволяет раскрыть человеку в собственном опыте и собственном характере черты, ранее им не признаваемые и не культивируемые. На примере обыденного опыта этот тезис возможно проиллюстрировать примером человеческих отношений. Любой близкий партнёр способен поменять человека, скорректировав как его решения, так и его характер. В свете темы нашего исследования возможно заявить, что подобным партнёром способен выступить объект культурного наследия.

Естественно, культурное наследие в полной мере «окультурить» невозможно. Во-первых, проблему для этого создаёт сам массив наследия. Созданный за минувшие тысячелетия, массив значительно превышает объем всех предметов, синтезированных нашими современниками. Конечно, в данном массиве обществом и экспертным сообществом в качестве культурной ценности выделяются какие-либо своеобразные единицы, в дальнейшем получающие особый статус. Однако методика выявления объектов культурного наследия, как ранее, так и сейчас, из-за комплекса субъективных факторов может быть подвергнута сомнению. Использование всего массива наследия является невозможным в принципе. Этот объём не подлежит даже приблизительному подсчёту. Решением данной проблемы стала систематизация объектов в зависимости от признания их ценности. Следовательно, что является закономерным и логичным явлением, для каждого из уровней действует своя система защиты и учёта. «Известно, что сегодня популярны идеи, теории, связанные с актуализацией культурного наследия, но в них речь идёт, прежде всего, об объектах материального

культурного наследия (памятниках истории и культуры)»[578]. «Выстраивание подобных связей позволяет за счёт узнаваемости иных артефактов, их сформированных брендов составить понятный портрет актуализируемого объекта»[579]. Структуризация наследия позволяет выстроить первоначальный контекст для артефакта.

Во-вторых, объекты материального культурного наследия за период своего существования претерпевают многочисленные утраты. Материальные артефакты составляют особо уязвимый сегмент массива культурного наследия. При этом восстановление функциональной или визуально целостности в ходе, к примеру, реставрации, зачастую не способно полностью вернуть свойства произведения. Соответственно, его использование должно осуществляться с учётом особого статуса. Характерным примером, способным проиллюстрировать указанную особенность объектов культурного наследия, являются ситуации, связанные с археологическим наследием. Культурные слои минувших эпох, фрагменты зданий и осколки сосудов определённо не будут использоваться по первоначальному назначению. При этом наличие указанной особенности не снимает обязательств по охране наследия. Использование подобных объектов наследия либо замыкается в музейной сфере, либо вообще не осуществляется. Во втором случае объект наследия, в лучшем случае, остаётся законсервированным в культурном слое, ожидая возможного использования на следующем этапе.

Анализируя данную проблематику, заметим, что важной современной философской задачей остаётся включение в пространство человека объектов культурного наследия. Помимо важной мировоззренческой задачи, этот процесс имеет и перспективный антропологический эффект.

---

[578] Томюк, О. Н. Философские основания творчества как феномена культуры: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Томюк Ольга Николаевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»]. – М., 2020. С. 4.

[579] Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

В продолжение размышления примем во внимание, что наследие, обладающее спецификой, свойственной иным антропологическим феноменам, служит человечеству в целом. Использование артефактов, противоречащее самой природе наследия, не будет результативным. Исследователи отмечают: «Музыканты должны создавать музыку, художники должны писать картины, поэты сочинять стихи, чтобы оставаться в согласии с собой. Человек должен быть тем, чем он может быть. Люди должны сохранять верность своей природе»[580]. Расширительная трактовка этого принципа позволяет толковать эти положения и для наследия.

Этот процесс позволяет, помимо отмеченной практической задачи, решить и ряд теоретических вопросов, в том числе понять, насколько соизмеримы человек настоящего и наследие прошлого. Этот вопрос можно рассматривать в контексте развития пространства, трансформирующегося вслед за изменением габаритов и гибкости человеческого тела, так и растущими эргономическими требованиями. Несомненно важным аспектом являются и противоречия, накапливающиеся по причине различия технологий и производственных процессов.

Также следует отметить мировоззренческий контекст. До сих пор предметом спора является то, следует ли учитывать наследие в обеспечении развития человека и его среды. Ответы на этот вопрос представляют ряд работ современных исследователей О. А. Жуковой, Н. Б. Маньковской, А. В. Маркова, А. В. Павлова, В. Н. Поруса, Р. З. Хестанова и других. Кроме этого, необходимо знать, существуют ли какие-либо противоречия между человеком и наследием, способны ли они понять и принять друг друга безоговорочно. Встраивание предметов наследия в среду человечества, как материальную, так и духовную, учащение возможностей контактов – есть залог сохранения наследия.

---

[580] Маслоу, А. Г. Мотивация и личность [Текст] / Абрахам Маслоу ; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. - 3-е изд. - Москва [и др.] : Питер, 2013. - 351 с.

Следовательно, грамотная работа с интерпретацией культурного наследия способна служить и его сохранению, транслируя широкой аудитории ценность памятника. Петр Вайль и Александр Генис справедливо отмечают, что «история существует у любого народа только тогда, когда о ней написано увлекательно»[581]. Перефразируя эти слова, можно отметить, что наследие живо тогда, когда оно аттрактивно и эмоционально. Известная адаптация наследия может служить залогом его привлекательности, а, значит, и сохранения для последующих поколений. Расширение зримого и неосознаваемого наследия в повседневной жизни является важным и результативным инструментом работы. Репрезентация объема наследия в среде, равно как и репрезентация отдельных черт, элементов, способных повысить его узнаваемость, сделают наследие более близким и знакомым человеком, в том числе на уровне подсознания.

В рамках решения обозначенных задач следует признать, что наследие составляет особую среду человека, визуализирующую прошлое и выстраивающее вектор будущего. Актуализация традиционных ценностей предопределяет трансформацию в отношении к наследию. Одновременно к вопросу актуализации культурного наследия чрезвычайно важно привлечь профессиональное сознание специалистов, направленное на интеграцию методов, техник и приёмов. Актуализация наследия иногда означает сделать его выразительным, обеспечить его возможность без дополнительной подготовки зрителя сообщить о том, что оно символизирует. Фактически интерпретация культурного наследия означает его адаптацию для восприятия широкой аудитории. Таким образом актуализация наследия расширяет пространство исключительной, безоговорочной и несомненной ценности артефакта, его ментальной власти над человеком и будущим человечества.

[581] Вайль, П., Генис, А. Собрание сочинений: в 2 т. Том 1. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 18.

На наш взгляд, безусловный приоритет наследия позволит в полной мере утвердить значимость фундаментальных истин по отношению к сиюминутным сюжетам. Как известно, прошлое есть база для будущего. Отношение к наследию – индикатор развития общества. Через отношение к культурному наследию проявляется гражданский менталитет общества. Культурное наследие есть выражение коллективной совести, служит воплощением стабильности и надежности идентичности, вопреки всем колебаниям.

Интеграция культуры в глобальное пространство грозит утратой идентичности. Кроме этого, интеграция способна истощить духовный потенциал, оставляя его невостребованным, заменяя уникальность на усредненность. Глобализация способна дать межгосударственный характер наследию. Объекты Всемирного культурного наследия, к примеру, служат символами не столько отдельных государств, сколько мировой цивилизации в целом. В. М. Алпатов, анализируя общие для человечества перечни уникальных объектов наследия, называет два основных мировых списка – перечисленные Геродотом Семь чудес света и сформированный намного позже Список Всемирного наследия[582]. Участие в подобных рейтингах является желанным для многих объектов наследия, позволяя создать условия для до́лжной презентации собственной уникальности, в том числе и за счёт уже сформировавшихся брендов.

Культурное наследие как субстрат смыслов, объединяющих социум на определенной территории, по своему формату находит некоторые соприкосновения с религией. Уничтожение объектов наследия влечёт разрушение национального сознания в целом. Как отмечают исследователи, анализируя процессы взаимодействия национальных культур, «инокультурное включение оказывается некоей обособленной суперпозицией

[582] Алпатов, В. М. Сохранить ценности человечества // Памятники Отечества. Книга вторая. - М.: Современник, 1975. С. 40.

национальной культуры и прежней материнской культуры представителей некоренного населения, что говорит об утрате прежних завоеваний национальной однородности»[583]. С учётом государственной поддержки национальных культурных автономий, последовательно осуществляемой в современной России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, угроза вытеснения национальной традиции вполне зрима. Однако при этом существование общероссийской культурной идентичности не подвергается сомнениям. «Носителями русской (российской) цивилизационной идентичности являются люди различных этнических и религиозных групп, их объединяет общая система ценностей, коллективная память и единый исторический путь»[584]. Совместное сохранение и развитие национальных культур формирует основополагающую платформу российской государственной культурной политики.

Российский культурный ландшафт, обладая очевидной спецификой, заставляет особо рассмотреть понятие двойной идентичности, разработанное и внедрённое К. Хюбнером[585]: «После того, как Россия вобрала в себя Великую Степь и разнородные культуры своих южных соседей, она сформировала двойную идентичность – этническую и общенациональную»[586]. Сложностная деталь российского менталитета позволила организовать единую государственную платформу для сотен народов, проживающих на огромной территории: «Природа русской культуры, обеспечивающей единство многонационального народа России на основе сохранения культурной и

---

[583] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. - М.: Логос, 2005. С. 301-302.

[584] Беспалова, Т. В. Мировоззренческие основания цивилизационного подхода: к постановке проблемы // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018-2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 33.

[585] Хюбнер, К. Нация. - М.: Канон, 2001. С. 12.

[586] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 285-286.

национальной самобытности всех народов страны»[587], определяет неповторимый характер культурной идентичности. Также исследователи утверждают, что «в той русской идее, которую на протяжении многих веков исповедует русский народ, нет места чисто национальным мотивам»[588]. Данный тезис находит отражение и в объектах наследия.

Кроме этого, «Русская идея всеобщей справедливости не предполагает и не допускает ни в коем случае разделения сограждан на “коренных”, “оккупантов”, “мигрантов”, “пришельцев” и т.д.»[589]. Данный тезис в полной мере отражён и в нормативных актах. К примеру, действующая редакция отраслевого Закона применяет сложный вариант основополагающего термина – «объект культурного наследия (памятник истории и культуры народов Российской Федерации)»[590]. Следует помнить, что в противном случае утрата наследия ведёт к потере национальной и цивилизационной принадлежности культуры. Наподобие засохшей кроны дерева, лишенного корней, современность утрачивает живительную силу наследия.

Итогом нашего анализа следует признать не только высокий практический потенциал метода. Актуализация возможна в различных формах. Однако важнейшей задачей остаётся формирование идейного комплекса наследия, организация его служения стратегическим и тактическим задачам национального строительства. Объясняя, какие смыслы могут быть

---

[587] Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2019 году. - М.: Министерство культуры Российской Федерации. С. 4.

[588] Бабилунга, Н. В. Русская национальная идея и Приднестровье // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 14.

[589] Бабилунга, Н. В. Русская национальная идея и Приднестровье // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 23.

[590] Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ.

проиллюстрированы объектом наследия и обеспечивая их созвучие задачам современности, мы можем создать оптимальные условия для обретения артефактом необходимой для его сохранения ресурсной базы. К примеру, одной из наиболее очевидных аксиом является то, что наследие позволяет остаться в русле традиционной культуры. Современный запрос на продвижение традиционных культурных ценностей наиболее последовательно возможно реализовать именно путём обращения к объектам культурного наследия. Выстраивание продуктивных смыслов и идейных оснований является использованием интеллектуального ресурса в сохранении наследия.

Вышеизложенные тезисы акцентируют внимание на то, что культурное наследие требует постоянного внимания. Сравнить отношение к культурному наследию возможно, пожалуй, с вниманием к человеку пожилого возраста. Лишь постоянная забота в состоянии сделать жизнь как человека, так и памятника, приятной, избавив её от большинства невзгод, связанных с изменениями здоровья или технического состояния.

В российских реалиях до сих пор наиболее действенным методом актуализации культурного наследия остаётся поиск соответствия между объектом наследия и тем или иным аспектом государственной политики. Желание визуализировать достижения Петра I, отразив важность приоритетов его международной политики в начале XXI века, к примеру, воскресило дворцовый комплекс в Стрельне.

Определённое значение для сохранения культурного наследия имеет его сакрализация. Как отмечает С. Л. Франк, «сознательно или бессознательно, в согласии ли с умышленной волей людей или вопреки ей – общество в своей основе носит сакральный, священный характер <…> религиозная жизнь есть первичная социально объединяющая сила, непосредственно связанная со сверхиндивидуальным единством “мы”»[591].

[591] Франк, С. Л. Духовные основы общества. – М. : Республика, 1992. С. 90.

Мифологизация отдельных объектов культурного наследия способна стать залогом их физического сохранения. Российская история способна дать и иные примеры; мифологизация объекта в ряде случаев на определённом историческом этапе выступает залогом его скорейшего физического уничтожения. Тем не менее, сакрализация наследия, несмотря на солидную историю практического применения, ещё нуждается в теоретической разработке с целью формирования, насколько это возможно, универсальной методики для использования в будущем.

В целом объект, приобретая новое значение и становясь символом одного из государственных приоритетов, получает, хотя бы на время, особый статус, который невозможно утвердить нормативным актом. Такой статус способен оградить объект наследия от посягательств. Однако не менее весомым статусом способно наделить не только государство, но и общество – как в широком смысле, так и обособленное местное сообщество. В условиях России это как население города или иного заселенного места, так и объединение людей по профессиональному, гендерному, имущественному и другим признакам.

4.3. Потенциал интерпретативной стратегии в контексте сохранения культурного наследия

Можно представить культурное наследие как общечеловеческий ориентир, материализованную часть духовной культуры. «Культурологи называют культурное наследие концептом, отражающим определённый способ интерпретации прошлого»[592]. Наследие в концентрированном виде аккумулирует и демонстрирует потомкам значимые ценности культуры. Как отмечают современные исследователи, «Укрепление цивилизационных основ

[592] Кондрашев, Л. В. Археология Москвы: древние и современные черты московской жизни / Леонид Кондрашев. - М.: Издательство «Э», 2018. С. 225.

в сфере государственного строительства позволит повысить статус России в мировом пространстве, создать необходимые условия для укрепления единства российского общества, решения проблем русского и других коренных народов России, поможет преодолеть самые масштабные, в том числе и военно-политические угрозы в отношении России»[593]. Это делает тему исследования чрезвычайно актуальной.

Тем не менее отметим, что обладающее высокой ценностью наследие в значительном количестве случаев готово вызвать заметное разочарование. Высокая духовная роль наследия не может автоматически проявиться в привлекательном облике артефакта. Сейчас комплекс проблем, связанных с сохранением артефактов прошлого, заставляет воспринимать наследие как угрозу спокойному существованию человека, нерешаемую проблему, тяжелый груз. Однако при условии восприятия наследия как связующей нити между прошлым и настоящим, устремлённым в будущее, можно рассмотреть потенциальные возможности.

Одновременно, осознавая как уже воплощённые, так и перспективные проблемы сфер человеческой деятельности, связанных с культурным наследием, мы неоднократно отмечали роль наследия в качестве маркера зрелости социума. Наследие традиционно выступает в роли совокупного самосознания общества. И. П. Меркулов указывает, что «потребность в философских знаниях со стороны более широких социальных слоев, как правило, значительно возрастала в эпохи мировоззренческих кризисов, периодически возникавших в “смежных” областях духовной культуры»[594]. Культурное наследие как философская и мировоззренческая константа

---

[593] Беспалова, Т. В., Минаков, А. Ю., Васильев, Г. Е. Анализ основных документов стратегического планирования Российской Федерации в сферах образования, культуры, государственной национальной политики и национальной безопасности // Совершенствование понятийного аппарата в сфере государственной культурной политики современной России : коллективная монография. - М. : Институт наследия, 2020. С. 42.

[594] Меркулов, И. П. Когнитивные способности. - М: Институт философии Российской академии наук, 2005. С.9.

позволяет сохранить единство когнитивных и социокультурных качеств и характеристик. Следовательно, возможности наследия ещё далеко не полностью используются человечеством.

При этом многосоставной характер проблем, связанных с сохранением наследия, дополнительно усложняется иными специфичными особенностями человеческой культуры. Одной из наиболее упоминаемых и до сих пор не исчерпанных с точки зрения научного поиска проблем является конфликт категорий количества и качества в культуре[595]. Отметим, что в настоящее время эта проблема получает особое развитие. Современные программные документы по-своему решили этот вопрос в пользу первой категории, хотя без оценки качества культуры невозможно запрограммировать её развитие в будущем.

Мы делаем вывод о том, что внедрение объекта в культурный оборот служит единственным залогом его сохранения. Вписать в современность, выявить значения, достаточные для его сохранения. Значение, вызываемое к жизни современностью, служит проекцией объекта на современность, формирует возможности практического использования качеств и свойств наследия.

Сложной для культурного наследия темой остаётся и многосложность интерпретаций. Формирование одного или нескольких значений объекта наследия, как правило, обрастающих фоном конспирологических теорий, часто затмевает иные значения культурного наследия и способно быть интересным.

---

[595] Миронов, А. С. Экология культуры и приоритеты гуманитарных ценностей как основания культурной политики // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 102-103.

Формирование этой проекции с учётом желаний современности, потенциальных задач – сложная задача, способная быть решённой как стихийно, так и целенаправленно. Следовательно, эта проекция, значение объекта для нашего современника, заслоняет само наследие, принципиально более богатое и многослойное, нежели отдельные важные значения, востребованные нашими современниками.

Анализируя природу феномена культурного наследия, обратимся к трактовке, данную А. Флиером. Данная расшифровка гласит, «что каждый артефакт, воспроизводя ту или иную, даже весьма типичную и распространенную культурную форму, под воздействием специфических условий места и времени, индивидуальных личностных характеристик и вкусовых пристрастий людей, а также массы иных общих и частных, закономерных и случайных обстоятельств, практически никогда не бывает абсолютно тождествен исходной форме, а служит лишь её вариантом с теми или иными уникальными отличительными особенностями»[596]. Вслед за плеядой выдающихся исследователей и рассматривая эволюционное развитие российского искусства, академик И. А. Бондаренко отмечает исток особого отношения к артефактам культурного наследия: «Авторитет старины был очень высок в традиционном обществе. Создавая что-либо новое, люди всякий раз взывали к апробированным образцам, к опыту предков, к преданиям о самом сотворении мира»[597]. Продолжение традиции, невозможное без обращения к артефактам прошлого, остаётся важным и во многих случаях обязательным элементом процесса творения.

Предположения и ощущения, сформированные в культуре человека определённой эпохи, способны противоречить подлинному объекту наследия и эмоциям, вызванным им. Неминуемо либо первое, либо второе подлежит

[596] Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. - М.: Академический Проект, 2000. - 496 с.
[597] Реновация городской среды: исторические прецеденты / Ответственный редактор-составитель И.А. Бондаренко. - М., -СПб.: archi.ru/ Коло, 2021. С. 64.

трансформации. К примеру, немало дискуссий уже состоялось по поводу методики реставрации Виолле-Ле-Дюка, серьезно преобразившего ряд французских замков. В отечественной практике близким примером можно считать «реставрацию» Дмитриевского собора во Владимире, заключившуюся в преднамеренной ликвидации оригинальной галереи. В ходе перестройки храм приобрёл современный облик внушительного куба, увенчанного главой на высоком барабане, признанный к настоящему моменту эталонным и многократно интерпретированный как образец «златоглавого белокаменного храма», символа православной Руси. Исследования более позднего периода позволили доказать первоначальный характер утраченных галерей. Очевидно, реставраторы николаевских времен ориентировались на хорошо знакомые ренессансные соборы Московского кремля, лишенные подобных объемов. Лестницы в московских объектах сделаны внутристенными, что не требовало дополнительных галерей. Следовательно, в угоду существовавшим ожиданиям была скорректирована историческая правда.

Вместе с тем, внимание к объекту и определенное нивелирование его индивидуальных или видовых деталей является способом встраивания данного объекта в контекст: «с одной стороны, архитектурные сооружения копируют пространственный образ универсума, а с другой, этот образ универсума строится по аналогии с созданным человеком миром культурных сооружений»[598]. Конечно, объект наследия при этом получает искажение, но, упрощаясь, для понимания широкой аудитории, получает более весомое внимание.

Как правило, подобную битву культурное наследие проигрывает. Коллективное сознание чаще всего оказывается более весомым, нежели сохраняемые памятники. В таком случае культурное наследие «светит отражённым светом», рассказывая не о себе, а о сложившихся благодаря иным

[598] Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. - СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 334.

объектам наследия представлениях о самих себе. Тем не менее, существуют немногочисленные приятные исключения, о которых расскажем ниже.

Обобщая вышеизложенное, заметим, что чаще приходится действовать иначе. Сохранение и популяризация культурного наследия более эффективны при работе с группой объектов; для сооружений – в составе ансамбля или застройки исторического поселения, для движимых предметов – в составе каталогизированной коллекции. В этом, редком для культурной сферы, случае, количество действительно может трансформироваться в качество. При наличии общих стилистических или типологических черт велика вероятность того, что хотя бы один или несколько объектов уже имеют определённую известность, что в заметной мере упрощает актуализацию оставшихся объектов в группе. Трудно найти человека, способного назвать все предметы из собрания Лувра (за исключением, пожалуй, сотрудников фондовой службы этого музея). Однако не менее трудно найти человека, не имеющего представление об экспонируемых в Лувре портрете Джоконды и скульптуре Венеры Милосской. При этом высокий статус указанных экспонатов формирует особое отношение и к другим предметам коллекции.

Такая «групповая» работа в равной степени касается и других произведений искусства и объектов материального культурного наследия. К примеру, при актуализации Смоленской крепости важны иные крепости России, построенные в эту же и иные эпохи, обладающие общим историческим наследием. Благодаря подобным «зацепкам» объект полноценно встраивается в сознание интерпретирующего, занимая достойное место. Актуализация наследия возможна лишь в формате коммуникации, информационного и эмоционального обмена между культурным наследием и человеком.

Обширная и разнообразная по форматам и направлениям коммуникация артефакта и человека является общим решением обозначенной нами проблемы. Несомненен высокий практический результат этой

деятельности. Однако важным условием остаётся регулярность практических действий. Уход от спорадической или периодической ритуальной вовлеченности в пользу регулярного взаимодействия с наследием способен растворить цинизм в отношении памятников прошлого. Именно регулярность в обращении к наследию в обыденной культуре является режимом, внедряющим наследие в духовный и экономический оборот.

Проводя анализ указанной проблематики, А. А. Ивин утверждает, что «ценности не существуют вне ситуации (реального или потенциального) оценивания»[599]. В контексте культурного наследия мы можем утверждать, что для каждой эпохи важным и ценным будет считаться то наследие, которое способно встроиться в утвержденную идеологию, имеющее возможности зримо визуализировать нематериальные ценности общества на каждом отдельном этапе. Неслучайно попытки признать ценность, как групп объектов, так и отдельных памятников зачастую не получают реализации. Огромное количество отреставрированных при поддержке государственного бюджета православных храмов в России в 2000-2010 годы породило чёткий вектор, верно просчитанный региональными и местными властями, а также создало предпосылки для обширных и не имеющих по масштабу прецедентов программ строительства новых храмов. В сравнении с этим размахом реставрация и строительство храмов иных конфессий, даже с учётом сравнительно небольшого количества объектов, выглядит намного скуднее. Корни такого дисбаланса кроются в существующей государственно-конфессиональной политике, являющейся и по форме, и по содержанию условным симбиозом политики СССР 1970-х и Российской Империи 1830-х годов.

В настоящее время в качестве ведомственного проекта в рамках национального проекта «Культура» реализуется направление «Возрождение

[599] Ивин, А. А. Человеческие предпочтения / А.А. Ивин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. С. 25.

исторических усадеб»[600]. За счёт средств федерального бюджета создаются инвестиционные паспорта на объекты культурного наследия, позволяющие упростить дальнейшее инвестирование и впоследствии использование объектов. Это направление, при всей мощности культурного потенциала, пока ещё не получило достойного размаха.

Объект культурного наследия, выделяемый зрителем из окружающей его среды, определённо трактуется в качестве предмета, требующего особой заботы. Следовательно, при запуске этого процесса важным моментом становится само восприятие объекта в качестве требующего особой заботы. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с очевидной зависимостью объекта культурного наследия от их восприятия. Становится очевидным, что изучение законов восприятия и учёт их специфики имеет колоссальное значение для сохранения физического и духовного воплощения культурных ценностей.

Примером является деятельность кавалера Ордена Дружбы Уильяма Брумфилда. Презентация артефактов культуры в неожиданном контексте и ракурсе, активное использование современных информационных технологий служат задачам популяризации наследия и реализации историко-культурного потенциала.

Притчей во языцех для сферы наследия стали проблемы реставрации памятников эпохи конструктивизма. В период глобальных перемен, когда создавались эти сооружения, новые эстетические идеалы необходимо было воплотить срочно. В некоторых случаях речь вообще шла не столько о строительстве, сколько о создании макетов в натуральную величину практически из подручных материалов. Сейчас, когда немалое количество этих сооружений уже нуждается в реставрации, полное повторение характеристик строительного материала может нанести прямой ущерб

[600] Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2019 году. - М.: Министерство культуры Российской Федерации. С. 16.

дальнейшей жизни памятника, а применение современных конструктивных решений – ставит вопрос подлинности памятника и его деталей.

Рассмотренное выше проблемное поле зримо показывает, что методика сохранения наследия нуждается в коренном пересмотре. Аккуратное внимание к духовному воплощению наследия, а именно – его интерпретация с точки зрения запросов общества и других заинтересантов с последующей актуализацией способно разрешить сложившиеся противоречия.

Выдающийся исследователь А. С. Щенков рассматривает проблемы сохранения историко-культурного наследия с точки зрения общественной значимости: «Существенная теоретическая проблема, связанная с архитектурным наследием, порождена различиями, а часто и противоречивостью взглядов отдельных слоев общества на ценность наследия, на саму потребность его сохранения в том или ином объеме»[601]. Важной этапной трансформацией должно стать понимание абсолютной ценности культурного наследия. Данная парадигма должна заменить существующую, предусматривающую относительную ценность наследия. Сейчас наследие имеет ценность, но при наличии определённых условий ей можно пренебречь, её можно трансформировать, девальвировать. Широкий диапазон данных условий, от экономических, технических, природоохранных требований до идеологических, политических и «общественных» интересов, а также обширный набор прецедентов способны в каждом удобном случае разрешить любую проблемную ситуацию с уроном для памятника. Стремление к абсолютной ценности памятника можно в некоторой степени считать реализованным лишь для немногих объектов, имеющих международное признание.

---

[601] Щенков, А. С. Архитектурно-градостроительное наследие в научных исследованиях РААСН // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году: науч. тр. РААСН: в 2 т. Т.1 / РААСН, Иван. гос. архит.-строит. ун-т; под ред. А.П. Кудрявцева [и др.]. - М. - Иваново, 2010. С. 51.

Рассмотрим несколько конкретных примеров, раскрывающих изложенные выше теоретические замечания. Особо интересным в интерпретации культурного наследия явлением возможно считать архитектуру отсутствия. Исключение элемента из среды при сохранении второстепенных объемов, сообщающих о возможности присутствия главного звена, является одним из основных инструментов архитектуры постмодернизма. Однако, как мы убедимся ниже, аналогичный подход применялся задолго до смысловых трансформаций второй половины XX века.

Достойным примером могут служить композиционные структуры крупнейших московских парков 1920-30-х годов. В Парке Горького и на территории Выставки достижений народного хозяйства использована сформировавшаяся задолго до возникновения формата общедоступных парков композиция дворцового парка эпохи классицизма. Сформирована центральная ось, которую дополняют параллельные и перпендикулярные ей второстепенные дорожки. Крупнейшими по объему сооружениями, размещёнными в парках, являются входные ворота-пропилеи. Композиционно ворота занимают место дворцов или главных усадебных домов. Подчеркивают особый характер их расположения обширные курдонеры, превращённые со временем в разгрузочные площади или автостоянки. Ворота фланкированы оградой или одноярусными службами, охватывающими курдонер. Со стороны парка к воротам примыкает обширный партер, замыкающийся павильоном (ВДНХ) или крупным фонтаном (Парк Горького). Сходство с дворцовым парком налицо. Отсутствует, собственно, лишь сам дворец. Логично предположить наличие особых идеологических мотивов. Взамен дворцов возникают проницаемые ворота. Главным героем и собственником такого парка вместо феодала становится толпа. Доминантой пространства становится «багет», из которого вынут подрамник с холстом. Создателями ансамбля достигнута ясная цель. На основе разработанного веками и доказавшего состоятельность в условиях российского климата русского дворцового парка,

сочетающего регулярную центральную часть с пейзажной периферией создан новый тип общественного пространства – парк культуры и отдыха. В дополнение возможно отметить, что по габаритам пропилеи в обоих упомянутых случаях близки 3-4 этажным дворцам. Сходство подчёркивается цветовым решением, деталями колоссального ордера и ритмом опор. В данном случае интерпретация культурного наследия, а именно конкретного типа парка, сопровождается определённой трансформацией. В регионах в это же время появляются аналогичные входные парковые группы, масштабно отражающие статус города среди населенных пунктов СССР. В целом этот процесс приводит к появлению новой модели поведения, а в перспективе – оказывает благотворное влияние на сохранение и музеефикацию уже понятных и по этой причине принятых сотен подлинных парков в императорских и дворянских усадьбах.

Опыт Смоленской крепостной стены подтверждает, казалось бы, явную истину – актуализация культурного наследия является особым направлением сохранения объектов культурного наследия. В это же время подтверждение и закрепление ценности культурного наследия служит залогом его сохранения и формирования необходимой для этого ресурсной базы.

Первоначально актуализация Смоленской крепостной стены заключалась в сохранении её первоначальной функции сразу после возведения крепости в полном соответствии с витрувианскими законами пользы, прочности и красоты. Вместе с сохранением физической целостности объектов было предпринято немало попыток сохранения первоначального замысла зодчих. Так, предложения по восстановлению разрушенных и разобранных участков стены и башен звучали как в допетровское время, так и сейчас. Однако, как справедливо отмечают противники этого предложения, устройство контура укреплений, отсекающего центральную часть города от прочих застроенных участков несомненно негативно скажется на развитии транспорта и городской экономики.

Осознание единства замысла ансамбля Смоленской крепости, несмотря на развитие техники строительства крепостей и обороны в последующее время, однозначно говорит о признании духовной ценности этого сооружения уже в момент возведения.

С эпохи Николая I начинается признание крепости в качестве объекта культурного наследия. Соответственно, к сохранению крепости предъявляются высокие требования, соблюдение которых на протяжении длительного времени не даёт возможности перейти к активным действиям по сохранению. Как известно, отрицательный опыт составляет особую категорию опыта. В сфере культурного наследия он столь объёмен, что даже его осмысление и обобщение смогли бы стать ощутимым достижением в понимании правильного и успешного пути. Анализируя опыт Смоленской крепости, мы имеем редкую возможность понять сильные и слабые стороны нашей современной работы с наследием в принципе.

Изложенные нами тезисы позволяют обратить особое внимание на проблемы регионального культурного наследия. В данном дискурсе Д. С. Лихачев отмечает: «… культура не сосредоточена только в университетских и академических центрах. Культуру нельзя развивать, ориентируя её на два или три гигантских города, слабо связанных со всей остальной страной. Должно быть приостановлено разбухание таких городов, как Москва и Петербург, ещё и потому, что в их “каменных джунглях” антикультура растет быстрее, чем собственно культура»[602]. На настоящем этапе важнейшим приоритетом должно стать развитие региональной культуры, создание разветвлённой и полноценной сети культурных центров в провинции. Достойной опорой станет региональное культурное наследие, многочисленные труднодоступные усадьбы, храмы, фрагменты ценной застройки. Такая деятельность будет иметь важное значение и в целом для

[602] Лихачев, Д. С. Великая культура примирительна по своей сути / Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015) / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. - СПб. : СПбГУП, 2015. С. 24.

социально-экономического развития России на всей территории нашей страны.

4.4. Эвристичность интерпретации материального культурного наследия в научном пространстве России

С учётом вышеизложенного, очевидны обширные перспективы практической реализации сформулированных положений. Современные исследователи[603] называют включение объектов культурного наследия в контекст экономической и культурной жизни одним из важнейших направлений реализации современной культурной политики. При этом особо отмечается необходимость неконфликтного и позитивного восприятия объектов.

Современное сохранение наследия сопряжено с коллаборацией, увеличением количества «заинтересантов», местного сообщества, цифровым отражением наследия, пиаром и информатизацией. Лишь такие проекты будут успешны. Поэтому в деле сохранения наследия ключевую роль играет создание гибких нецентрализованных структур, ведущих эту работу. Отсутствие единого центра позволит распространить практику максимально широко, а наличие общей идеологии даст возможность сообща достигать цели.

С учётом изложенных в исследовании предварительных выводов культурное наследие очевидно становится фундаментом для развития человеческой цивилизации. Наследие позволяет зримо и ярко спроецировать достижения прошлого на современность. Подобный инструмент моделирования иных реалий в актуальных обстоятельствах позволяет тщательно проанализировать потенциал и его возможности воплощения в

[603] Региональная культурная политика: методология, институты, практики : Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т наследия, 2019. – 206 с.

будущем, что является ценнейшим инструментом, открывающим новые экспективные возможности.

В результате можно отметить, что наследие даёт возможности осуществимости, реализуемости всех идей и воплотимости наших планов. В случае, если у таких же людей, как мы, получилось сделать что-либо, сохранившееся до нашего времени, наше поколение может сделать очевидный выбор, отметив, что это возможно и осуществимо для интеллектуальных и физических ресурсов человека. Такой подход вдохновляет и способен сплачивать и дарить нужный дух и задор. В таком случае актуализация наследия, трактуемая как создание условий для восприятия артефакта, считается ключом в раскрытии наследия как источника информации.

Понимая, что восприятие в равной степени зависит от физической сохранности предмета, интеллектуального уровня интерпретатора и многих иных условий, логично выстроить актуализацию многовекторной, ориентированной на различные целевые аудитории. Отметим, что помимо эффекта в обеспечении интересов общества и государства в целом, реализации преемственности в сохранении и внедрении в массовое сознание традиционных культурных ценностей и общепринятых социальных норм, данная деятельность эффективна как средство получения дохода. Продажа эмоции в условиях, предусматривающих максимально эффективную отдачу, может стать, а для некоторых территорий уже стала неисчерпаемым источником материальных ресурсов.

Данный продукт имеет ряд преимуществ, определяющих его исключительность. Во-первых, он возобновим. В разное время увидеть культурные ценности и восхититься ими может неограниченное количество людей. Во-вторых, подобный культурный продукт отражает местную специфику и способен стать достойным ответом в деле сохранения локальной идентичности на фоне ускоряющейся глобализации. Далее – продажа исторических эмоций и пространственных ощущений остаётся

востребованной человеком, поскольку воспринимается им как знак принадлежности к общепринятым культурным ценностям, и в некоторых случаях – к привилегированным социальным стратам. Желание посетить королевский дворец и ощутить собственными органами чувств мощь и величие уготованных королевским особам пространств проще всего осуществить путём приобретения билета в один из многочисленных музеефицированных дворцовых комплексов. Иные способы гарантируют сложный и возможно безрезультатный путь. Особым стимулом становится желание приобщить к такой культуре своих родных и близких. Ради собственного ребенка человек готов на приобретение любого продукта, в том числе и произведённого в культурной сфере.

Собственно, известная эксклюзивность продукта, связанного с культурным наследием, определяет его высокую стоимость на рынке. Отметим, что затраты на производство продукта остаются несоизмеримо меньшими по сравнению со стоимостью для потребителя. Высокая прибавочная стоимость способна обеспечивать экономический рост не только в отдельных организациях, но и на целых территориях. Следовательно, актуализация культурного наследия способна принести значительный положительный эффект при использовании верных инструментов в этой работе. Рассмотрим их подробнее.

Анализируя примеры из личного опыта автора исследования, можно сделать выводы о значимости многоканального продвижения культурного наследия. Адресное взаимодействие с каждой из заданных целевых аудиторий, усложнение адаптированной информации о конкретном артефакте за счёт сегментации, значительно увеличивает результативность работы по продвижению наследия. Естественно заметить, что эта работа отражается как на содержании, так и на форме работы с наследием. Форматы имеют различную эффективность в зависимости от объекта наследия, характеристик аудитории и текущей ситуации. Единственным приносящим реальный

результат правилом является стремление к многоканальному продвижению, результатом которого призвано стать расширение потенциальной аудитории и последовательное увеличение вероятности выстраивания прочной субъективной связи между объектом и зрителем.

Сейчас весьма распространённым следует признать ограниченность выбора форматов продвижения. Разовые акции (добровольческие мероприятия, торжественные митинги и вызванные этим публикации в СМИ) дополняются ставшими обязательными в соответствии с нормативными актами информационными табличками. Однако такой весьма ограниченный набор вариантов продвижения далеко не исчерпывает доступные способы. Обращаясь к личному опыту автора, результативными можно назвать следующие.

Особый результат приносит проведение мероприятий для категорий людей, которым свойственно называться элитами – творческими, научными, экономическими, властными. Эти люди, способные принимать решения и нередко выступающие лидерами общественного мнения. Следовательно, действия элиты нередко по определению получают социальное одобрение и могут формировать принимаемый большинством имидж объекта наследия. Такой выбор не означает исключительного моноформатного продвижения наследия за счёт проведения исключительно светских раутов и приёмов. К примеру, особую эффективность имеют мероприятия для научного и творческого сообщества. Проведение научных конференций и проблемно-методических семинаров позволяют глубоко проанализировать выбранную тематику, коллективно сформулировать пути решения, заручиться поддержкой профессионального сообщества. Одновременно заметим, насколько важна для творческого человека сама возможность высказаться, поделиться с окружающим своими идеями, нередко способными стать ресурсом продвижения объекта наследия. Этот способ хорош и тем, что при известном дефиците бюджета, он позволяет решить этот комплекс задач путём

организации интересного мероприятия, ценного своей идеей и тематикой, а не колоссальными расходами. Практический опыт автора по работе в указанном направлении позволяет подтвердить результативность этого инструмента актуализации.

На современном этапе результативными являются мероприятия по фиксированию и публикации собственного своеобразия объекта наследия. Их спектр невероятно широк. Во-первых, опубликование в различных формах своеобразия объекта – тексте, видео, фото, аудио, раскрывающие уникальность объекта и определение пантеона людей и явлений, имевших важное значение в создании, истории или сохранении объекта, выбор и закрепление дат, ключевых для объекта и формировании устойчивой связи между ними.

Важной задачей остаётся определение партнеров, имеющих сходные цели и задачи, а значит, и поле интересов. Культурные союзники не должны абсолютно совпадать по собственным устремлениям, зонам интересов. Поля интересов могут соприкасаться, даже частично пересекаться, но не более. В противном случае неминуемая разность подходов уничтожит любую положительную затею. Однако разные подходы, основанные на индивидуальном опыте, способны совершить невозможное.

Принимая во внимание изложенные аргументы, заметим, что подача наследия в неожиданном контексте позволяет за счёт свежести восприятия добиться новых нот и смыслов. Трепет перед уникальностью, ставший шаблоном в восприятии объектов наследия, формирует ментальную дистанцию и, как правило, ограничивает интерпретатора в проявлении эмоций. Одновременно отсутствие привычных рамок восприятия даёт возможность выстроить индивидуальный трек и получить личный результат восприятия.

Сохранение объекта наследия должно стать одним из мероприятий, направленных на его вовлечение в духовный оборот. Зачастую мероприятия

по сохранению наследия ограничиваются реставрацией или даже фиксацией. В первом случае мы можем отметить, что проведение реставрационных работ не поможет сохранить объект, не имеющий пользователя и определённой функции. Во втором – возникает близкая ситуация. Перевод информации об объекте в иной формат в связи с отказом от сохранения подлинника позволяет сохранить память о нём, но лишает нас возможности вовлечь предмет в адекватное ему окружение.

Внимание к актуализации культурного наследия возможно проанализировать. Создание методики такого анализа следует признать одной из перспективных научных задач. На примере тематики книжных изданий подобную работу провел Сергей Луппов[604]. Анализируя трансформацию восприятия произведений искусства, доктор психологических наук Г. В. Акопов отмечает: «Сегодня произведение искусства – это главным образом, если не оглядываться назад, искусство перформанса вкупе с искусством манипуляции сознанием воспринимающего»[605]. Поэтому комплекс мер актуализации наследия, с учётом его колоссального потенциала, способен стать залогом реализации государственных и общественных запросов.

На современном этапе одним из важнейших принципов государственной культурной политики[606] является делегирование государством части полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам. Одновременно задачами государственной культурной политики обозначены поддержка и развитие инициатив граждан по участию в этнографических, краеведческих и археологических

[604] Луппов, С. П. Книга в России в послепетровское время (1725-1740). – Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1976. С. 53-68.

[605] Акопов, Г. В. Социальная психология искусства vs искусство манипуляций // Социальная и экономическая психология. Часть 1: Состояние и перспективы исследований / Отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 33.

[606] Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808, с. изменениями).

экспедициях, в работе по выявлению, изучению и сохранению объектов культурного наследия и поддержка общественных инициатив в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации. Реализация общественных инициатив подразумевает активизацию деятельности существующих и созданию новых общественных организаций, а также поддержки социокультурных проектов, в том числе организационной и финансовой. Этот тренд уже позволяет назвать общественное движение полноправным участником, оказывающим существенное влияние на успешность процесса сохранения и популяризации деревянного храмового зодчества.

Для реализации обозначенной задачи примем во внимание, что в сфере культурного наследия ключевым актором по определению является государство. Именно государственные институты обладают наиболее масштабными ресурсами и, как следствие, возможностями воздействия на культурную сферу и человека как её непосредственного участника. Отметим, что попытки иного участия в формировании подходов и оценок в данной ключевой для развития государства сфере, как правило, не находят воплощения. К государственным инструментам относятся управление наукой, искусством, религией, образованием, средствами массовой информации, проявляемое в разработке и проецировании государственной идеологии на институты социальной сферы.

Как указывают современные исследователи, «избирательность человека по отношению к тем или иным сторонам культуры, с которой он себя идентифицирует, поддаётся высокой степени воздействия извне»[607]. При этом, помимо моды, массовых вкусов и стереотипов, данный процесс благодаря применению «гуманитарных технологий» может корректироваться множеством заинтересованных сил. Государственная централизация ресурсов

[607] Иконникова, С. Н., Леонов, И. В. Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 6-10.

и векторов их распределения в российских реалиях обращает наше внимание в данном контексте именно на государство, реализующее комплекс мер в рамках реализации государственной политики в областях культуры и образования.

Серьёзные дискуссии к настоящему моменту существуют по вопросам «оживления» наследия. Под «оживлением» понимается обширный комплекс мероприятий, от внедрения объекта в характерное для него пространство и условия, до реального исключения объекта наследия из текущего духовного и экономического оборота.

Значительная доля профессионального скептицизма посвящена техническим проблемам оживления наследия, и недопущения его ущерба или утраты. Этому посвящены многочисленные нормы права, реализация которых позволяет относительно успешно сохранить объекты наследия. Однако в деле оживления наследия профессиональное сообщество закономерно встречается с проблемой тематического диапазона. Данные проблемы также возможно разделить на две группы.

В некоторых случаях, явно обозначенных в нормативных актах, моральные границы использования объектов культурного наследия чётко определены. Условно, сжигание храмов или осквернение икон даже в формате визуализированной исторической реконструкции не позволит допустить ни один участник культурного процесса. Однако чётких границ допустимого с точки зрения этики в данном случае не существует.

Интересным примером, способным проиллюстрировать проблемы другой группы, являются контактные зоопарки в музеях-заповедниках, горящие свечи близ древних икон и т.д. Данные примеры могут быть истолкованы как в пользу, так и в ущерб объекта наследия.

Размышляя о практических средствах актуализации, заметим, что традиционные для среды приёмы могут серьезно трансформировать образ объекта наследия, исказив его восприятие или затмив его историко-

культурную ценность. Трансформация самих устоев, изменение общественных канонов неминуемо отражается и на культурном наследии. Отказ от старого, традиционного, влечёт за собой возникновение нейтрального или отрицательного отношения к наследию.

Выводы, приведённые в работе, нередко пересекаются с примерами практической туристической деятельности. Широкое понятие культурно-познавательного туризма, трактуемое как ознакомление с достопримечательностями определённой территории – т.е. её культурными символами, позволяет обобщить результаты проведённой работы, поскольку «туризм – всего лишь первая ступень на трудном пути постижения культурных ценностей прошлого»[608]. Поскольку приобщение к наследию можно считать одним из способов познания мира, культурный туризм следует признать очевидной потребностью человека.

Данное направление работы также получило собственный терминологический комплекс и экономическое обоснование. Понятие экономики впечатлений было введено в научный обиход Джеймсом Гилмором и Джозефом Пайном в 1998 году[609]. Уже более двадцати лет специалисты по музейному менеджменту, туристическому и музейному маркетингу пытаются направить все свои усилия по преображению и обновлению музейных услуг в русло данного подхода.

Путешествие с целью постижения иной идентичности, обострённому восприятию собственной личности в иных культурных условиях и социальном окружении создаёт комфортные условия для актуализации культурного наследия. Коммуникативное поле в путешествии преобразуется, резко выявляя не только особенности среды, но и особые отвечающие им черты человеческой личности. Учёный И. Игнатьева замечает высокое значение и

[608] Алпатов, В. М. Сохранить ценности человечества // Памятники Отечества. Книга вторая. - М.: Современник, 1975. С. 40.
[609] Rentschler, Ruth and Gilmore, Audrey. 2002, Museums: discovering services marketing, International journal of arts management, vol. 5, no. 1, Fall. P. 62-72.

практический результат путешествий: «В туристской поездке человек приобщается к ценностям иной культуры, встречается с интересными событиями и артефактами, более глубоко постигает и осваивает культуру собственного народа. В этом смысле туризм может рассматриваться как явление социальной и межкультурной коммуникации»[610]. Важное значение имеет и включение материального культурного наследия и в сферу досуга[611]. Момент приобщения к наследию в той или иной степени эмоционален для каждого человека. Невозможно воспринимать артефакт, считывать заложенные в него смыслы без заметного интереса к нему.

Наследие способно восполнить то, чего человеку не хватает в настоящем – за счёт эмоций, за счёт выражения смыслов, желаемых, но нереализуемых в настоящем. Эта дополнительная функция создаёт важнейшие предпосылки для сохранения наследия и финансирования его устойчивого развития. Таким образом, мы наглядно видим, насколько велики экспективные возможности культурного наследия. Формирование полноценного инструментария их воплощения – важная и актуальная научная задача нашей современности.

Обратим внимание на вопрос применимости полученных знаний на практике. Эмоции, вызываемые объектами культурного наследия, становятся наиболее отчётливыми в контрастном сравнении. Внимание интерпретатора к объекту материального или нематериального наследия сформирует наиболее яркий образ при физическом перемещении зрителя и восприятии объекта в контексте экзотического окружения. Подобные условия созданы в сфере культурно-познавательного туризма. Доктор философских наук Ирина Игнатьева отмечает, что «именно философский теоретический анализ может служить основой для понимания сложного междисциплинарного

[610] Игнатьева И. Ф. Многомерность туризма: философский, экономический, политический аспекты // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 309.
[611] Ушкарев, А. А. Типология досугового поведения // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 2. С. 148-156., Ушкарев, А. А. Искусство в структуре досуга москвичей // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 670-679.

феномена туризма»[612]. Работа с объектами материального культурного наследия в туристической сфере составляет один из наиболее явных сегментов реальной экономики, который служит полем применения результатов нашего исследования.

Объект наследия обладает потенциалом катализатора положительных изменений. Любая трансформация объекта наследия вызывает значительный интерес широких кругов населения. Соответственно – положительные изменения будут трактоваться особо позитивно. Внимательное отношение к памятникам прошлого, которые население ментально присваивает, делая их частью имиджа территории и частью собственной, личной истории, неминуемо отразится на восприятии успешности лиц, принимающих такие решения. Аналогичная прямая пропорция прослеживается и в обратном случае.

Напомним, что формирование идентичности напрямую связано с наличием материальных маркеров специфики территории. «Идентификация является способностью осознать и классифицировать некоторые сходства и различия, которые мы можем наблюдать в окружающем мире»[613]. Следовательно, раскрывая специфику территории в объектах наследия, заметных и аттрактивных, мы можем заявить о презентуемом пространстве как привлекательной для, к примеру, туризма, инвестиций, собственного населения, местности. В данном случае, что важно, мы не делаем четкой градации на объекты материального и нематериального наследия. Конкретный муниципальный район может быть прославлен впечатляющим храмовым комплексом или едкой частушкой в равной мере. Успех и известность в данном случае в большей мере зависят от профессионализма интерпретатора, выступающего в данном случае классическим продюсером. Отметим, что

[612] Игнатьева, И. Ф. Многомерность туризма: философский, экономический, политический аспекты // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 308.
[613] Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. - М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 156.

«менталитет являясь специфической формой духовности, несёт в себе национально-этническую особенность и как духовное явление имеет многоуровневый характер»[614]. Следовательно, в работе по продвижению наследия формат собственно объекта наследия может не иметь определяющего значения.

Ценности наследия и его двойственную природу отражали различные исследователи: «Памятники прошлого – это не только ценности материальные. Их ценность прежде всего духовная, культурная, художественная, и это главное»[615]. Процесс внесения объектов культурного наследия в ментальный мир человека представляет особо непростую, но одновременно необходимую работу. Дополнительным результатом этой деятельности следует признать в значительной степени усовершенствование и стабилизацию общественных отношений. В работе с наследием важно сформулировать рабочую комбинацию форм продвижения, с обязательной и регулярной рефлексией.

Продвижение собственного регионального и национального наследия, укрепление его роли и места в сознании современного человека, способны снизить риск культурной диффузии, распыления собственной ценности и значимости в мире ускоряющейся глобализации.

Наследие может и должно играть роль духовного камертона – неизменного, но способного выстраивать духовный ориентир эпохи, служащий фундаментом развития мыслей и культурных векторов поколения. Богатство выбора конкретных символов дарует известную вариативность, что позволяет одновременно предоставить свободу в выстраивании ориентиров для конкретной ситуации, эпохи и задач.

---

[614] Некрасов, А. С. Философский анализ творческого потенциала в человеческом и социальном измерении : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.13 / Некрасов Андрей Сергеевич; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. - Москва, 2020. С. 26.

[615] Алпатов, В. М. Сохранить ценности человечества // Памятники Отечества. Книга вторая. - М.: Современник, 1975. С. 40.

Задача, которую можно и должно ставить перед собой, чрезвычайно амбициозна – актуализация наследия в целом. Возражения, которые возможно было бы обозначить, легко разрушить следующими тезисами. Несмотря на важную, и неоднократно обозначенную выше практическую направленность исследования, отметим, что оно не решает узких задач. Векторов исследования в данном случае немало. Дальнейшая разработка инструментального сопровождения работы, уточнения способов совершенствования прикладного характера культурного наследия является чрезвычайно актуальным направлением работы.

Культурное наследие без дополнительных ресурсных и интеллектуальных вложений не в состоянии конкурировать с яркими и привлекательными красками современности. Поблёкшее со временем, наследие нуждается в акцентировании собственных свойств и качеств, что вызывает важность работы по адаптации наследия. Культурное наследие позволяет создать условия для выхода человека за свои собственные пределы, выявить новые смыслы и ценности, открывая способность стать частью универсума.

В связи с возможностью самоисключения из контекста культурное наследие зачастую рискует оказаться экзотикой для носителей соимённой локальной культуры. Подобные риски могут быть усилены продиктованным современностью стремлением к обновлению и максимизации эффективности наследия. Отказ от решения проблем в данной сфере или противодействие в их минимизации способны создать масштабные угрозы не только культурному, но и государственному суверенитету любой страны.

В противном случае грозит импорт чуждого культурного наследия и культуры в целом. В появлении паттернов и обычаев, привлечённых со стороны, прямо копирующих образы чужого наследия кроется, в первую очередь, неуверенность государства и общества в собственной истории, собственном прошлом и настоящем. Напротив, внимание к себе, уверенность

в собственном историческом пути декларируется в первую очередь серьёзным отношением к собственной культуре. Избегая собственное культурное наследие, человек лишает себя богатейшего культурного багажа, мудрости многих поколений предков, выраженной в камне, дереве, бытовых предметах и обычаях.

На смену концепции забвения культурного наследия должно прийти его переосмысление и понимание его созидательных возможностей в достижении конкретных, в том числе, социальных и экономических результатов.

Новое восприятие культурного наследия диктует и новый подход к его сохранению путём реставрации. Взамен восприятия расходов как безудержных трат, целесообразность которых кажется сомнительной, мы переходим к их восприятию как разумной инвестиции, в первую очередь, в культурный суверенитет и государственную независимость, которая подчёркивается хранимыми государством и обществом артефактами.

Наследие является весомым аргументом в противодействии фальсификации истории. Именно наследие позволяет конкретно и в полном объёме оценить вклад социума и носителей определенной культуры в развитие конкретной территории.

Тем не менее, важнейшим инструментом достижения высокого результата является рефлексия в актуализации объектов наследия. Зачастую проекты, воплощаемые в сфере культурного наследия, обретают непредсказуемый финал. В процессе реализации существует возможность появления активных действий со стороны ранее неизвестных заинтересантов, неожиданных проявлений социальной активности, а также выявление особенностей объекта наследия, усложняющих воплощение ранее задуманных векторов развития. Регулярная рефлексия позволяет на каждом этапе проекта проанализировать его успешность, а при необходимости – скорректировать или вовсе приостановить его, чтобы сохранить затрачиваемые ресурсы.

Пренебрежение к культурному наследию может иметь непоправимые последствия. Если мы возьмём за аксиому известное высказывание Д. С. Лихачёва – «ощущать себя в истории крайне важно. Этому ощущению помогают памятники культуры и истории»[616], то можем понимать наследие в качестве стержневой несущей конструкции всей культуры в принципе. Его идеологическая роль весьма существенна. Физическое или визуальное исчезновение наследия из орбиты интересов общества – губительно в первую очередь для самого общества.

Формирование общих правил и единой концепции актуализации наследия необходимо считать следующим этапом научного поиска. При этом уже сейчас прояснились некоторые общие подходы, которые позволяют в первом приближении составить примерную матрицу данной работы:

- индивидуальный подход к артефакту;
- актуализация как способ;
- междисциплинарный подход;
- безусловная ценность наследия.

В завершение главы позволим несколько обобщающих предварительных выводов в порядке резюме.

Благодаря практической ориентированности данного исследования удалось в достаточной мере проанализировать основные риски, возникающие при работе с культурным наследием, а именно:

1. Необходимость регулярных инвестиций для достижения устойчивого результата;
2. Внимание к специфике объекта;
3. Внимание к местному сообществу;

[616] Лихачёв, Д. С. Заметки и наброски // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. – СПб: Logos, 1999. С. 451.

4. Внимание к аналогам (контексту, на фоне которого необходимо сформулировать уникальность конкретного объекта);

5. Внимание к форматам работы с наследием (сувениры, экскурсии, событийные мероприятия, открытый доступ вовнутрь).

Каждый из рисков – это в некоторой степени вызов, способный стать при умелом обращении зоной культурного успеха и сделать проект продвижения объекта наследия уникальным, реализующим свои задачи максимально результативно. Особо значимым является индивидуальный подход, что гарантирует уникальное восприятие, как командой проекта, так и каждым посетителем, благодаря проекту постигающим объект наследия.

Наследие «объясняет» мир, повествуя нам о процессе развития человеческой цивилизации. Именно наследие оказывает существенное влияние на реальность, позволяя конструировать будущее. Обобщая вышеизложенное, мы вполне аргументированно отметить, что ряд проблем современного общества, таких как нестабильность, неуравновешенность, отсутствие социальных ориентиров, неустойчивость исторического развития, эскизирование моделей развития – в заметной степени решает актуализация культурного наследия.

Печальным для сферы культурного наследия остаётся отсутствие внятного регулятора общественных отношений процесса популяризации наследия. Передача данной темы в вотчину некоммерческих организаций показала невозможность решения проблемы таким образом. Специфика наследия не позволяет обеспечить его развитие в качестве самоорганизующейся системы. Необходима рефлексия, участие в судьбе наследия, его поддержка со стороны человечества, в конечном счёте являющегося бенефециаром инвестиционных вложений. Также можно заключить, что состояние наследия – своеобразный тест здоровья общества и государства. Вернуть наследие в фокус современности позволяет навык

интерпретатора, обеспечивающий непрерывное смыслопорождение, диалог прошлого и настоящего.

Следовательно, наследие представляет наиболее очевидный ответ на многие общественные проблемы, служа эффективным инструментом их решения. Среди них проблемы консолидации общества, общественного решения совместных проблем, определения идеологии и перспектив будущего и т.д. Важно, чтобы наследие вошло в стиль жизни. Актуализация позволяет выстроить связи, внедряющие наследие на уровень нарратива в нашем сознании.

Культурное наследие – форпост национальной культуры, её достижение и оплот. Наследие сигнализирует об уникальности нашей культуры, маркирует её высшие достижения, позволяет оценить неповторимость и уникальность. Исследователи отмечают, что «культура – посол мира»[617]. Важнейшая роль культуры в межнациональном диалоге давно стала свидетельством мощности этого ресурса в реализации желаемого. Наследие преступает грань возможного, расширяя границы восприятия для нас. Философский подход к культурному наследию позволяет трактовать наследие как интеллектуальный капитал, обеспечивающий сохранение, воспроизводство и развития человека и человеческой культуры в целом. Наследие способно выступать, в зависимости от задач современности, как в роли хранителя традиций и залога консервативного эволюционного развития, так и вектора мощного, основанного на многолетнем опыте импульса совершенствования социокультурной среды.

Наследие представляет поле пересечения политических, экономических, социальных интересов. Утрата наследия является потерей смыслов и ценностей, чревата мутацией мировоззрения, исчезновением социальных и исторических связей и ориентиров. Безразличие к культурному

[617] Арнольдов, А.И. Введение в культурологию (новая расширенная редакция). Учебное пособие. – М: Народная Академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. С. 279.

наследию и культурный нигилизм – особая проблемная зона в исследуемой сфере. На первый взгляд, это должно быть недопустимо, однако случаев, подтверждающих обратное, также немало.

Таким образом, цифровизация и воссоздание составляют наиболее эффективные варианты тиражирования наследия.

В конечном счёте возможности трансформации интерпретации культурного наследия практически безграничны и обладают огромным потенциалом в конструировании идентичности и культурных нарративов. Сфера культурного наследия является, как мы убедились выше, особо чуткой ко всем вариантам влияния и воздействия. Одновременно, поскольку наследие обладает огромной силой по оказанию эффекта на существующие общественные и государственные отношения, сила итогового результата превосходит иные инструменты социальных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение темы на конкретных примерах позволило концептуализировать проблемное поле и раскрыть генезис понятия «наследие» и особенности осмысления культурного наследия как философской категории на современном этапе. Важным условием грамотной и успешной актуализации культурного наследия является её осуществление в двух направлениях. Амбивалентная природа культурного наследия требует внимательного отношения как к физическому воплощению, так и к духовному. Стремление к гармоничному развитию сферы заставляет заметить, что первое без второго полноценно существовать не может, поэтому эти два значительных фронта работы должны быть организованы в комплексе и созвучно друг другу. Указанный подход, направленный на осмысление интерпретации культурного наследия как метода, выступающего во взаимодействии и дополнении с принятыми прикладными методиками сохранения артефактов материального культурного наследия, позволяет в конечном счете продолжить развитие сферы в иной, продуктивной логике.

Данное исследование открывает перспективу для дальнейшей научной работы, теоретической и практической деятельности, а также дополняет корпус научных работ в области философии и культурологии, предлагая новое направление – исследование актуализации и интерпретации культурного наследия. Важной решенной в исследовании задачей является концептуализация феномена наследия.

Как отмечает А. Кольев, «Данте продолжает линию Аристотеля, полностью разъединяя мир божественный и мир человеческий»[618]. Двойственная человеческая природа, прослеживаемая ещё в главах Ветхого завета, определяет структуру всего созданного человеком, в том числе и

[618] Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 70.

объектов материальной культуры, впоследствии причисляемых к культурному наследию.

Культура – это то, что помогает и позволяет сказать: «Мы!». Это объединяющий стяг, символ общего духовного пространства. К культуре можно отнести как материальные артефакты, так и события, исторические точки, обычаи, всё остальное, служащее солидаризации[619]. С учётом проведённого в рамках исследования осмысления своеобразия природы культурного наследия как результата и платформы развития человеческой цивилизации, «необходим позитивный активный пиар в продвижении ценностей российской цивилизации и русской культуры»[620]. Обеспечение преемственности знания и опыта служит важнейшей антропологической характеристикой наследия.

На современном этапе особо зримо встает вопрос о способности адаптации культурного наследия к новым условиям, создание социальных предпосылок для существования в новых условиях. В исследовании обоснованы современные технологии внедрения наследия в повседневность, с учётом сложившихся механизмов интерпретации в современной научно-теоретической среде. Важной задачей является устранение существующих противоречий между традицией и новаторством, стабильностью и обновлением. Тем не менее, наследие заявляет о себе всё громче, становясь важной частью повседневности и профессиональной жизни. В рамках исследования обоснованы концептуальные положения интерпретации наследия в музейной среде, определено место интерпретации культурного

---

[619] Расторгуев, В. Н. Солидарность цивилизаций // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 141-159.

[620] Закунов, Ю. А. Символические войны против цивилизационной идентичности России // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт наследия, 2020. С. 351.

наследия в качестве инструмента управления социокультурной деятельности и культурной политики. Актуальной задачей современности становится внедрение личностно-ориентированного подхода в работе с объектами культурного наследия.

Наследие способно выступить критерием мировоззренческих реалий. Однако при этом артефакты наследия недостаточно институализировать для того, чтобы они в полной мере служили инструментом достижения цели. Необходимым условием является и применение ряда методов, обозначенных, в том числе, и в нашей работе.

Сопоставление подходов и понятия «культурное наследие» в культурфилософском дискурсе подводит к его восприятию в качестве полипараметрального и многоуровневого феномена с четкой иерархией признаков. Интегрирующая роль наследия заключается в объединении вокруг него; это то, что позволяет сказать «Мы!». Наследие благодаря своей однозначности позволяет объединить разнонаправленные стороны за счёт наличия единой платформы и признаний общих ценностей. Артефакты, иллюстрируя этот подход, способны скрепить данное единство символически, что служит масштабным фундаментом взаимодействия. В исследовании концептуализирована идея перехода к принципиально новым сценариям сохранения наследия, исходя из проработки прогноза дальнейшего расширения интерпретации в качестве полноценного инструмента актуализации. Потенциал интерпретаций наследия поистине неисчерпаем, открывая новые грани и возможности ежемоментно. Объект наследия, в первую очередь, выступает полноценным инструментом развития и прогресса.

Культурное наследие следует считать наиболее мощным смысловым императивом, способствующим созданию гармоничного социокультурного диалогового пространства. В случае, когда ясны, понятны и принимаемы основные ценности созидания, воплощения и сохранения наследия, договориться об общих решениях принципиально проще.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники:

1. Архив департамента культуры Костромской области, фонд МБ-1, дело 45. Выписка из протокола заседания Экспертного совета по народным художественным промыслам при Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации от 7 декабря 2018 года № ДК-13/НХП, Перечень зарегистрированных образцов изделий народных художественных промыслов признанного художественного достоинства № 403 от 29 декабря 2018 года.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2028. Оп. 1. Д. 1391. Никольская церковь (дер.) 1741 г. С. Андреевское. Сусанинский р-н.
3. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 130. Оп. 2. Д. 3802. ц. Преображения Буйского района.

Нормативные акты

4. Закон от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».
5. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».
6. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ.
7. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808).

8. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р.

9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683.

10. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666.

11. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р.

12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

13. Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы, утвержденная приказом Министерства культуры Российской Федерации от 17.12.2008, № 267.

14. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия принятая Генеральной конференцией на семнадцатой сессии (Париж, 16 ноября 1972 г.) (Цит. по с. 72. Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). – М.: НП «Издательская фирма «ЮниПринт», 2002. - 223 с.).

Издания:

15. Августин Блаженный. Христианская наука, или Основания св. герменевтики и церковного красноречия. – Киев, 1835. – 355 с.

16. Аванесова, Г. Н., Астафьева, О. Н. Национальные культуры в условиях глобальной нестабильности: мировая практика и научная аналитика

// Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 30-38.

17. Аванесова, Г. А., Астафьева, О. Н. Культурно-гуманитарные аспекты евразийского сотрудничества: Россия в межцивилизационных союзах // Социально-гуманитарные знания, 2015. № 3. С. 202-216.

18. Революция и культура: сквозь призму времени : монография / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева, Н. Б. Кириллова, К. Э. Разлогов и др. ; отв. ред. Н. Б. Кириллова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017 – 222 с.

19. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы [Текст] / С.С. Аверинцев ; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1977. – 320 с.

20. Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции : [Сб. ст.] / С. С. Аверинцев. - М. : Шк. "Языки рус. культуры", 1996. – 446 с.

21. Автономова, Н. С. Познание и перевод [Текст] : опыты философии языка / Наталия Автономова ; Российская акад. наук, Ин-т философии. – М.: РОССПЭН, 2008. – 702 с.

22. Акопов, Г. В. Глобализация как фактор трансформации сознания // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной ежегодной научно-практической конференции (15–16 апреля 2011 г.) / Под ред. С. В. Петрушина. - Казань: Отечество, 2011. С. 14-17.

23. Акопов, Г. В. Социальная психология искусства vs искусство манипуляций // Социальная и экономическая психология. Часть 1: Состояние и перспективы исследований / Отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева. – М.:

Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 27-35.

24. Алексеев, Б. Т. Процессуальный подход к семантике и герменевтика // Философия о предмете и субъекте научного познания / Под редакцией Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 9-22.

25. Алексеев, С. С. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. - М.: Норма, 1999. – 329 с.

26. Алексеева, И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. - М.: ИФРАН, 1993. – 215 с.

27. Алипова, Ю. Б. Проблемы сохранения исторического поселения – деревни Большая Сельга Олонецкого района Республики Карелия / Ю. Б. Алипова, А. А. Бусыгина // Народное зодчество: Межвузовский сборник. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2007. С. 135-146.

28. Алисов, Д. А. Культурный ландшафт малого города: вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики [электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 4-17.

29. Алпатов, В. М. Сохранить ценности человечества // Памятники Отечества. Книга вторая. - М.: Современник, 1975. С. 36-43.

30. Алякина, К. В. Провинциальный музей как «культурное гнездо»: диссертация … кандидата культурологии: 24.00.01 / Сарат. гос. техн. ун-т. – Самара, 2002. – 189 с.

31. Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции) / М.Д. Воропаева, Н.И. Горлова, А.В. Губина, А.Г. Демидов, И.В. Климова, А.Ю. Милакова, Д.С. Юдин. – М.: ВООПиК, 2020. - 307 с.

32. Ананьев, В. Г. Музей отживающего культа и его экспозиционные практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 299-310.

33. Ананьев, В. Г. Зарубежная музеология: интеллектуальные парадигмы и институциональные структуры: автореферат диссертации … доктора культурологии: 24.00.01; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»] – СПб., 2019. – 48 с.

34. Андреева, А. М. Культурный капитал в мировом образовательном пространстве : философско-культурологический анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Андреева Анна Михайловна; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. - Белгород, 2018. - 25 с.

35. Андрюшенко, М. Т. О принципах социального познания, их эффективности и целесообразности уточнения // СВЕЧА-2005. ИСТОКИ: Религия и личность в прошлом и настоящем. Материалы международных конференций. Том 13. – Владимир-Москва: Издательство Владимирского государственного университета. 2005. С. 15-36.

36. Аполлонов, И. А. Идентичность личности в этнокультурном измерении : автореферат дис. ... доктора философских наук : 24.00.01 / Аполлонов Иван Александрович; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. - Ростов-на-Дону, 2018. - 39 с.

37. Арсланова, Е. Б. Великая Победа 1945 года как основополагающий ритуал России (в контексте национальной идентичности) / Е. Б. Арсланова (Михайленко) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. - 2011. N 1 (86). С. 13-25.

38. Архив наследия – 2009. Научный сборник. - М.: Институт Наследия, 2010. – 414 с.

39. Архив наследия. Вып. 16. Научный сборник. М.: Институт Наследия, 2018. – 586 с.

40. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. - М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

41. Астапов, С. Н. Религиозные традиции в условиях глобализации: модернизация, консервация, архаизация // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства: сб. науч. ст. по матер. всеросс. науч. конфер. с междунар. участ. / отв. ред. Т. В. Коваленко; редкол. И. И. Горлова, А. А. Гуцалов, А. В. Крюков, Н. А. Костина. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С. 67-76.

42. Астафьев, П. Е. Избранные произведения : Философия. Психология. Культура. - М. : Институт Наследия, 2021. - 590 с.

43. Астафьева, О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. – М.: Изд-во МГИДА, 2002. – 295 с.

44. Астафьева, О. Н. Социокультурная синергетика: предметная область, история, перспектива // Синергетическая парадигма: синергетика образования (отв. редактор В.Г. Буданов). – М.: Прогресс-Традиция, 2007. - С. 470-481.

45. Астафьева, О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 50-58.

46. Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность [Текст] : лекции / О. Н. Астафьева ; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – М. : Изд-во РАГС, 2010. – 68 с.

47. Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 1–3) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2010. № 2. С. 5. – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/20.html&j_id=3. (дата обращения: 30.12.17).

48. Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 4–5) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. № 1. С. 4. – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/38.html&j_id=5. (дата обращения: 30.11.17).

49. Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 6–8) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. № 2. С. 6. – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/73.html&j_id=6. (дата обращения: 28.09.17).

50. Астафьева, О. Н. Грушевицкая, Т. В., Садохин, А. П. Культурология. Теория культуры. - М.: Юнити-Дана, 2012. – 487 с.

51. Астафьева, О. Н. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложности / О. Н. Астафьева // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. – 2013. – № 1 (19). С. 82-91.

52. Астафьева, О. Н. Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия // ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА, 2014, №1 (87). С. 71-78.

53. Астафьева, О. Н. Культурная политика регионов: гражданская солидарность в фокусе общественного внимания // Библиотековедение. 2015. № 5. С. 31-36.

54. Астафьева, О. Н. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне / О.Н. Астафьева, С. Б. Синецкий // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 4 (52). С. 70-80.

55. Астафьева, О. Н., Коротеева, О. В., Шибаева, Е. А. Образование и культура в социокультурном развитии регионов России // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 677-685.

56. Астафьева, О. Н., Горушина, С. Н. Теоретическая концептуализация и практическая деятельность государства в вопросе

обеспеченности населения услугами библиотек // Библиотековедение. 2017. № 4. С. 367-377.

57. Астафьева, О. Н., Синецкий, Б. С. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4. С. 70-80.

58. Астафьева, О. Н., Кузьмина, Н. В. «Интересное» в эстетическом ландшафте города // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 693-707. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-6-693-707.

59. Астафьева, О. Н. Понимание культуры как основание для концептуализации стратегий культурной политики // Библиотеки в информационном обеспечении государственной культурной политики: мат-лы X всерос. совещания (3-4 окт. 2018 г., Москва). - М.: Пашков дом, 2018. С. 23-36.

60. Астафьева, О. Н., Никонорова, Е. В., Шлыкова, О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 516-531.

61. Астафьева, О.Н., Егоров, В.К. Культурное наследие в территориальных проектах развития // Музеефикация фортификационных сооружений. Проблемы и пути их решения: Сборник материалов Международного научно-практического семинара-конференции, посвященного 425-летию начала строительства Смоленской крепостной стены / сост. С.А. Пиляк, канд.архит. - Смоленск: Свиток, 2021. С. 30-41.

62. Ахромеева, Т. С., Малинецкий, Г. Г., Посашков, С. А. Взаимодействие искусства и науки в контексте синергетики // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 116-127.

63. Ахутин, А. В. Античные начала философии. – СПб.: «Наука», 2007. – 778 с.

64. Бабаков, В. Г., Семенов, В. М. Национальное сознание н национальная культура (методологические проблемы). – М.: ИФРАН, 1996. – 70 с.

65. Бабилунга, Н. В. Русская национальная идея и Приднестровье // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018-2019 гг. - М. : Институт Наследия, 2020. С. 8-25.

66. Бабкин, А. В. Специальные виды туризма. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2008 - 251 с.

67. Бавра, Н. В. Поиски новой парадигмы в психологии восприятия // Философия о предмете и субъекте научного познания / Под редакцией Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 37-46.

68. Баженов, И. В. Краткие статистические сведения о приходских церквах Костромской епархии. Справочная книга. – Кострома: Губернская типография, 1911. – 407 с.

69. Бакеева, Е. В. Понимание как экзистенциальная проблема. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 169 с.

70. Балаш, А. Н. Современная художественная выставка как междисциплинарный проект // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 16-21.

71. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

72. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: «Искусство», 1979. – 421 с.

73. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.

74. Беззубова, О. В. Музей и политика памяти // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 76-84.

75. Бекбосынова, Ж. Б. Проблемы герменевтики. – М.: Луч, 1992. – 166 с.

76. Белякова, И. Г. Современная межкультурная коммуникация: динамика глобальных преобразований / И. Г. Белякова. – М.: Спутник+, 2017. - 212 с.

77. Белялетдинов, Р. Р. Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ : монография / Р. Р. Белялетдинов. – М.: ООО «4 Принт», 2019. – 212 с.

78. Бембель, И. О. Феномен традиции в архитектуре современной Польши // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2016 году: Сб. науч. тр. РААСН. Т. 1. – М.: Издательство АСВ, 2017. С. 13-20.

79. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова, под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

80. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека : Опыт персоналистической метафизики. – М.: Республика, 1995. – 383 с.

81. Берсенева, Т. П. Идея синергии в русской культуре : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Берсенева Татьяна Павловна; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. - Екатеринбург, 2018. - 39 с.

82. Беспалова, Т. В. Цивилизационный потенциал государственного патриотизма в современной России // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч.

ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия. 2016. С. 183-204.

83. Беспалова, Т. В. Академик Д.С. Лихачев о самобытности русской культуры // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. – М.: Институт наследия, 2017. С. 5-13.

84. Беспалова, Т. В., Расторгуев, В. Н. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. – М.: Институт наследия, 2017. – 224 с.

85. Беспалова, Т. В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма [Текст]: монография / Т. В. Беспалова, Е. В. Свиридкина; отв. ред. Т. В. Беспалова; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. – М.: Институт Наследия, 2019. – 212 с.

86. Беспалова, Т. В., Минаков, А. Ю., Васильев, Г. Е. Анализ основных документов стратегического планирования Российской Федерации в сферах образования, культуры, государственной национальной политики и национальной безопасности // Совершенствование понятийного аппарата в сфере государственной культурной политики современной России : коллективная монография. - М. : Институт Наследия, 2020. С. 40-58.

87. Бетти, Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 144 с.

88. Биржаков, М. Б. Введение в туризм [Текст] / М. Б. Биржаков. – СПб. : «Издательский дом Герда», 2012. – 320 с.

89. Бласс, Ф. В. Герменевтика и критика. - Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1891. – 194 с.

90. Блинов, Г. М. Русская народная игрушка : Заметки коллекционера / Геннадий Блинов. – М. : Радуга, 1983. – 163 с.

91. Богатырева, С. В. Идентификация национальных ценностей // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства: сб. науч. ст. по матер. всеросс. науч. конфер. с междунар. участ. / отв. ред. Т. В. Коваленко; редкол. И. И. Горлова, А. А. Гуцалов, А. В. Крюков, Н. А. Костина. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С. 92-93.

92. Бодийяр, Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. и вступ. ст. Н.С. Автономовой. – М.: «Ad Marginem», 2000. – 512 с.

93. Бодийяр, Ж. Символический обмен и смерть. - М.: Добросвет, 2000. – 389 с.

94. Бодэ, А. Б. Казанская церковь в селе Сурушино Тверской области. Утрата памятника // Деревянное зодчество. Вып. II. Новые материалы и открытия: [сборник научных статей/ Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории истории архитектуры и градостроительства]. – М.; СПб. : Коло, 2011. С. 244-256.

95. Бодэ, А. Б. Деревянное зодчество как один из ярких отличительных признаков национальной архитектуры // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2017 году: Сб. науч. тр. РААСН. Т. 1. – М.: Издательство АСВ, 2018. С. 19-25.

96. Бойцова, О. Ю. «Цивилизация» как политико-философский концепт // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы

развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия. 2016. С. 77-87.

97. Бокова, А. В. Культурные, креативные, творческие индустрии как явление современной культуры : опыт концептуализации : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Бокова Анна Викторовна; [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. - Томск, 2016. - 19 с.

98. Реновация городской среды: исторические прецеденты / Ответственный редактор-составитель И.А. Бондаренко. – М., СПб.: archi.ru/ Коло, 2021. – 333 с.

99. Борев, Ю. Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика. Методология критики и герменевтика / Ю.Б. Борев // Художественная рецензия и герменевтика. Теории, школы, концепции. - М.: Наука, 1985. – 286 с.

100. Борзова, Е. П. Восток и Запад: сравнительный анализ культур // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, т. 190, 2010. С. 282-311.

101. Борисова, М. В. Культурно-образовательная деятельность музеев // Музей. 2009. № 5. С. 31-36.

102. Будрина, Л. А. «Новый порфир» или национальный символ? Трансформация образа малахита / Актуальные проблемы теории и истории искусства – 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2018. С. 425-426.

103. Будыко, Н. С., Кожар, Н. В. История архитектуры: Курс лекций. В 2 ч. Ч.1 . Архитектура Древнего мира. - Минск: БНТУ, 2008. - 160 с.

104. Бузыкина, Ю. Н. Образ как гиперссылка в стенописи Архангельского собора Московского Кремля / Актуальные проблемы теории и истории искусства – 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2018. С. 264-265.

105. Бундин, Ю. И. Цивилизация досуга: история и современность // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 126-136.

106. Бунин, А. В., Саваренская, Т. Ф. История градостроительного искусства в 2-х томах. - М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1971.

107. Бурдье, П. Практический смысл / Пер. с франц. и общ. ред. Н. А. Шматко. - СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

108. Буш, П. Д. Мемориальная консервация и музеефикация руин, ставших следствием военных действия на территории Российской Федерации и постсоветского пространства // Современная архитектура мира. Вып .13 (2/2019) / Гл. ред, сост. Н.А. Коновалова. – М.; СПб. : Нестор-История, 2019. С. 304-316.

109. Бычков, В. В. Триалог. Живая эстетика и современная философия искусства [Текст] / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская, В. В. Иванов ; Российская акад. наук, Ин-т философии. – М. : Прогресс-Традиция, 2012. - 839 с.

110. Эстетика символизма / Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Издательство Центр гуманитарных инициатив, 2021. - 608 с.

111. Вайль, П., Генис, А. Собрание сочинений: вв 2 т. Том 1. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 960 с.

112. Вальдес, О. М. С. Московский метрополитен как культурный феномен : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Вальдес Одриосола Мария Сантьяговна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. – М., 2017. - 25 с.

113. Ванькин, Е. В. Церковно-археологические музеи и их роль в сохранении культурного наследия. Традиции и современность // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 14-23.

114. Василина, Д. С. Виртуальный музей как феномен современной культуры // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 96-102.

115. Васильева, М. А. Репрезентация культурной идентичности в сети Интернет : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Васильева Марина Александровна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2017. - 30 с.

116. Вахрамеева, Т. И. Всероссийские и региональные конференции по сохранению деревянного зодчества: эффективность принимаемых решений / Т. И. Вахрамеева // Народное зодчество: Межвузовский сборник. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 27-30.

117. Вдовина, И. С. Философия жизни Поля Рикёра // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Блауберг. – М. : ИФРАН, 2012. С. 28-52.

118. Веденин, Ю. А., Середина, Е. В. Проблемы сохранения и развития культурного ландшафта в староосвоенных районах страны // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. – М.: ИГАН, 1988. - 146 с.

119. Веденин, Ю. А., Шульгин, П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия Академии наук. Сер. геогр., № 3. 1992. С. 90–99.

120. Веденин, Ю. А. Очерки по географии искусства. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. 1997. – 224 с.

121. Веденин, Ю. А. Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия географическая. 1998. №1. С. 17-24.

122. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. - М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. - 620 с.

123. Веденин, Ю. А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М., СПб.: Институт наследия, 2004. С. 68-81.

124. Веденин, Ю. А., Кулешова, М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М., СПб.: Институт наследия, 2004. С. 13-36.

125. Вигтенштейн, Л. Логико-философский трактат / Пер. с немецкого и сверено с авторизованным английским переводом И. Добронравовым и Д. Лахути. Общая редакция и предисловие доктора философских наук В.Ф. Асмуса. – М.: ИЛ, 1958. – 133 с.

126. Визуальные образы современной культуры: идеалы и идеологии (к 25-летию теологического образования в г. Омске) [Электронный ресурс] :

сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 27 сентября – 9 октября 2019 г.) / [редкол. : П. Л. Зайцев (отв. ред.) и др.]. – Электрон. текст. дан. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

127. Викторов, А. Ш. Противостояние «пустого и полного мира» как кризис современной цивилизации // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт Наследия, 2019. С. 107-119.

128. Волкова, Е. В. Икона в музейной экспозиции: к истории способов показа / Актуальные проблемы теории и истории искусства – 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2018. С. 296-299.

129. Волкова, Е. В. Музейный дизайн : историко-культурный анализ : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Волкова Елена Владимировна; [Место защиты: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена]. - Санкт-Петербург, 2021. - 21 с.

130. Волохова Н.В., Филиппович М.С. Опыт собственных знаний сквозь призму сомнения и скептицизма: философский анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022;12(2):268-275. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-2-268-275.

131. Волькович, А. Ю. Модель музейной коммуникации в концепциях зарубежных музееведов // Музей в современной культуре. - СПб, 1997. С. 69-73.

132. Волькович, А. Ю. Музейная экспозиция как семиотическая система. Автореф. дисс. … канд. культурол. [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусства]. - СПб, 1999. – 23 с.

133. Ворошин, С. Д. Формирование культурной идентичности студенчества в актуальных социокультурных практиках университетов Южного Урала : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Ворошин Семён Дмитриевич; [Место защиты: Сиб. федер. ун-т]. - Красноярск, 2018. - 32 с.

134. Востряков, Л. Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение. - СПб.: Сев-Зап. акад. гос. службы, 2005. – 342 с.

135. Востряков, Л. Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: дис. … доктора политических наук: 23.00.02. [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - М., 2007. – 365 с.

136. Востряков, Л. Е. Государственная культурная политика: понятия и модели. - СПб.: Изд-во Сев.-Зап. ин-та РАХНиГС, 2011. – 168 с.

137. Востряков, Л. Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. № 2. С. 166-178.

138. Выготский, Л. С. Психология искусства. - М.: Педагогика, 1987. – 341 с.

139. Габитова, Р. М. «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера // Герменевтика: история и современность (Критические очерки) / коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 61-96.

140. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

141. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991. – 366 с.

142. Гадамер, Г.-Г. Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 256 с.

143. Гаджиев, К. С. Введение в политическую философию. - М.: Логос, 2004. – 336 с.

144. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

145. Геворгян, Л. П. Этнографические коллекции как память культуры // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 24-35.

146. Гегель, Г.-В.-Ф. Философия права. – М. : Мысль. 1990. – 524 с.

147. Гегель, Г. В. Феноменология духа. - М.: Наука, 2000. - 495 с.

148. Генисаретский, О. И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. Игумена Андроника (А.С. Трубачева); ред. Игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: «Мысль», 2000. С. 9-46.

149. Генова, Н. М. Народное творчество и мастерство как факторы формирования личности // Аношинские чтения: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции (р. п. Большеречье Омской области, 12–13 октября 2016 г.) / гл. ред. Т. Н. Золотова, отв. ред. И.

А. Селезнева, Г. М. Патрушева, О. Н. Шелегина. – Омск: Издательский дом «Наука», 2017. С. 36-40.

150. Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. – 302 с.

151. Герт, В. А. Целостность и субъектность индивидуального бытия человека : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.13 / Герт Валерий Александрович; [Место защиты: Челяб. гос. ин-т культуры]. - Челябинск, 2016. - 50 с.

152. Гибберд, Ф. Градостроительство. Пер. с англ. - М.: Госстройиздат, 1959. – 346 с.

153. Гиляревский, Р. С. Чего мы ждем от книги и книговедения в ближайшие годы? // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Книга и книжное дело в XIX-XX веке. Смирдинские чтения. 2018. Том 217. С. 48-54.

154. Гиренок, Ф. И. Ускользающее бытие. – М.: ИФРАН, 1994. – 218 с.

155. Гиренок, Ф. И. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. - М.: Академический проект, 2012. - 237 с.

156. Гиренок, Ф. И. Глобальный нигилизм с точки зрения археоавангарда // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт наследия, 2019. С. 63-67.

157. Глазычев, В. Л. Урбанистика. - М.: Европа, 2008. – 219 с.

158. Глазычев, В. Л. Город без границ. - М.: Территория будущего, 2011. – 397 с.

159. Гнедич, П. П. Всемирная история искусств / П. П. Гнедич. – М. : Современник, 1996, 1999. – 494 с.

160. Гнедовский, М. Б. Современные тенденции музейной коммуникации (на материале музееведческой литературы капиталистических стран) / М. Б. Гнедовский // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М.: Тип. им. Смирнова, 1989. С. 16-34.

161. Гнедовский, М. Б. Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования / М. Б. Гнедовский, В. Ю. Дукельский // Музейное дело: музей – культура – общество : сб. науч. тр. – М.: ЦМР, 1992. С. 7-18.

162. Годованец, Ю. А. Сохранение культурных ценностей: теория и практика применения международных стандартов (культурологический анализ): автореферат диссертации … кандидата культурологии: 24.00.01; [Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации]. – М., 2004. – 32 с.

163. Гордиенко, Н. С. Современное русское православие. – СПб.: Лениздат, 1987. - 304 с.

164. Горелов, А. А. Эволюция культуры и экология. – М.: ИФРАН, 2002. – 243 с.

165. Горелов, А. А. Истина и смысл [Текст] / А.А. Горелов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 147 с.

166. Горелова, Ю. Р. Наследие территории как ресурс развития культурного туризма // Аношинские чтения : материалы I Межрегиональной научно-практической конференции (р. п. Большеречье Омской области, 12–13 октября 2016 г.) / гл. ред. Т. Н. Золотова, отв. ред. И. А. Селезнева, Г. М. Патрушева, О. Н. Шелегина. – Омск : Издательский дом «Наука», 2017. С. 48-53.

167. Горелова, Ю. Р. Библиотеки и музеи в культурном ландшафте современного Омска // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики [электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 34-45.

168. Горлова, И. И., Бычкова, О. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–273.

169. Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. - М.; Краснодар, 2015. - 304 с.

170. Горлова, И. И., Бычкова, О. И. Социокультурное регулирование как инструмент государственной политики по сохранению наследия Российской цивилизации // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия. 2016. С. 239-248.

171. Горлова, И. И., Коваленко, Т. В., Зорин, А. Л. О соотношении понятий «культурное наследие» и «памятники культуры» в контексте разных исторических эпох // Культурное наследие России № 4 (октябрь-декабрь) 2018. С. 3-8.

172. Горлова, И. И., Бычкова, О. И., Костина, Н. А. Особенности продвижения этнокультурных брендов в контексте формирования и реализации потенциала территориальных музеев // Культурное наследие России. № 3 (июль-сентябрь) 2019. С. 3-12.

173. Региональная культурная политика: методология, институты, практики : Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т Наследия, 2019. – 206 с.

174. Горячева, А. В. О формировании законодательной системы охраны архитектурного наследия в Великобритании в XX веке // Современная архитектура мира. Вып. 13 (2/2019) / Гл. ред, сост. Н.А. Коновалова. – М.; СПб. : Нестор-История, 2019. С. 253-270.

175. Головнева, Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре : на материале Сибирского региона : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.13 / Головнева Елена Валентиновна; [Место защиты: Ом. гос. пед. ун-т]. - Екатеринбург, 2018. - 38 с.

176. Голосовкер, Я. Э. Избранное. Логика мифа. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 496 с.

177. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2019 году. - М.: Министерство культуры Российской Федерации. – 200 с.

178. Грабарь, И. Э. История русского искусства. Том. I. Архитектура / И. Э. Грабарь. – М. : Издание I. Кнебель, 1909. – 479 с.

179. Грабарь, И. Э. История русского искусства. Том. II. Архитектура / И. Э. Грабарь. – М. : Издание I. Кнебель, – 478 с.

180. Григорьев, Б. В. Проблемы интерпретации / Б. В. Григорьев. – М.: МПГУ, 1997. – 118 с.

181. Григорьева, Е. И. Удастся ли спасти деревянную застройку города Иркутска? (о проекте регенерации и развития исторического квартала города) / Е. И. Григорьева. М. Г. Меерович. // Культура дерева – дерево в культуре: тез. междунар. науч.-практ. конф., 24-28 сентября 2010 г., Москва – Ростов Великий = Culture of the Wood – Wood in Culture: Abstracts of Reports of the

International Conference, 24-28 September, 2010, Moscow – Rostov the Great / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии и др.; отв. ред.-сост. О. Г. Севан. – М., 2010. – 200 с.

182. Губарева, О. В. Православная икона в современном мире // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт Наследия, 2020. С. 56 -73.

183. Гуляницкий, Н. Ф. О современном значении понятия «памятник архитектуры» / Н. Ф. Гуляницкий // Теория и практика реставрационных работ. № 3. – М. : Стройиздат, 1972. С. 13-15.

184. Древнерусское градостроительство X-XV веков. / под общей. ред. Н.Ф. Гуляницкого. - М.: Стройиздат, 1993. – 391 с.

185. Петербург и другие новые российские города XVIII – XIX веков / под общей ред. Н.Ф.Гуляницкого. - М.: Стройиздат, 1995. – 402 с.

186. Градостроительство Московского государства XVI - XVII вв. / под общей ред. Н.Ф. Гуляницкого. - М.: Стройиздат, 1994. – 316 с.

187. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры, – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.

188. Гуренко, В. Л. Концепты "культура" и "религия" в религиозной философии культуры XX века : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Гуренко Владислав Леонидович; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. - Волгоград, 2017. - 26 с.

189. Гусейнов, А. А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 11-16.

190. Гусейнов, А. А. Философия - мысль и поступок [Текст] : статьи, доклады, лекции, интервью / Абдусалам Гусейнов ; Санкт-Петербургский

гуманитарный ун-т профсоюзов. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 2012. - 845 с.

191. Гутнов, А. Э. Эволюция градостроительства, - М.: Стройиздат, 1984. – 256 с.

192. Давыдова, А. С. Вопросы сохранения и использования интерьеров памятников древнерусской архитектуры в музейных целях // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. - М., 1979. С. 21–76.

193. Дахин, А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 1. С. 105-118.

194. Демченко, А. И. На изломе истории. Проблема гуманизма в отечественной музыке начала XX века // Вестник Саратовской консерватории. 2019. № 1 (3). С. 25-34.

195. Демьянков, В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 327-337.

196. Дескола, Ф. По ту сторону природы и культуры. - М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 580 с.

197. Джемаль, Г. Д. Оппозиция философии и культуры как отражение фундаментальной поляризации духа // Философия – философия культуры – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы междунар. науч. конф. 7-9 апр. 2011 г., Белые Столбы / Рос. ин-т культурологии; отв. ред.: Н.А. Кочеляева, К.Э. Разлогов. – М.: Совпадение, 2012. С. 12-16.

198. Дзюба, Д. Н. Виртуальный музей в контексте цифровой культуры : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Дзюба Дарья Николаевна; [Место защиты: Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева]. - Саранск, 2019. - 23 с.

199. Дильтей, В. Герменевтика и теория литературы. Пер. с нем. под ред. В.В. Бибихина и Н.С. Плотникова // Дильтей В. Собрание сочинений в шести томах. Под общей ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. IV . - М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 531 с.

200. Дмитраков, А. М. Феномен безопасности в современной культуре : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Дмитраков Андрей Михайлович; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. - Белгород, 2018. - 26 с.

201. Дриккер, А. С., Маковецкий, Е. А. Музейный храм // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 25-36.

202. Евлампиев, И. И. Идея музея в контексте европейской модели культуры и ее постмодернистское отрицание // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 103-114.

203. Егоров, В. К. О культурологической экспертизе политизированной истории // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 532-539.

204. Егоров, В. К. Качества человеческого капитала: эффективное управление и развитие // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С.21-27.

205. Емельянов, А. И. Дихотомическое деление Запада и Востока в мировом цивилизационном процессе // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.-

исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт Наследия, 2019. С. 200-208.

206. Емельянова, Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 299 с.

207. Еременко, Г. А. Пассеизм в музыкальной культуре Франции // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 171-182.

208. Ересова, В. В. Модернизация музейной коммуникации в условиях общества потребления // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 92-96.

209. Ермоленко, Е. В., Явейн, О. И. Летние павильоны галереи Серпентайн. Временная архитектура для временного искусства? // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2001. С. 197-202.

210. Ерохина, Т. А. Массовая культура как механизм трансляции культурного наследия // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 89-95.

211. Есаулов, Г. В. Архитектура Юга России. От истории к современности. - М.: Архитектура-С, 2016. – 568 с.

212. Ефимец, М. А., Мерзлов, Н. Г., Шаповалов, Д. В. Культурные интересы устойчивого города в контексте благосостояния региона:

Новоуральский городской округ // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 142-155.

213. Живое наследие памяти : коллективная монография / науч. ред. Д. Я. Романова, отв. ред. Ю. А. Закунов. – М. : Институт Наследия, 2020. – 698 с.

214. Живой источник : [Альбом]. – М.: Ассоциация «Народные художественные промыслы России», 2017. – 300 с.

215. Жидков, В. С., Соколов, К. Б. Культурная политика России: теория и история: Учебное пособие для вузов / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. – М.: Академический проект, 2001. – 592 с.

216. Авангардная музеология / под редакцией Арсения Жиляева. – М. : V-A-C press, 2015. - 509 с.

217. Житенёв, С. Ю. Русское религиозное наследие в Европе: исторические и культурологические аспекты // Российское культурное наследие за рубежом: анализ состояния и сохранения, актуальные проблемы использования и доступности: Материалы Всерос. науч. -практ. конф. 14 окт. 2015 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. науч. -исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачева; ред.-сост. – Т. А. Пархоменко; лит. ред. – Н.В. Назарова. – М.: 2015. С. 31-42.

218. Житенёв, С. Ю. Вклад академика Д.С. Лихачёва в становление и развитие российской культурологии // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 68-74.

219. Житенёв, С. Ю. Православное паломничество и религиозный туризм в России: современное состояние и тенденции развития // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт Наследия, 2019. С. 315-322.

220. Жукова, О. А. Актуальность традиции: Художественное творчество в истории русской культуры. М.: Издательский сектор ОРОиК РПЦ, 2005. – 208 с.

221. Жукова, О. А. Опыт о русской культуре. Философия истории, литературы и искусства. М.: ООО "Издательство «Согласие», 2019. – 588 с.

222. Зайцева, А. А. Историческая память семьи и культурное наследие // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13-16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв.ред. Н.Л.Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск – М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. I. С. 37-39.

223. Закунов, Ю. А. Аксиологические основы государственной культурной политики // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия. 2016. С. 249-267.

224. Закунов, Ю. А. Подлинные антитезы и мнимые синтезы: опыт российской культурно-цивилизационной альтернативы // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального

нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт Наследия, 2019. С. 209-223.

225. Замятин, Д. Н. Геокультурное пространство России: ключевые положения, интерпретации и перспективное геокультурное проектирование // Развитие и экономика. 2014. № 10. С. 170–183.

226. Запесоцкий, А. С. Культура как смысл жизни // Звезда. – СПб., 2006. № 11. С. 69-78.

227. Запесоцкий, А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. - СПб.: СПбГУП, 2012. – 528 с.

228. Захарченко, И. Н. История искусства в границах визуального архива: Аби Варбург и Андре Мальро/ Актуальные проблемы теории и истории искусства — 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2018. С. 752-754.

229. Зитте, К. Городское строительство с точки зрения его художественных принципов. Пер.с нем. – М., 1925. – 230 с.

230. Зубанова, Л.Б. Мемориальная идентичность: между местом памяти и памятью мест Челябинский гуманитарий, №1 (62). 2023. С. 32-38.

231. Архитектурная теория Альберти / Зубов В. П. – СПб. : Алетейя, 2001. – 464 с.

232. Иванов, А. В. Власть – горожане – архитекторы - бизнес: кто сохранит русский деревянный город? / А. В. Иванов //Культура дерева – дерево в культуре: тез. междунар. науч.-практ. конф., 24-28 сентября 2010 г., Москва – Ростов Великий = Culture of the Wood – Wood in Culture: Abstracts of Reports of the International Conference, 24-28 September, 2010, Moscow – Rostov the Great / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии и др.; отв. ред.-сост. О.

Г. Севан. – М., 2010. – 200 с.

233. Ивин, А. А. Человеческие предпочтения [Текст] / А.А. Ивин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 122 с.

234. Игнатьев, В. Я. Ефим Васильевич Честняков / В. Я. Игнатьев. – Кострома : Издательство «Теза», 1995. – 126 с.

235. Игнатьева, И. Ф. Многомерность туризма: философский, экономический, политический аспекты // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 307–315.

236. Известия Императорской Археологической комиссии. Выпуск 31 (Вопросы реставрации, вып. 8). – СПб. : Типография Главного Управления уделов, 1909. – 309 с.

237. Иконников, А. В. Функция, форма, образ в архитектуре / А. В. Иконников. – М. : Стройиздат, 1986. – 288 с.

238. Иконников, А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. в 2-х томах. - М., 2001, 2002.

239. Иконников, А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве : [монография] / А. В. Иконников ; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства. – М. : URSS, 2006 (Калуга : ГП Облиздат). – 349 с.

240. Иконникова, С. Н., Леонов, И. В. Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 6-10.

241. Ильин, И. В. Теоретико-методологические основы глобалистики. – М.: Издательство Московского университета, 2009. – 108 с.

242. Инюшин, В. В. Кризис гуманитарного знания и реальная картина мира. Место России // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н.

Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт Наследия, 2019. С. 459-467.

243. Ионин, Л. Г. Основания социокультурного анализа: Учебн. пособие. – М.; Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. – 151 с.

244. Казин, А. Л. Народ и этнос: русский опыт // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия. 2016. С. 222-226.

245. Казин, А. Л. Культура и государственность: учебное пособие / РИИИ. – СПб., 2019. – 132 с.

246. Казин, А. Л. Событие искусства. Классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. - СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. - 244 с.

247. Каган, М. С. Музей в системе культуры // Вопросы искусствознания. 1994. № 7. С. 445-460.

248. Каганов, Г. З. Санкт-Петербург: образы пространства. - М.: Индрик, 1995. – 223 с.

249. Каганский, В. Л. Реальности регионализации: основные аспекты процесса // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – М., 1994. С. 171-175.

250. Каганский, В. Л. Региональная аналитика и видения регионов // Кентавр. 1998. № 20. С. 18-25.

251. Каганский, В. Л. Основания регионального анализа в гуманитарной географии // Изв. РАН. Сер.: География. 1999. № 2. С. 42-50.

252. Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2001. – 576 с.

253. Каганский, В. Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры: Научное рецензируемое электронное издание. – 2011. № 4(5). – Культурная география. С. 26-40.

254. Кармин, А. С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 52–60.

255. Каширина, О.В. Управление событийными коммуникациями: философские размышления. Монография. – М.: Знание-М, 2021. – 155 с.

256. Музейное дело России / под общ. ред. М. Е. Каулен, И. М. Косовой, А. А. Сундиевой. – М. : ВК, 2003. – 612 с.

257. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : ВК, 2010. – 676 с.

258. Словарь актуальных музейных терминов (авт.-сост. М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова, О.Е. Черкаева, М.В, Борисова, Л.П. Хаханова, Л.И. Скрипкина) // Музей. 2009. № 5. С. 49-68.

259. Каулен, М. Е. Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10-19.

260. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Каулен. – М.: «Этерна», 2012. - 430 с.

261. Кимеева, Т. И. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Притомья на основе интерпретации материалов собраний музеев России: диссертация … доктора культурологии: 24.00.03; [Место защиты: Кемеровский государственный институт культуры] – Кемерово, 2019. – 500 с.

262. Кириков, Б. М. Архитектура Петербурга конца XIX - начала XX века: эклектика, модерн, неоклассицизм. - СПб.: Коло, 2006. – 447 с.

263. Кириков, Б. М. Архитектурные памятники Санкт-Петербурга. - СПб.: Коло, 2007. – 382 с.

264. Кириллова, Н. Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 524-531.

265. Кирилловых, А. А. Российские вузы в международной конкурентной среде: организационные и правовые основы развития // Юрист вуза. 2019. № 8 (186). С. 31-36.

266. Кириченко, Е. И. Москва на рубеже веков. - М.: Стройиздат, 1977. – 183 с.

267. Кириченко, Е. И. Архитектурные теории XIX века в России / Е. И. Кириченко. - Искусство, 1986. - 344 с.

268. Градостроительство России середины XIX – начала XX века в трех книгах / под общей ред. Е.И.Кириченко. - М., 1999, 2003,2011.

269. Китов, Ю. В. К проблеме изучения благосостояния как культурного явления // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 662-669.

270. Киященко, Л. П. Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности) [Текст] / Л.П. Киященко ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2017. – 113 с.

271. Коваленко, Т. В., Крюков, А. В. Экспертная деятельность в сфере межнационального взаимодействия как инструмент реализации этнокультурной политики в современной России // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства: сб. науч. ст. – Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 136-148.

272. Коваленко, О. А. Диалогичность русской национальной культуры : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Коваленко Ольга

Александровна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. - Ростов-на-Дону, 2017. - 30 с.

273. Кознова, И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М.: ИФРАН, 2000. – 205 с.

274. Кознова, И. Е. Наследие как историческая память // Вечное и преходящее в культурном наследии России [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2010. С. 133-150.

275. Козловцева, Н. А. Региональные практики консолидации русского мира на основе русского языка // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С.48-55.

276. Козолупенко, Д. П. Миф на гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры): Монография. - М.: КАНОН+, 2005. – 212 с.

277. Козолупенко, Д. П. Мифопоэтическое мировосприятие: Монография. - М.: КАНОН+, 2009. – 416 с.

278. Козырев, А. П. Русская философская мысль о цивилизационной специфике России. Наброски к теме // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия

им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт наследия. 2016. С. 162-172.

279. Козырьков, В. П. Метаморфозы одичания в советском и постсоветском обществе в контексте цивилизационных процессов // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт наследия, 2019. С. 279-295.

280. Койре, А. Очерки истории философской мысли. – М.: Прогресс, 1985. – 288 с.

281. Кокшенева, К. А. О культурном конфликте и культуре понимания // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт наследия, 2019. С. 165-171.

282. Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. – 800 с.

283. Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования [Электронный ресурс] / Капитолина Антоновна Кокшенева. – М. : Институт Наследия, 2019. – 472 с.

284. Кондаков, И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред., сост. А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2014. С. 533-544.

285. Кондрашев, Л. В. Археология Москвы: древние и современные черты московской жизни / Леонид Кондрашев. – М.: Издательство «Э», 2018. – 256 с.

286. Коренная, В. С. Культурное наследие как воспитательный фактор в системе школьного образования: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Коренная Валентина Сергеевна [Место защиты: Краснодарский государственный институт культуры].- Краснодар, 2021.- 225 с.

287. Коростелев, Н. Ю. О роли и значении современной государственной культурной политики // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 104-112.

288. Коротич, А. В., Чернихов, А. А. Архитектурное образование. Вызов будущего // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2001. С. 288-290.

289. Короткова, А. В. Музейные практики США XX-XXI вв.: институциональные аспекты: автореферат диссертации … кандидата исторических наук: 24.00.03; [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет]. – М., 2013. – 24 с.

290. Кособуцкая, Н. Ю. Актуализация культурного наследия в пространстве народной сценической хореографии : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Кособуцкая Наталья Юрьевна; [Место защиты: Челяб. гос. ин-т культуры]. - Челябинск, 2018. - 23 с.

291. Кравченко, О. А. Социокультурные основания российского пространства // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С.27-30.

292. Кропач, И. Познание, творческая фантазия или иллюзия? История с формальной точки зрения. Режим доступа: http://www.aik-sng.ru/text/bullet/22/11.shtml (дата обращения 06.12.2018).

293. Крохин, В. А. Высотные памятники архитектуры в Архангельском музее деревянного зодчества (из истории переборки срубов. Нагрузки и деформации. Старение срубов) / Музей под открытым небом в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 20-летию Арханг. гос. музей деревян. зодчества и нар. искусства; [отв. за выпуск Т. Б. Черская]. –Архангельск: Арханг. гос. музей деревян. зодчества и нар. Искусства «Малые Корелы», 1995.

294. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 192 с.

295. Кулешова, М. Е. Типы наследия и его предметная ценность [Электронный ресурс] // Центр охраны дикой природы: [сайт]. — URL: http://www.biodiversity.ru/publications/books/managcult/cultural_resource_ru.zip, (дата обращения 06.10.2018).

296. Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики [электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. – М.: Институт Наследия, 2019. – 154 с.

297. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. – 618 с.

298. Культурология: люди и идеи. – М.: Академический Проект; РИК, 2006. – 539 с.

299. Кун, Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.

300. Куспак, С. О. Регенерация и современное использование исторических поселений (на примере деревни Кинерма) / С. О. Куспак // Народное зодчество: Межвузовский сборник. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2007. С. 147-162.

301. Кутыкова, И. В. Проблема идентичности «постсоветского человека» : диалектика исторической памяти и современности : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.13 / Кутыкова Ирина Валентиновна; [Место защиты: Ленинград. гос. ун-т им. А.С. Пушкина]. - Санкт-Петербург, 2019. - 480 с. : ил.

302. Лавджой, А. Великая цепь бытия. История идеи. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.

303. Лавренова, О. А. Образ Места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 573 с.

304. Лавров, В. А. Развитие планировочной структуры исторически сложившихся городов. - М.: Стройиздат, 1977. – 176 с.

305. Левинсон, А. Фундаментализм и категория исторической вины // Неприкосновенный запас. 2010. Вып. 3 (71). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/fu6-pr. html (дата обращения: 15.11.2016).

306. Левицкий, В. С. Цивилизационная близость как фундаментальный ресурс в эпоху электронного средневековья // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт наследия, 2019. С. 120-125.

307. Лежава, И. Г. Будущее городов // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году: науч. тр. РААСН: в 2 т. Т.1 / РААСН, Иван. гос. архит.-строит. ун-т; под ред. А.П. Кудрявцева [и др.]. – М., Иваново, 2010. С. 24-32.

308. Лежава, И. Г. Ле Корбюзье. Уроки Мастера // Современная архитектура мира. Вып .6 / отв. ред. Н.А. Коновалова. – М.; СПб. : Нестор-История, 2016. С. 120-149.

309. Идеал, утопия и критическая рефлексия (отв. ред. Лекторский В.А.). – М.: РОССПЭН, 1996. – 302 с.

310. Леонтьев, А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства // А. Н. Леонтьев. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. С. 232-239.

311. Лизунова, И. В. Книга как медиа: эволюция в цифровую эпоху // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Книга и книжное дело в XIX-XX веке. Смирдинские чтения. 2018. Том 217. С. 112-115.

312. Лисицкий, А. В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития : автореф. дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Лисицкий А. В. [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – М., 2004. – 20 с.

313. Лисовская, Н. А. Программа сохранения деревянного зодчества Томска / Н. А. Лисовская // Народное зодчество : Межвузовский сборник. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. – 544 с.

314. Лихачёв, Д. С. Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 100-111.

315. Лихачёв, Д. С. Культура и мы // Огонёк. 1985. № 36. С. 22-24.

316. Лихачев, Д. С. Исследования по древнерусской литературе. - Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. – 405 с.

317. Лихачев, Д. С. Школа на Васильевском : Кн. для учителя : [О шк., создан. К. И. Маем в Петербурге в 1860 г.] / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. - М.: Просвещение, 1990. - 157 с.

318. Лихачёв, Д. С. Письма о добром и прекрасном. - М.: Прогресс, 1992. – 237 с.

319. Лихачёв, Д. С. Заметки и наброски // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. – СПб: Logos, 1999. – 666 с.

320. Лихачёв, Д. С. Письма о добром. Письма к молодым читателям. Письмо сорок первое. Память культуры. СПб., 1999. // Грани эпохи: электрон. журн. URL: http://grani.agni-age.net/edu/likhachev14.htm (дата обращения 07.05.2019).

321. Лихачёв, Д. С. Русская культура. - М.: Искусство, 2000. – 438 с.

322. Лихачев, Д. С. Декларация прав культуры / Д.С. Лихачев. - М. : Логос, 2000. – 8 с.

323. Лихачёв, Д. С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб., 2006. С. 332-333.

324. Лихачев, Д. С. Великая культура примирительна по своей сути / Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015) / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. – СПб. : СПбГУП, 2015. С. 22-25.

325. Лосев, А. Ф. Знак, символ, миф. Труды по языкознанию. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.

326. Лосский, Н. О. История русской философии. Пер. с англ. – М., «Советский писатель», 1991. – 480 с.

327. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис : Прогресс, 1992. – 272 с.

328. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Избранные статьи : в 3-х т. Т. 1 / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – 472 с.

329. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 399 с.

330. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

331. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с.

332. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство, 2002. – 768 с.

333. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 2005. – 704 с.

334. Лотман, Ю. М. Семиотика текста. – М.: Академический проект, 2013. – 460 с.

335. Луппов, С. П. Книга в России в послепетровское время (1725-1740). – Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1976. С. 53-68.

336. Макарская, Т. В. Вариации «порядка сборки» архитектурной системы // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2001. С. 28-29.

337. Малахов, А. Г., Римский, А. В. Культурно-исторические практики экстремизма // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1), 2023. С.137-146. https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-1-137-146.

338. Малыгина, И. В. Феномен идентичности в контексте историко-культурной динамики // Международный журнал исследований культуры. – 2023. – № 2 (51). – С. 44–55. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_44.

339. Мальро, А. Зеркало лимба: Сборник. – М.: Прогресс, 1989. – 515 с.

340. Мамаилова, Е. М. Роль школьного музея в духовно-нравственном воспитании учащихся // Аношинские чтения : материалы I Межрегиональной научно-практической конференции (р. п. Большеречье Омской области, 12–13 октября 2016 г.) / гл. ред. Т. Н. Золотова, отв. ред. И. А. Селезнева, Г. М. Патрушева, О. Н. Шелегина. – Омск : Издательский дом «Наука», 2017. С. 241-245.

341. Мамардашвили, М. К. Мысль в культуре // Философские науки. 1989. № 11. С. 75-81.

342. Мамардашвили, М. К., Пятигорский, А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 217 с.

343. Мамедов, Н. М. Экология и устойчивое развитие / Н. М. Мамедов ; Комис. Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Московская гос. акад. делового администрирования, Российская экологическая акад. - Москва : Изд. центр МГАДА, 2013. - 365 с.

344. Маньковская, Н. Б. Художник и общество : критический анализ концепций в современной французской эстетике / Н. Б. Маньковская. – М. : Искусство, 1985. - 208 с.

345. Маньковская, Н. Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). - М.: ИФ РАН, 1995. - 271 с.

346. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма = Esthétique postmoderne / Н. Б. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. - 346 с.

347. Маньковская, Н. Б. Феномен постмодернизма [Текст]: Художественно-эстетический ракурс / Н. Б. Маньковская. - Санкт-Петербург ; - М. : Центр гуманитарных инициатив, 2009. - 495 с.

348. Марков, А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. - М.: Рипол-Классик, 2018. - 256 с.

349. Марков, А. В. Красота. Концепт. Катарсис. 4 лекции по теории искусства. - М.: Рипол-Классик, 2018. - 180 с.

350. Марков, А. В. От знака к знанию. Четыре лекции о том, как семиотика меняет мир. - М.: Рипол-Классик, 2018. - 174 с.

351. Марченко, О. В. Очерки по истории философии. – М.: Московский университет печати, 2002. – 254 с.

352. Философия права : курс лекций : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» : [в 2 т.] / [А. В. Аверин и др.] ; отв. ред. М. Н. Марченко ;

Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак-т. - Москва : Проспект, 2011. Т. 1. - 552 с.

353. Философия права : курс лекций : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» : [в 2 т.] / [А. В. Аверин и др.] ; отв. ред. М. Н. Марченко ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак-т. - Москва : Проспект, 2011. Т. 2. - 509 с.

354. Масалева, С. Д. Костромская глина. Гончарный промысел Костромского края (конец XIX – начало XX вв.): – Кострома : ОГБУК «Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода», 2013. – 60 с.

355. История русской философии / Редкол.: М. А. Маслин и др. – М.: Республика, 2001. – 639 с.

356. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность [Текст] / Абрахам Маслоу ; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. - 3-е изд. - Москва [и др.] : Питер, 2013. - 351 с.

357. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел 3-й для Костромской и Плесской десятин. Вып. 5. - М., 1912. – 235 с.

358. Матвеева, З. Д. «Жизнь, облагороженная культурой»: музейно-педагогические идеи в творческом наследии Д.С. Лихачёва // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. – М.: Институт наследия, 2017. С. 86-96.

359. Матвеева, И. И., Юркина, О. В. Постмодернистские приемы в популярной музыке начала XXI века // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 196-207.

360. Матвиенко, В. В. Модели государственной культурной политики в современном мире // Вопросы культурологии. 2009. № 11. С. 52-55.

361. Махровская, А. В. Центр Ленинграда : (Преобразование и охрана ист. среды) / А. В. Махровская. - Л. : Ленингр. орг. о-ва "Знание" РСФСР, 1986. - 29 с.

362. Мацумото, Д. Психология и культура. – СПб.: Еврознак, 2002. – 414 с.

363. Межуев, В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

364. Межуев, В. М. Культура в зеркале философии // Философия – философия культуры – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы междунар. науч. конф. 7-9 апр. 2011 г., Белые Столбы / Рос. ин-т культурологии; отв. ред.: Н.А. Кочеляева, К.Э. Разлогов. – М.: Совпадение, 2012. С. 68-77.

365. Меркулов, И. П. Когнитивные способности. – М: Институт философии Российской академии наук, 2005. – 182 с.

366. Меркулов, И. П. Информация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон +, 2009. С. 311-312.

367. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

368. Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 575 с.

369. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / Пер. с англ. О.Н. Гринбаума ; Под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

370. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка, 1988. С. 281-309.

371. Миронов, В. В. Культура в пространстве глобальной коммуникации // Вестник Российского философского общества. №1. 2002. С. 19-24.

372. Миронов, В. В. Глобальное коммуникационное пространство, культура и информационная безопасность: Размышления// Человек и современный мир. - М.: Инфра М, 2002. С. 48-66.

373. Миронов, В. В. Информационное пространство: вызов культуре // Информационное общество. Вып.1. - М. 2005. С. 14-18.

374. Миронов, А. С. Экология культуры и приоритеты гуманитарных ценностей как основания культурной политики // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. – М.: Институт наследия, 2017. С. 97-104.

375. Митрофанова, Е. А. Школьный музей как средство воспитания у школьников патриотизма и гражданственности // Аношинские чтения : материалы I Межрегиональной научно-практической конференции (р. п. Большеречье Омской области, 12–13 октября 2016 г.) / гл. ред. Т. Н. Золотова, отв. ред. И. А. Селезнева, Г. М. Патрушева, О. Н. Шелегина. – Омск : Издательский дом «Наука», 2017. С. 249-253.

376. Народное творчество Костромской области: Фотоальбом / Михайленко Л.А. (отв. ред.): – Кострома : ООО «Кострома-издат», 2005. – 100 с.

377. Художественные промыслы Костромской области. Альбом / Михайленко Л.А. (отв. ред.): – Кострома : ГУК «Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода», 2011. – 287 с.

378. Михайлова, М. Б. Западноевропейское градостроительство нового времени [Текст] : опыт сравнительного анализа / М. Б. Михайлова ; Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. - Москва : URSS, 2018. - 457 с.

379. Михайловский, Е. Общественное значение памятников архитектуры / Е. Михайловский // Теория и практика реставрационных работ. № 3. – М. : Стройиздат, 1972. С. 5-12.

380. Мишуровская, О. С. Музей как семиотический феномен : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Мишуровская Ольга Станиславовна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. - Санкт-Петербург, 2012. - 22 с.

381. Мишуровская, О. С. Музей как один из языков культуры / О. С. Мишуровская // Человек. Культура. Образование. – 2013. – № 4 (10). С. 13-21.

382. Моль, А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 405 с.

383. Монтень, М. Опыты. Книга 2. – М.: Издательство Академии науки СССР, 1960, – 652 с.

384. Морозов, С. В. Мультикультурализм и толерантность в условиях глобализации с точки зрения системного подхода // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства: сб. науч. ст. по матер. всеросс. науч. конфер. с междунар. участ. / отв. ред. Т. В. Коваленко; редкол. И. И. Горлова, А. А.

Гуцалов, А. В. Крюков, Н. А. Костина. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С. 25-32.

385. Мосолова, Л. М. Регионалистика и аксиология // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. – СПб., 2000. С. 101-103.

386. Муза, Д. Е. Глобальное варварство как катализатор роста постцивилизационной онтологии (к логике тотального «вызова» и цивилизационных «ответов») // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт Наследия, 2019. С. 92-106.

387. Музей и власть. Из жизни музеев. – М.: Научно-исследовательский институт культуры, 1991. – 191 с.

388. Мусатов, А. А. К вопросу о закономерностях построения архитектурной формы. От Древнего мира к Античности // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2001. С. 94-105.

389. Мухамед, Т. В. Модели образования в контексте трансформационных процессов в культуре : философский анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Мухамед Татьяна Викторовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. - Москва, 2017. - 24 с.

390. Набилкина, Л. Н. Феномен города в образах словесной культуры : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Набилкина Лариса Николаевна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. - Иваново, 2017. - 36 с.

391. Народное гончарство России: сохранившиеся центры. Пути возрождения [Текст]: кат. выст. – М.: Сов. художник, 1987. – 148 с.

392. Нарский, И. С. Онтология и методология философской герменевтики - сборник Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 39-60.

393. Наука и искусство. – М.: ИФРАН, 2005. – 206 с.

394. Нащокина, М. В. Московский модерн [Текст] / М. В. Нащокина ; Российская акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства. - 5-е изд., с испр. и доп. - Санкт-Петербург : Коло, 2015. - 791 с.

395. Некрасов, А. С. Философский анализ творческого потенциала в человеческом и социальном измерении : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.13 / Некрасов Андрей Сергеевич; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. - Москва, 2020. - 40 с.

396. Некрасов, С. Н. Идеология будущего Большой Евразии: «Прекрасная Россия будущего» неолибералов или «русский цивилизационный неоиндустриализм» футуротрадиционалистов // 96Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018-2019 гг. - М. : Институт Наследия, 2020. С. 96-121.

397. Некрасова, М. А. Современное народное искусство (по материалам выставок 1977-1978 годов): – Л.: «Художник РСФСР», 1980. – 207 с.

398. Некрасова, М. А. Народное творчество как часть культуры. Теория и практика: – М.: «Изобразительное искусство», 1983. – 344 с.

399. Неретин, О. П., Томашевская, Е. А. Традиционные знания и традиционные выражения культуры как аспект интеллектуальной

собственности: проблемы выявления и охраны // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 540-549.

400. Николаева, Е. В. Символическое взаимодействие столицы и регионов как механизм формирования социокультурного единства России // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 74-79.

401. Проблемы философии культуры [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2012. – 191 с.

402. Никонова, А. А. Метаморфозы актуализации музейного предмета как исторического источника // Сб. «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки». – М.: Этерна, 2015. С. 263-274.

403. Никонова, А. А. Музейная эвристика: pro et contra // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 9-16.

404. Никонорова, Е. В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 644-651.

405. Никонорова, Е. В. Культура и устойчивое развитие: контуры интеграции и возможности оценки степени взаимосвязи // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 14-21.

406. Носов, К. С. Теория и практика итальянского военного зодчества эпохи Возрождения: взгляды Альберти и Филарете применительно к Кастелло Сфорцеско // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 13. / Гл. ред. и сост. А.Ю. Казарян. – М.; СПб. : Нестор-История, 2019. С. 257-271.

407. Оганов, А. А., Хангельдиева, И. Г. Преодоление культурного и образовательного консерватизма – путь к новым моделям образования // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 128-141.

408. Океанский, В. П. Онтологическая поэтика «Легенды о Великом Инквизиторе»: опыт герменевтического прочтения. Монография. – Иваново, 2010. – 128 с.

409. Океанский, В. П., Океанская, Ж. Л. Герменевтика словесности и культуры: Учебное пособие. – Иваново, 2010. – 208 с.

410. Окольникова, С. А. Интеграция культурного наследия в современный социокультурный контекст: региональная модель : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Окольникова Светлана Анатольевна; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – М., 2011. – 183 с.

411. О проблемах и перспективах развития музейного дела в Российской Федерации : результаты комплексного социологического исследования : анализ мнений музейного сообщества и населения РФ (реальных и потенциальных посетителей) / Министерство культуры Российской Федерации, РОСИЗО, Институт Наследия. – М. : Институт Наследия, 2019. – 282 с.

412. Очеретяный К. А., Ленкевич А. С. Медиафилософия: между рецепцией и интерпретацией // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 12-18.

413. Павлов, А. В. Философия культуры в постпостмодернизме : критический анализ : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.13

/ Павлов Александр Владимирович; [Место защиты: ФГБУН Институт философии Российской академии наук]. - Москва, 2019. - 28 с.

414. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск X. Буйский район. Сусанинский район / И. Ю. Кондратьева. Е. Г. Щеболева (ред.). – Кострома : департамент культурного наследия Костромской области. 2008. – 343 с.

415. Панарин, А. С. Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Цивилизация и культура. Вып. 3. - М., 1996. С. 29-30.

416. Панофский, Э. Ренессанс и "ренессансы" в искусстве Запада [Текст] / Эрвин Панофский; Пер. А. Г. Габричевского; [Общ. ред. и послесл., с. 340-362 В. Д. Дажиной]. - Москва : Искусство, 1998. - 362 с.

417. Патрахина, Т. Н. Герменевтическая философия Г.Г. Шпета : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Ин-т философии и права. - Екатеринбург, 2005. – 19 с.

418. Пермиловская, А. Б. Уникальные исторические поселения Русского Севера как объект изучения, сохранения и развития (на примере села Кимжа Мезенского района Архангельской области) / А. Б. Пермиловская // Народное зодчество: Межвузовский сборник. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2007. С. 119-133.

419. Пернацкий, В. И. Введение в российскую политологию : Филос. анализ / В. И. Пернацкий. - Н. Новгород : Ниж. Новгород, 1996. – 167 с.

420. Пернацкий, В. И. Философия политики и права: Учеб. пособие. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. – 224 с.

421. Пиляк, С. А. Архетипы ярусных храмов Поветлужья / С. А. Пиляк // Костромской гуманитарный вестник : рецензируемый периодический научный журнал / Костромской государственный технологический университет. – Кострома : Изд-во КГТУ, 2014. - № 1(7). С. 49-53.

422. Пиляк, С. А. Ярусная часовня из деревни Притыкино в Костромском музее деревянного зодчества / С. А. Пиляк // Новые задачи

технических наук и пути их решения: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 ноября 2014 г., г. Уфа). – Уфа: Аэтерна, 2014. С. 60-61.

423. Пиляк, С. А. Деревянные церкви Варнавинского уезда Костромской губернии / С. А. Пиляк // Научный сборник Костромского архитектурно-этнографического музея-заповедника «Костромская слобода», посвященный 55-летию Костромского музея деревянного зодчества. / Отв. Ред. Т.Г.Гончарова. – Кострома: ГП «Областная типография им. М. Горького», 2015. С. 39-66.

424. Пиляк, С. А. Ярусная часовня с берегов Ветлуги. Деревня Притыкино / С. А. Пиляк // Художественно-этнографический журнал «Костромская слобода». – Кострома: Издательский проект Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода», 2015. № 1. С. 11-13.

425. Пиляк, С. А. Памятники деревянного зодчества Костромского региона. Часовня из деревни Притыкино Шарьинского района / С. А. Пиляк. - Кострома : Издательский проект музея-заповедника «Костромская слобода», 2015. – 56 с.

426. Пиляк, С. А. Композиционные особенности костромского деревянного культового зодчества XVII-нач.XX вв. : автореф. дис. … канд. арх. : 05.23.20 / Пиляк Сергей Александрович. – Москва, 2019. – 28 с.

427. Пиляк, С. А. Культурное наследие: интерпретация, актуализация, сохранение. Взгляд на костромские деревянные храмы [Текст] / С.А. Пиляк. – Кострома : ООО «Костромской печатный дом», 2020. – 264 с.

428. Пиляк, С. А. Культурное наследие: генезис, актуализация, ревалоризация. Смоленская крепость [Текст] / С.А. Пиляк. – Смоленск : ООО «Свиток», 2022. – 176 с.

429. Пиляк, С. А. Герменевтический подход в изучении феноменов культуры в работах отечественных философов // Гуманитарный вектор. 2020.

Т. 15, № 2. С. 26–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-26-32.

430. Пиляк, С. А. Региональный опыт актуализации культурных ценностей в контексте реализации государственной национальной политики // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 265-270.

431. Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1. // Философская мысль. – 2020. - № 8. – С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743.

432. Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. – С. 337–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-337-351.

433. Пиляк, С. А. Трансформация понятия идентичности в контексте интерпретации культурного наследия // Философская мысль. – 2021. – № 4. – С. 77 - 85. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.4.34078 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34078.

434. Пиляк, С. А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 194-202.

435. Пиляк, С. А. Проблемные контуры методов актуализации наследия в философском осмыслении // Ценности и смыслы. 2022. № 2 (78). С.18–27. https://doi.org/ 10.24412/2071-6427-2022-2-18-27.

436. Пиляк, С. А. Государственно-конфессиональные отношения в сохранении храмового наследия // Миссия конфессий. 2022. Том 11. Часть 1. С. 19-22.

437. Пиляк, С. А. Этапы актуализации культурного наследия // Ценности и смыслы. 2022. № 3 (79). С.51–59. Values and Meanings/Tsennosti I Smysly. 2022. No.3 (79). P. 51–59 (In Rus).

438. Пиляк, С. А. Наследие деревянного храмового зодчества в развитии государственно-конфессиональных отношений // Миссия конфессий. 2022. Том 11. Часть 7. С. 25-31.

439. Пиляк, С. А. Междисциплинарный характер исследования интерпретации культурного наследия // Социально-гуманитарные знания № 4 – 2022. С. 227-231.

440. Пиляк, С. А. Понятие культурного суверенитета в структуре Основ государственной культурной политики // Философия и культура - № 4, 2023. № 4. С. 217-226. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.4.40391 URL: https://e-notabene.ru/pfk/article_40391.html.

441. Пиляк, С. А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение - № 2, 2023. С. 175-183.

442. Пиляк, С. А. Понятие объекта культурного наследия (терминологический обзор) // Философская мысль. — 2023. - № 9. - С.78-86. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.40562 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_40562.html

443. Пиляк, С. А. Культурное наследие как антропологический феномен // Миссия конфессий. 2023. Том 12. Часть 6. С. 22-26.

444. Пиляк, С. А. Принцип актуализации культурного наследия // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Грозный, 29–30 мая 2020 г.). Материалы Круглого стола «Аксиологический кризис человеческого бытия: гуманизм – трансгуманизм – посттрансгуманизм». – Грозный: издательство Чеченского государственного университета. 2020.

445. Пиляк, С. А. Актуализация культурных ценностей как инструмент государственной политики в сфере противодействия идеологии терроризма (по материалам Костромской области) // Научные труды Кубанского государственного технологического университета, № 3, 2020. С. 349-355.

446. Пиляк, С. А. Актуализация культурного наследия в контексте развития цифрового общества // Гуманитарное знание и духовная

безопасность: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 6-7 декабря 2019 г.) – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2019. С. 321-324.

447. Пиляк, С. А. Принцип цифрового воплощения в интерпретации культурного наследия // IX Садыковские чтения «Философия и творчество в информационном обществе»: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора философских наук, академика Академии наук Республики Башкортостан Садыкова Фагима Бенияминовича (г. Уфа, 24 апреля 2020 г.). Т. 2 / отв. ред. А.М. Багаутдинов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 11-17.

448. Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия (в контексте совершенствования человеческого капитала) // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции. Том 2 / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.В. Моисеева (6–7 февраля 2020 г., г. Белгород) – Орёл: АПЛИТ, 2020. С. 257-264.

449. Пиляк, С. А. Проблемные контуры методов сохранения архитектурного культурного наследия // Материалы Международной научно-исследовательской конференции преподавателей и обучающихся «Ломоносовские чтения – 2020» под редакцией А.В. Боевой, г. Старый Оскол: СТИ НИТУ «МИСиС», 2020 – II том, С. 125-128.

450. Пиляк, С. А. Цивилизационные особенности российской культурной идентичности // Восьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы. – СПб.: ГУАП, 2020. С. 340-342.

451. Пиляк, С. А. Специфика интерпретации культурного наследия как философской категории // Мировоззренческая парадигма в философии: неустойчивость современного мира: [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам XV Международной научной конференции (Н. Новгород,

ННГАСУ, 20 марта 2020 г.) / Нижегор. гос. архитектур. – строит. ун-т; редкол. М. М. Прохоров, А. Ф. Кудряшев, А. Н. Фатенков, В. С. Лапшина – Н. Новгород: ННГАСУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-R). ISBN 978-5-528-00414-3. С. 130-133.

452. Пиляк, С. А. Цифровые технологии и интерпретация культурного наследия // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 10-11 декабря, 2020 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2020. С. 297-302.

453. Пиляк, С. А. Цифровизация культурного наследия как инструмент актуализации народного деревянного зодчества // Информационные технологии в экономике и управлении: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Махачкала, 11-12 ноября 2020 г.: Дагестанский государственный технический университет. – Махачкала, 2020. С. 190-192.

454. Пиляк, С. А. Интерпретация регионального культурного наследия и влияние цифровых технологий // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сборник статей III Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Брянского государственного инженерно-технологического университета (г. Брянск, 26-27 ноября 2020 г.) [Электронный ресурс]. – Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т., 2020. С. 688-693.

455. Пиляк, С. А. Понятие культурного наследия в системе философского знания и права // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы X-ой Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 10. Ростов н/Д: Дониздат, 2020.

456. Пиляк, С. А. Культурное наследие как символ консолидации российского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и

перспективы : материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 15 февраля 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска. https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1900-8.2021.1-556 ISBN 978-5-9624-1900-8. С. 21-26.

457. Пиляк, С. А. Место и роль культурного наследия в системе философского знания и права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 15 марта 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска. https://doi.org/10.26516/ 978-5-9624-1905-3.2021.1-502. ISBN 978-5-9624-1905-3. С. 287-294.

458. Пиляк, С. А. Российское культурное наследие в правовом измерении // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 15 марта 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска. https://doi.org/10.26516/ 978-5-9624-1905-3.2021.1-502. ISBN 978-5-9624-1905-3. С. 295-300.

459. Пиляк, С. А. К вопросу о формировании ряда принципов интерпретации объектов культурного наследия // Studia Humanitatis. 2021. № 1. ISSN 2308-8079. Режим доступа: http://st-hum.ru/content/pilyak-sa-k-voprosu-o-formirovanii-ryada-principov-interpretacii-obektov-kulturnogo.

460. Пиляк, С. А. Цифровая трансформация наследия и презентация культурной идентичности // Современный город: власть, управление, экономика. Цифровая трансформация государственного и

муниципального управления. Выпуск XI. Сборник научных статей. – Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2021. С. 219-224.

461. Платон. Избранные диалоги / Платон. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. – 440 с.

462. Полтавская, Е. И. Триединство музея, архива, библиотеки в проективной философии Н. Ф. Федорова: современная трактовка // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 563-570. https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.414.

463. Поляков, Т. П. Музей будущего: Проблема выбора модели // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX и XXI веков. – М., 2001. С. 84-85.

464. Поляков, Т. П. Учение академика Д.С. Лихачёва об экологии культуры в контексте современного «живого музея» // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. – М.: Институт наследия, 2017. С. 113-128.

465. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» : монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина, А. А. Корнеева ; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. – М. : Институт Наследия, 2021. – 438 с.

466. Понукалина, О. В. Виртуальная «цивилизация досуга» российской

провинции // Вестник ЧелГУ. 2008. № 33. С. 80-87.

467. Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки) [Текст] : [очерки о русской философской мысли от Владимира Соловьева до Густава Шпета] / В. Н. Порус. - Москва : Канон+, 2008. - 463 с.

468. Приселков, М. Д. Историко-бытовые музеи : Задачи, построение, экспозиция / М. Д. Приселков Рос. музей. Историко-бытовой отд. - Ленинград : Гос. Рус. музей, 1926. - 17 с.

469. Прокудин, Д. Е., Толстикова, И. И. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 288-298. https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.212.

470. Прокудина, Д. А. Музей как фактор трансляции ценностей современной российской молодежи : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.06 / Прокудина Дарья Александровна; [Место защиты: Моск. гос. технол. ун-т "Станкин"]. - Москва, 2008. - 141 с.

471. Пруцын, О. И. Архитектурно-историческая среда / О. И. Пруцын (ред.). – М. : Стройиздат, 1990. – 408 с.

472. Птичникова, Г. А. Адаптационные механизмы развития городской морфологии в условиях глобализации // Современная архитектура мира. Вып .6 / отв. ред. Н.А. Коновалова. – М.; СПб. : Нестор-История, 2016. С. 227-252.

473. Пуанкаре, А. О науке : [Сборник]. Пер. с фр. / Анри Пуанкаре; Под ред. Л. С. Понтрягина. – М. : Наука, 1983. – 560 с.

474. Путин, В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

475. Путрик, Ю. С. Туристское использование российского зарубежного культурного наследия // Российское культурное наследие за рубежом: анализ состояния и сохранения, актуальные проблемы использования и доступности: Материалы Всерос. науч. -практ. конф. 14 окт. 2015 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. науч. -исслед. ин-т культурного и природ.

наследия им. Д. С. Лихачева; ред.-сост. – Т. А. Пархоменко; лит. ред. – Н.В. Назарова. – М.: 2015. С. 63-72.

476. Путрик, Ю. С. Геокультурная матрица российской цивилизации как ресурс пространственного развития России // Культурное наследие России: Научно-информационный журнал. 2018. № 3. С. 95–101.

477. Геокультурная матрица Российской Федерации как новый фактор и перспективный инструмент формирования общероссийской системы сохранения, изучения, популяризации и использования объектов культурного наследия : сборник научных докладов / Отв. редактор Ю. С. Путрик. – М. : Институт Наследия, 2022. – 120 с.

478. Работкевич, А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII – начале XX века: диссертация … кандидата культурологии : 24.00.03 / Рос. гос. гумантар. ун-т. - Москва, 1999. – 295 с.

479. Разгон, А. М. Музейный предмет как исторический источник / А. М. Разгон // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин : сб. ст. – М. : Наука, 1984. С. 173-184.

480. Разлогов, К. Э. Государственная политика в сфере культуры: точки отсчёта и основные проблемы // Культура России: информационно-аналитический сборник. – М., 2010. – 36 с.

481. Разлогов, К. Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. – 2015. - № 7. С. 28-40.

482. Разлогов, К. Э. Культурная революция и культурная реставрация // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 79-85.

483. Разумовская, И. М. Кострома [Текст] / И.М. Разумовская. – Л.: Художник РСФСР, 1990. – 208 с.

484. Ранинский, Ю. В. Памятники архитектуры и градостроительства : [Учеб. пособие для архит. и строит. спец. вузов] / Ю. В. Ранинский. - М. : Высш. шк., 1988. - 60 с.

485. Раппопорт, П. А. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. – СПб.: Лики России, 2013. - 325 с.

486. Расторгуев, В. Н. Солидарность цивилизаций // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. - М. : Институт Наследия, 2020. С. 141-159.

487. Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития : монография по материалам XVII Международных Панаринских чтений / отв. ред. В. Н. Расторгуев ; науч. ред. А. В. Никандров ; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) ; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, филос. ф-т. – М. : Институт Наследия, 2020. – 338 с.

488. Резник, Ю. М. Культурология в системе наук о культуре: новая дисциплина или междисциплинарный проект? // Теория культуры. Фундаментальные проблемы культурологии. – СПб.: Алетейя. 2008. С. 16-32.

489. Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции [Текст] : [монография] / [Ю. М. Резник и др.] ; под ред. Ю. М. Резника ; Российский ин-т культурологии. – М. : Научно-политическая книга, 2012. - 477 с. :

490. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

491. Рёскин, Дж., Лекции об искусстве. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2006. – 318 с.

492. Реутов, А. С. Визуальные исследования современной культуры : феноменологический аспект : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Реутов Антон Сергеевич; [Место защиты: Нижегор. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина]. - Нижний Новгород, 2018. - 35 с.

493. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. - 624 с.

494. Рикёр, П. Память, история, забвение / Поль Рикёр ; [пер. с фр.: И. И. Блауберг и др.]. - М. : Изд-во гуманит. лит., 2004 (ППП Тип. Наука). - 725 с.

495. Риккерт, Г. Философия жизни. – Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1998. – 505 с.

496. Риккерт, Г. О понятии философии // Философия жизни. – Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1998. – 505 с.

497. Ритцер, Дж. Макдональдизация, глобализация / американизация и новые средства потребления // Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. С. 497-506.

498. Рождественская, М. В. О научной школе академика Д.С. Лихачёва в изучении литературы Древней Руси // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: Институт наследия, 2017. С. 138-147.

499. Рождественская, С. Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. – М.: Издательство «Наука», 1980. – 206 с.

500. Розин, В. М. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. – М., 2004. С. 3-23.

501. Розин, В. М. Мышление: сущность и развитие. Концепции мышления. Роль мыслящей личности. Циклы развития мышления. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 368 с.

502. Ройфе, А. Б. Культура регионов России в контексте культурологии М.С. Кагана // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. С. 38-43.

503. Ройфе, А. Б. Векторная концепция истории М.С. Кагана в контексте мировой и отечественной историографии // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 388-401.

504. Романов, Н. И. Местные музеи и как их устраивать. М., 1918. – 110 с.

505. Российская музейная энциклопедия: в 2 т. – М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. – 416 с.

506. Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С.

Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт наследия. 2016. – 400 с.

507. Рормозер, Г. Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 75-86.

508. Рубинштейн, А. Я., Музычук, В. Ю. Между прошлым и будущим российской культуры // К проекту закона «О культуре в Российской Федерации». Материалы исследований. – М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 6-29.

509. Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А. Я. Рубинштейна – М.: Государственный институт искусствознания. 2016. – 108 с.

510. Русаков, А. Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 11-15.

511. Русская игрушка из коллекции Художественно-педагогического музея игрушки АПН СССР, г. Загорск: – М.: «Советская Россия», 1987. – 198 с.

512. Русская народная игрушка [Текст]: кат. выст. / Гос. Эрмитаж. – Л.: ГЭ, 1990. - 37 с.

513. Рыбалкина, П. В. Проектное мышление в культуре : методологический анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Рыбалкина Полина Валерьевна; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. - Белгород, 2018. - 23 с.

514. Рыбак, К. Е. Музей в нормативной системе (историко-культурологический анализ): автореферат диссертации … доктора культурологии: 24.00.03; [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. – СПб. 2006. – 36 с.

515. Саваренская, Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды. Учебник для вузов. М.: Стройиздат, 1984. – 376 с.

516. Саваренская, Т. Ф. Западноевропейское градостроительство XVII-XIX веков : эстет. и теорет. предпосылки / Т. Ф. Саваренская. - М. : Стройиздат, 1987. – 188 с.

517. Саваренская, Т. Ф., Швидковский, Д. О., Петров, Ф. А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. - М.: Стройиздат, 1989. – 390 с.

518. Савка, А. В. Современность и кризис цивилизации // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт Наследия, 2019. С. 137-164.

519. Сайко Е. А. Феномен воспоминания в контексте современной книжной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 35-42. https://doi.org/: 10.24412/1997-0803-2020-597-35-42.

520. Сальников, Е. В. Герменевтическая концепция в философии Г. Г. Шпета : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.03. - Москва, 2000. – 27 с.

521. Севан, О. Г. Модернизация не есть унификация среды (о памятниках и региональных особенностях строительства в России) / О. Г. Севан // Культура дерева – дерево в культуре: тез. междунар. науч.-практ. конф., 24-28 сентября 2010 г., Москва – Ростов Великий. / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии и др.; отв. ред.-сост. О. Г. Севан. – М., 2010. – 200 с.

522. Севостьянов, Д. А., Гайнанова, А. Р. Символическая природа ценностей // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 2. С. 132–139.

523. Седых, О. М. Концепция времени и памяти в учении П.А. Флоренского: к вопросу о влиянии идей Николая Федорова // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903). Сборник научных статей. - Академический проект: Москва, 2018. - С. 557–566.

524. Селезнёва, Е. Н. Культурное наследие и культурная политика России 1990-х гг. : (Теоретико-методол. проблемы) / Е. Н. Селезнёва ; Рос. ин-т культурологии. – М. : Рос. ин-т культурологии, 2003. – 163 с.

525. Селезнева, И. А. Научно-популярные мероприятия как форма актуализации культурного наследия // Аношинские чтения : материалы I Межрегиональной научно-практической конференции (р. п. Большеречье Омской области, 12-13 октября 2016 г.) / гл. ред. Т. Н. Золотова, отв. ред. И. А. Селезнева, Г. М. Патрушева, О. Н. Шелегина. – Омск : Издательский дом «Наука», 2017. С. 133-138.

526. Семедов, С. А. Противодействие экстремизму и терроризму как проблема национальной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 8 (466). С. 10–20. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10802.

527. Семёнова, Г. В. Музеи-заповедники как особый вид музеев // Архив наследия – Выпуск 14. 2015 года. Научный сборник. - М.: Институт наследия, 2015. С. 246-263.

528. Сенюшкина, Т. А. Кризис идентичности и цивилизационное наследие Православной культуры // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия

им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия. 2016. С. 173-182.

529. Сергеева, М. Н. Молодежь Тувы и ее информационная культура в период глобализации: аспекты адаптации : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Сергеева Мария Николаевна; [Место защиты: Сиб. федер. ун-т]. - Красноярск, 2017. - 23 с.

530. Силантьева, М. В. "Мягкая сила" в формировании гражданственности / М. В. Силантьева // Духовно-нравственные аспекты формирования гражданственности : Коллективная монография (по материалам Всероссийской научно практической конференции) / Под общей редакцией А.А. Лисенковой, М.Г. Писманика, П. Ф. Сироткина, А.А. Субботиной. – Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2021. – С. 67-76.

531. Силичев, Д. А. Культурное наследие и культурная политика постсоветской России // Культура в условиях глобализации взгляд из России : монография /коллектив авторов ; под ред. А.Н. Чумакова. – М. : КНОРУС, 2017. С. 135-164.

532. Симбирцева, Н. А. Тексты культуры : специфика интерпретации : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Симбирцева Наталья Алексеевна; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. - Екатеринбург, 2017. - 45 с.

533. Синицына, Л. Н. Современное образование в герменевтическом измерении // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. – М.: Альфа-М, 2006. – Т. 9. Социология образования. С. 155-158.

534. Сиротина, Т. А. Музейная среда исторического города : ярославский архитектурный опыт : автореферат дис. ... кандидата

культурологии : 24.00.01 / Сиротина Татьяна Александровна; [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского]. - Ярославль, 2016. - 22 с.

535. Ситников, А. В. Православие, институты власти и гражданского общества в России. - СПб.: Алетейя, 2012. - 248 с.

536. Ситников, А. В. Нация и религия: к определению понятия «религиозный национализм» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 579–589. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-579-589.

537. Ситников, А.В. Национальная идентичность: практики и пределы конструирования // Вестник российской нации, № 1-2 (89), 2023. С. 89-105

538. Скоробогачева, Е. А. Перспективы цивилизационного развития России в ареале духовно-художественных традиций Русского Севера // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.- исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М. : Институт наследия, 2019. С. 422-428.

539. Скрипкина, Л. И. Музей в системе постмодернистской парадигмы научного знания / Л. И. Скрипкина // Музей в современном мире: традиционализм и новаторство. – М.: ГЦМСИР, 1999. С. 29-37.

540. Славина, Т. А. Исследователи русского зодчества: русская историко-архитектурная наука XVIII - начала XX века. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 192 с.

541. Слюнькова, И. Н. Наука и актуальные вопросы сохранения идентичности историко-архитектурного наследия // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли

Российской Федерации в 2016 году: Сб. науч. тр. РААСН. Т. 1. – М.: Издательство АСВ, 2017. С. 223- 231.

542. Смирнов, А. В. Современный музей: коммуникация или коммеморация // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 17-24.

543. Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах: тезисы докладов Всероссийской научной школы (Омск, 6–8 сентября 2011 г.) / отв. ред. Т. Б. Смирнова, Н. А. Томилов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 168 с.

544. Совершенствование понятийного аппарата в сфере государственной культурной политики современной России : коллективная монография. – М. : Институт наследия, 2020. – 117 с.

545. Соложенкин, Б. С. Философско-антропологические аспекты проблемы самосознания : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Соложенкин Борис Сергеевич; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2017. - 30 с.

546. Соколов, К. Б. Социальная эффективность художественной культуры: Процессы распространения и освоения художественных ценностей. – М.: Наука, 1990. – 244 с.

547. Соколов, Д. А. Опыт интерпретации традиционных форм в новом строительстве из дерева / Д. А. Соколов. В. В. Носов. Н. Д. Соколова // Деревянное зодчество. Вып. II. Новые материалы и открытия: [сборник научных статей/ Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории истории архитектуры и градостроительства]. – М. ; СПб. : Коло, 2011. С. 324-347.

548. Сопова, М. Н. Формирование культурной и индивидуальной идентичности в процессе детской игровой коммуникации : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Сопова Майя Николаевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. - Сыктывкар, 2016. - 180 с. : ил.

549. Социально-культурная деятельность в современном

гуманитарном дискурсе : Коллективная монография / Н. Н. Ярошенко, Л. Н. Воеводина, К. И. Вайсеро, Т. Н. Суминова [и др.] ; МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ; ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ». – М.: Московский государственный институт культуры, 2021. – 280 с. – ISBN 978-5-94778-610-1.

550. Стаф, И. К. История книги и история литературы: проблемы взаимодействия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Книга и книжное дело в XIX-XX веке. Смирдинские чтения. 2018. Том 217. С. 99-111.

551. Степин, В. С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПБГУП, 2011. – 408 с.

552. Сторчак, В.М., Ситников, А.В., Сторчак, М.В. Религиозная символика в коллективной памяти (на примере российских государственных символов) // Религиоведение, № 2. С. 94-100.

553. Странский, З. Понимание музееведения // Музеи мира. Сб. науч. тр. НИИ культуры. – М., 1991.

554. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 г. Проект / колл. авт.: Е. В. Бахревский, Т. В. Беспалова, О. А. Закунов, А. С. Миронов. М.: Институт Наследия, 2016. - 136 с.

555. Строева, О. В. Эпоха «размножения» персонального экрана: изменение восприятия пространства и времени // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 4. С. 396-403.

556. Стычинский, М. С. Философские основания межкультурных конфликтов в условиях глобализации культуры : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Стычинский Максим Сергеевич;

[Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. - Москва, 2019. - 34 с.

557. Судакова, Н. Е. Ностальгия по культуре в контексте рефлексии смыслов инклюзии // Общество: философия, история, культура. 2018. № 11. (55). С.45-49.

558. Сундиева, А. А. О базовых понятиях музейной науки // Музей. 2009. № 5. С. 4-9.

559. Сундуева, Д. Б. Культурная идентичность малых этнических групп трансграничья : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Сундуева Дина Борисовна; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т]. - Чита, 2017. - 42 с.

560. Тарумова, Н. Т. Актуализация отечественного культурного наследия XVIII-XX вв. в коммуникационном пространстве Internet : архивные и музейные коллекции : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Тарумова Наталья Тимофеевна; [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского]. - Ярославль, 2017. - 23 с.

561. Терехов, В. В. Диалог герменевтики и феноменологии в философском проекте культуры Г.Г. Шпета: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 Философская антропология, философия культуры / Терехов Виталий Васильевич; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. - Орел, 2015. – 172 с.

562. Титов, А. Упраздненные монастыри Костромской епархии. - М., 1909. – 32 с.

563. Тишков, В. А. Как нам построить общество равных, разных, солидарных наций и народностей [Электронный ресурс]. — URL: http://svop.ru/main/26190/ (дата обращения : 20.04.2018).

564. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. – М.: Прогресс-Культура, 1996. – 480 с.

565. Томюк, О. Н. Философские основания творчества как феномена культуры: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Томюк Ольга Николаевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»]. - Москва, 2020. - 188 с.

566. Троицкий, С. А., Гуляева, Н. Л. Метод картографирования культурных трансформаций // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 4. С. 482-488.

567. Туровский, Ю. Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Институт наследия. 1998. – 234 с.

568. Тхагапсоев, Х. Г., Мосолова, Л. М., Леонов, И. В., Соловьева, В. Л. Идентичность как навигатор сознания. – СПб.: Астерион, 2016. – 170 с.

569. Тхагапсоев, Х. Г. и др. Информационно-семиотическая теория культуры: введение : монография / д-р филос. н., проф. Х.Г. Тхагапсоев, д-р филос. н., проф. О.Н. Астафьева, д-р филос. н., проф. И.И. Докучаев, д-р культурологии, доц. И.В. Леонов. – Санкт-Петербург : Астерион, 2020. – 208 с.

570. Тяглова, М. А. Игра как способ конституирования сакрального начала в современных молодёжных субкультурах : на примерах ролевого и реконструкторского движения : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Тяглова Мария Александровна; [Место защиты: Крым. федер. ун-т им. В.И. Вернадского]. - Симферополь, 2017. - 26 с.

571. Уайт, Л. Наука о культуре // Онтология исследований культуры / Ред. Л.А. Мостова. Т. 1. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 141-156.

572. Уайт, Х. Метаистория. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 527 с.

573. Уваров, П. История, истории и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 207-209.

574. Угрин, И. М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; И.М. Угрин. – М. : ИФ РАН, 2017. – 106 с.

575. Улинова, И. Х. Значение культурных индустрий в сохранении этнического своеобразия калмыков // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 34-39.

576. Успенский, Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры // Избранные труды: В 2 т. Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 608 с.

577. Успенский, Б. А. Язык и культура // Избранные труды: В 2 т. Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 780 с.

578. Ушкарев, А. А. Искусство в структуре досуга москвичей // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 670-679.

579. Ушкарев, А. А. Типология досугового поведения // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 2. С. 148-156.

580. Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение. // Федоров Н.Ф. Из философского наследия. (Музей и культура). – М., 1995. Сб. Музейное дело, вып. 23. С. 16-124.

581. Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Соч. / общ. ред. А. В. Гулыга, вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семеновой. – М.: Мысль, 1982. С. 575-604.

582. Федоров, Н. Ф. Из философского наследия [Текст] : (Музей и культура) / Федоров Н. Ф. ; авт.-сост. О. А. Аксеничев, Г. К. Ольшевская, В. Н. Цуканова [и др.] ; Музей революции. – М., 1995. – 336 с.

583. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – Т. I. – 518 с.

584. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – Т. II. – 498 с.

585. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Традиция, 1997. – Т. III. – 744 с.

586. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Традиция, 1999. – Т. IV. – 688 с.

587. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. / Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. – М.: Традиция, 2000. – Т. Дополнения. Комментарии к Т. IV. – 638 с.

588. Федотова, Н. Н. Изучение идентичности: контексты ее формирования. – М.: Культурная революция, 2012. – 200 с.

589. Федотова, Н. Г. Культурные практики в контексте формирования символического капитала места // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 550-557.

590. Философия в систематическом изложении. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 440 с.

591. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд. – М., 2001. – 339 с.

592. Философия: Энциклопедический словарь (ред. А.А. Ивин). – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

593. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.

594. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов. – М.: МГУКИ, 2009. – 705 с.

595. Флиер, А. Я. Миф как универсальный контекст интерпретации культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 724-729.

596. Флиер, А. Я. Интерпретации культуры в контексте мифа / А. Я. Флиер // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2018. № 2. С. 35-44.

597. Флоренский, К. П. О сохранении памятников культуры. Мысли натуралиста // Памятники Отечества. Книга вторая. – М.: Современник, 1975. С. 44-58.

598. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины : Опыт православ. теодицеи в двенадцати письмах / Священник Павел Флоренский. – М. : Лепта, 2002. – 812 с.

599. Флоренский, П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 3. Ч. 1. [У водоразделов мысли] / сост. А. С. Трубачева ; под общ. ред. А. С. Трубачева. – М. : Мысль, 1999. – 257 с.

600. Флоренский, П. А. Храмовое действо, как синтез искусств // Советская культура. 1989. 18 мая.

601. Фогелер, Я. Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики //Герменевтика: история и современность (Критические очерки)/ коллектив авторов. – М. «Мысль», 1985. С. 11-38.

602. Фоллмер, Г. Эволюционная проблема познания. – М. 1998. С. 53-56.

603. Франк, С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 510 с.

604. Франция-память [Текст] / Санкт-Петербургский гос. ун-т; [Пьер Нора и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 325 с.

605. Фреге, Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. – М.: ВНИИТИ, 1977. С. 181-212.

606. Фрумкин, А. Из переписки с народными мастерами // Декор. искусство СССР. – 1987. №3. С. 41-43.

607. Хабермас, Ю. К логике социальных наук. Современная западная теоретическая социология : реферативный сборник / Российская академия наук [РАН]. Институт научной информации по общественным наукам [ИНИОН]; отв. ред. Н. Л. Полякова ; редкол.: Ю. Н. Давыдов, Ю. А. Кимелев. - Москва : Институт научной информации по общественным наукам [ИНИОН] РАН, 1992. Вып. 1 : Юрген Хабермас. - 1992. - 134 с.

608. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст]: Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln : Пер. с нем. / Юрген Хабермас; Под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2000. – 377 с.

609. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст]: Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln : Пер. с нем. / Юрген Хабермас; Под ред. Д.В. Скляднева. – Изд. 2-е, стер. – СПб.: Наука, 2006. – 377 с.

610. Хайек, Ф. А. фон. Контрреволюция науки [Текст] ; Этюды о злоупотреблениях разумом : Перевод / Хайек, Ф.А. фон. – М.: ОГИ, 2003. – 286 с.

611. Хасегава, Ю. Новое музееведение и кураторская практика / Актуальные проблемы теории и истории искусства – 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2018. С. 930-931.

612. Хилько, Н. Ф. Роль научного наследия академика Д.С. Лихачёва в формировании информационно-ценностного подхода к изучению визуальных образов // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Российском научно-

исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Отв. ред. С.Ю. Житенёв. – М.: Институт наследия, 2017. С. 148-155.

613. Хренов, Н. А. Социальная психология искусства: переходная эпоха. – М.: Альфа-М, 2005. – 623 с.

614. Худолей, Н. В. Классический текст культуры как система коммуникативного кодирования : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Худолей Наталья Викторовна; [Место защиты: Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств]. - Улан-Удэ, 2016. - 23 с.

615. Хюбнер, К. Нация. – М.: Канон., 2001. – 396 с.

616. Хюбнер, К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 447 с.

617. Цветаева, М. Н. Классический музей: проблемы интерпретации культурного наследия // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 37-47.

618. Челышев, Е. П. Защита цивилизационного наследия России и роль культурной политики в выборе курса // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт наследия. 2016. С. 13-25.

619. Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире. – Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2010. – 296 с.

620. Чернова, Я. С. Философская герменевтика Поля Рикера : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Чернова Яна Сергеевна; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. - Саратов, 2012. - 24 с.

621. Черняховский, С. Ф. Политическая культура : государственная политика и философия будущего. [Текст]: монография / С. Ф. Черняховский,

отв. ред. С. Ф. Черняховский; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. – М. : Институт Наследия, 2019. – 254 с.

622. Чивилев, А. А. Межличностная коммуникация как феномен современной культуры : опыт культурологического анализа : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Чивилев Александр Андреевич; [Место защиты: Челяб. гос. ин-т культуры]. - Челябинск, 2017. - 25 с.

623. Чистякова, Е. Ю. Конфликт мировоззрений : философско-культурологическая интерпретация и экзистенциальные смыслы : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Чистякова Екатерина Юрьевна; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. - Белгород, 2017. - 19 с.

624. Чувилова, И. В. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20-25.

625. Чувилова, И. В. История в музейном пространстве: materia prima / И. В. Чувилова // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. – М.: Этерна, 2015. С. 93-101.

626. Чуковская, Е. Э. Правовое регулирование сферы культуры // К проекту закона «О культуре в Российской Федерации». Материалы исследований. – М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 30-83.

627. Культура в условиях глобализации взгляд из России : монография / коллектив авторов ; под ред. А.Н. Чумакова. – М. : КНОРУС, 2017. – 372 с.

628. Чумаков, А. Н. Культурный код общественного развития: глобальные и локальные аспекты // Культура в условиях глобализации взгляд из России : монография /коллектив авторов ; под ред. А.Н. Чумакова. – М. : КНОРУС, 2017. С. 8-33.

629. Шалютин, С. М. Искусственный интеллект: Гносеологический аспект. – М.: Мысль, 1985. – 199 с.

630. Шапинская, Е. Н. Эстетические ценности классического наследия в пространстве массовой культуры: вызовы времени и возможные ответы // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия. 2016. С. 268-278.

631. Шахов, В. А. Генезис и специфика культуры Калининградской области: диссертация ... доктора культурологии: 24.00.01 / Шахов Вячеслав Александрович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»], 2019.- 334 с.

632. Швецова, А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 653-661.

633. Швидковский О. А. Архитектурно-художественные проблемы городской застройки. - М., 1968.

634. Градостроительная культура европейских социалистических стран / Э. А. Гольдзамт, О. А. Швидковский. - М. : Стройиздат, 1985. - 479 с.

635. Швидковский, Д. О. От мегалита до мегаполиса [Текст] : очерки истории архитектуры и градостроительства / Дмитрий Швидковский. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Кучково поле : ABCdesign, 2018. - 478 с.

636. Швидковский, Д. О., Есаулов, Г. В., Карелин, Д. А., Ревзина, Ю. Е. Прошлое и будущее классической архитектуры. – М.: Архитектура-С, 2017. – 527 с.

637. Швидковский, Д. О. Пространство мирового зодчества. М.: Архитектура-С, 2017. - 560 с.

638. Шелегина, О. Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореферат диссертации

… доктора исторических наук: 24.00.03; [Место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный университет] – Томск, 2012. – 54 с.

639. Щенков, А. С. Архитектурно-градостроительное наследие в научных исследованиях РААСН // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году: науч. тр. РААСН: в 2 т. Т.1 / РААСН, Иван. гос. архит.-строит. ун-т; под ред. А.П. Кудрявцева [и др.]. – М.; Иваново, 2010. С. 50-53.

640. Щенков, А. С. Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX века: историко-культурные проблемы. – М.: Российская акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства. - Москва : URSS, 2011. - 275 с.

641. Щенков, А. С. Проблемы преемственного развития исторической застройки малых русских городов // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2017 году: Сб. науч. тр. РААСН. Т. 1. – М.: Издательство АСВ, 2018. С. 274-279.

642. Шлейермахер, Ф. Герменевтика. – Перевод с немецкого А.Л. Вольского. Научный редактор Н.О. Гучинская. – СПб.: «Европейский Дом». 2004. – 242 с.

643. Шляхтина, Л. М., Мастеница, Е. Н. Музейно-педагогическая мысль в России: Исторические очерки. – СПб: СПбГУКИ, 2006. – 272 с.

644. Шмитт, К. Политическая теология. – М.: Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000, - 333 с.

645. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 637 с.

646. Шпет, Г. Г. Герменевтика и её проблемы / Г. Г. Шпет // Констекст. 1989. М., 1989; Контекст. 1990. М., 1990; Контекст. 1991. М., 1991.

647. Шпет, Г. Г. Очерк развития русской философии. I. / Г Г. Шпет; [отв. ред.-сост., коммент., археограф, работа Т.Г. Щедрина]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 592 с.

648. Шрейдер, Ю. А. ЭВМ как средство представлении знаний // Природа. 1986. № 10. С. 14-22.

649. Шуб, М. Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 4-11.

650. Шуб, М. Л. Образ прошлого как феномен культуры : концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Шуб Мария Львовна; [Место защиты: Челяб. гос. ин-т искусства и культуры]. - Челябинск, 2018. - 42 с.

651. Шувалов, В. М., Чупина, К. А. Реновация деревянных построек Русского Севера // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Материалы международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г. : Сборник статей. – М.: МАРХИ, 2001. С. 508-512.

652. Шулепова, Э. А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.02, 24.00.03 / Рос. ин-т культурологии. - Москва, 1998. - 42 с.

653. Шулепова, Э. А. Историческая память в контексте культурного наследия // Культура памяти: Сб. научн. ст. / Науч. ред. Э.А.Шулепова; Сост. А.В. Святославский. – М., 2003. С. 11-26.

654. Шулепова, Э. А. Культурный опыт и проблема его сохранения : (к постановке проблемы) // Обсерватория культуры : журнал-обозрение. 2005. № 1. С. 78-81.

655. Шулепова, Э. А. Культурное наследие: актуальные проблемы трансляции // Обсерватория культуры : журнал-обозрение. – М., 2009. № 2. С. 61-65.

656. Основы музееведения : учеб. пособие / отв. ред. Э.А. Шулепова. – Изд. 2-е, испр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 432 с.

657. Шулепова, Э. А. Наследие и современность: проблема изучения и сохранения // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций. – М., 2010. С. 3-10.

658. Шульга, Е. Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии / Е. Н. Шульга. – М.: ИФРАН, 2004. – 174 с.

659. Шульгин, П. М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития / П. М. Шульгин // Мир России. Социология. Этнология. – 2014. – Т. 13, №2. С. 115-133.

660. Шухободский, А. Б. Памятник истории и культуры как специфический вид культурной ценности / А. Б. Шухободский // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. № 9. С. 356-365.

661. Шюц, А. Чужак: социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. В.Г. Николаев, С.В. Ромашко, Н.М. Смирнова. – М.: РОСПЭН, 2004. С. 533-549.

662. Щедрина, Т. Г. Философско-методологический проект Густава Шпета : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.03 / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2003. - 32 с.

663. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. – М. : Петрополис, 1998. – 432 с.

664. Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 228 с.

665. Эльяшевич, Д. А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Книга и

книжное дело в XIX-XX веке. Смирдинские чтения. 2018. Том 217. С. 55-81.

666. Эриксон, Э. Г. Детство и общество. М.: ИТД «Летний сад», 2000. – 416 с.

667. Юренева, Т. Ю. Музей в мировой культуре. – М.: «Русское слово-РС», 2003. – 536 с.

668. Юркевич, П. Д. Философские произведения. – М.: Правда, 1990. – 669 с.

Иностранные источники

669. Adorno T. W. Valéry Proust Museum // Prisms: Cultural Criticism in Society. London: Neville Spearman, 1967. – 176 p.

670. Argan G. G. Storia dell'arte come storia della citta. Roma, 1983.

671. Breton, R. Ethnic Relations in Canada: Institutional Dynamics. Montreal and Kingston, 2005.

672. Brinckmann A. E. Stadtbaukunst vom Mittelalter bis zur Neuzeit. Wildpark – Potsdam, 1926.

673. Cameron D. A Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // Curator. 1968. Vol. 11. P. 33-40.

674. Chartrand, H.H. Funding the Fine Arts: An International Political Economic Assessment, In Nordic Theatre Studies, 2001, vol. 14. – URL: http:// artmarkets.files.wordpress.com/2009/09/chartrand.pdf. Accessed August 12, 2019.

675. Chartrand H. H., McCaughey C. The Arm's Length Principle and the Arts: An International Perspective – Past, Present And Future, In Who's to Pay for the Arts: The International Search for Models of Support. N. Y., 1989, P. 43-80.

676. Cultural policy: a preliminary study. (Paris: UNESCO, 1969).

677. Cultural Heritage Counts for Europe Report. Krakow, 2015.

678. Dahl R., Tufte E. Size and Democracy. Stanford, Calif., 1973.

679. Diemer A. Elementarkurs Philosophie. Hermeneutik. Düsseldorf - Wien, 1977.

680. Diltey W. Gesammelte Schriften, Bd VII. Leipzig - Berlin, 1927. - 205 p.

681. Gadamer, H.-G. Rhetorik, Hermeneutik und Ideologiekritik, P. 57-58.

682. Gellner E. Nations and nationalism. Oxford: Blackwell. 1983. P. 48-49.

683. Guidoni E. La citta Eropea. Vilano, 197.

684. Gutkind E. A. International History of City Development. Vol. 1-8. N.Y., 1964-1972.

685. John Cotton Dana. The New Museum. – Woodstok, Vermont: Elm tree Press, 1917. – 57 p.

686. Habermas J. A. Theorie Communicative Action.

687. International encyclopedia of the social sciences / Darity, William A., Jr. - 2nd ed. - Detroit [etc.] : Macmillan reference USA, cop. – 2008.

688. Koldewey R. Das wieder erstehende Babylon. 4 Aufl., Lpz., 1925.

689. Lavedan P. Histoire de l'urbanisme. 3 vol., Paris, 1925, 1941, 1952.

690. Malraux A. Le muséeimaginaire. Paris: Éditions du Seuil, 1965. P. 207.

691. Martin R. L. L'Urbanisme dans la Grece Antique. Paris, 1974.

692. Rosenau H. The Ideal City in its Architectural evolution. London, 1959.

693. Ruth Rentschler, Audrey Gilmore. Museums: discovering services marketing // International journal of arts management, vol. 5, no. 1. 2002. - P. 62-72.

694. Fr. Schleiermacher’s sämtliche Werke, Abt. 1. Zur Theologie, Bd 1. Berlin, 1843, – 56 p.

695. Schlegel Fr. Literary Notebooks, 1797-1801. London, 1957. – 107 p.

696. Searle John R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge University Press, 1969.

697. Schleiermacher F. D. E. Hermeneutics and Criticism. Edited by Andrew Bowie, Anglia Polytechnic University, Cambridge. - Cambridge University Press, 1998. – 284 c.

698. N. S. Trubetzkoy’s letters and notes. Prepared for publication by R. Jakobson. Paris: Mounton,1975 Roman Jakobson (ed.), N. S. Trubetzkoy's letters and notes. (Janua linguarum, series major, 47.) The Hague/Paris: Mouton, 1975. Pp. xxiv+506.

699. Zarebska T. Telria urbanistyki wloskiej XV i XVI wieku. Warszawa, 1071.